Б. ДОЛГИХ

КЕТЫ

МОСКВА
ИРКУТСК
1934

Б. ДОЛГИХ

КЕТЫ

ИРКУТСК — МОСКВА
ОГИЗ — 1934

Широко использовав материал приполярной переписи 1926—1927 года и последующие данные изучения нашего севера, автор дает довольно полную картину истории закабаления царизмом и послереволюционного культурного и хозяйственного роста и перестройки общественно-хозяйственного уклада одной из многочисленных народностей нашего севера—кетов. Книжка показывает, как обреченная дореволюционной политикой колониального грабежа на полное вымирание кетская народность, в результате национальной политики партии и правительства, при помощи и под руководством пролетариата нашей страны, выходит на широкую дорогу социалистической перестройки своего хозяйства и приобщается ко всем достижениям социалистической культуры

ВВЕДЕНИЕ

Значение Енисея в географии Сибири не ограничивается тем, что он является мощным водным потоком длиною в 4000 *км.* С Енисеем связан целый ряд естественно-географических рубежей. По нему проходит геологическая граница между однообразными болотными наносами Западносибирской низменности и поднятым плоскогорием Тунгусского бассейна, области скалистых «хребтов», придающей всей огромной территории Сибири к востоку от Енисея горный ландшафт. Болотные, торфяные почвы Оби и Таза за Енисеем заменяются подзолистыми суглинками долин Подкаменной и Нижней Тунгусок. Две лесных зоны сходятся на Енисее: Западносибирская и Восточносибирская. Даурская лиственница—основное дерево севера Восточной Сибири,—останавливается на Енисее, не переходя на его левый берег.

Но Енисей не только естественно-историческая граница. Здесь, на стыке географических ландшафтов, сохранились и люди, тоже являющиеся своего рода соединительным звеном, ведущим в прошлое, как одинокий геологический пласт на гребне складки говорит о прошлом этого участка земли.

Кто проезжал Енисеем по Туруханскому району Восточно-Сибирского края, тот не забудет на первый взгляд странных, длинноволосых людей в разноцветных коротких халатах. Зажав в зубах трубки, они с виду равнодушно смотрят на шумящую около приставшего парохода толпу. Их сухие, горбоносые лица, оттененные белыми платками, при этом бесстрастны, словно высечены из темного дерева. Только изредка кто-нибудь из них, вынув трубку изо рта, сплевывает и обменивается с соседом отрывистыми, гортанными фразами.

Перед серым, усыпанным галькой берегом и торчащим над ним рядом досчатых, потемневших крыш крестьянских изб, около бородатых, шумно-толпящихся русских, яркие, словно маскарадные, краски одежд этих людей и отпечаток какой-то древней, незнакомой для нас, европейцев, расы на их безбородых смуглых лицах оставляют отчетливое, незабываемое впечатление живого обломка первобытной Азии, случайно уцелевшего здесь, на окаймленных непрерывной стеной тайги, берегах Енисея.

Это те самые енисейские «остяки»—кеты, которые до сих пор представляют загадку истории Северной Азии. Они уже дали по-

вод к созданию целого ряда, часто рискованных и часто насквозь буржуазно-идеалистических теорий. Их отождествляли даже с легендарными степными скотоводами и земледельцами динь-линями, за 15 веков до нашей эры громившими с севера китайские рубежи (21, т. II, стр. 10)[1]. Хотя кетов всего тысяча с небольшим человек, но о них упоминается почти во всех этнографических и антропологических обозрениях народов земного шара.

Но даже самые новые из них почему-то рисуют нам кетов как жалких, кутающихся в рваные, грязные обноски, дегенератов, у которых только белокурые волосы будто-бы напоминают их предполагаемых предков, обладавших «сердцами тигров и волков», храбрых динь-линей китайских летописей.

Когда пароход 16 июля 1926 г. причаливал к деревне Подкаменная Тунгуска, еще издали, около серо-черной толпы русских, зацвели неожиданно яркими синими, зелеными, желтыми пятнами группы туземцев. Затем, когда уже бросали причалы, стали отчетливо видны и их отдельные фигуры в мешковатых, но новых суконных халатах, туго перетянутых поясами, суконных гетрах и крепкой кожаной обуви. Короткие ножи болтались у них на бедрах словно кортики моряков.

Но напрасным трудом было искать среди них светловолосых, голубоглазых динь-линей. Из под белых платков, из под прядей черных или распущенных или заплетенных в косы волос смотрели резкие, угловатые профили, до такой степени напоминавшие североамериканских индейцев, что странно было сознавать себя на территории СССР, в глубине Азии, а не где-нибудь на берегах Рэд-Ривер в Соединенных Штатах.

Когда был спущен трап и поток пассажиров двинулся по нему на берег, гул толпы стали прорезать странные, всхлипывающие звуки. Словно стон переплетался с каким-то бульканием. Желтое пятно халата мелькало на берегу, у противоположного конца трапа. Слепой старик туземец с тонким безбородым профилем протягивал руки на звук шагов сходящих по трапу, и жалобно и упорно повторял: «уль... уль... уль...» Люди с узлами за плечами или котелками и бутылками для молока в руках молча пробегали мимо него.

Но какой то краснолицый «остряк», скаля зубы, на ходу бросил ему несколько, повидимому, знакомых слов. Желтая фигура, движениями раненого животного, заметалась около трапа, ловя в воздухе что то, будто бы протянутое ему. Толпа на пароходе и на берегу громко загоготала. Только кеты с наружной невозмутимостью смотрели на эту сцену. Нельзя было понять их отношения к ней. Правда, один из них попытался увести слепого, но старик вырвался от него и остался бродить по берегу, спотыкаясь о камни и бормоча себе под нос, словно обиженный ребенок.

---

[1] Первая цифра в скобках обозначает № цитируемого или использованного издания по библиографическому указателю в конце книги. Римская цифра (если она есть)—том и следующая арабская цифра—страницу.

Это было живое воплощение результатов капиталистической эксплоатации туземцев. Где-нибудь на станциях железных дорог в прериях дальнего запада США тоже бродили вероятно и бродят до сих пор такие же обезумевшие от жажды алкоголя старики-индейцы.

Но в СССР такие сцены являются лишь эхом еще недавнего прошлого, когда туземцы действительно стояли на грани гибели, эксплоатируемые и спаиваемые скупщиками пушнины.

Приполярная перепись 1926—27 гг. позволила узнать близко современных советских кетов. Ознакомление с их хозяйственной деятельностью, совместная жизнь в разбросанных по отмелям Енисея берестяных юртах убеждают, что легенда о дегенерирующих, вымирающих «енисейских остяках», при царизме имевшая под собой основание в тяжелом экономическом положении и национальном угнетении кетов, сейчас осталась именно лишь легендой. Нельзя не видеть происходящего на наших глазах возрождения этого маленького народа в силу тех благоприятных экономических и политических предпосылок, какие создала для него как и для всех народов, населяющих нашу страну, советская власть.

Приполярная перепись 1926 27 гг. у кетов

В основу настоящей работы положены материалы приполярной переписи 1926—27 гг. В отношении кетов существует совершенно не соответствующая действительности традиция до сих пор говорить о них, как о народе, находящемся в экономическом тупике, уменьшающемся в численности, обладающем какой-то врожденной склонностью к вымиранию (см. ниже). Материалы же приполярной переписи 1926—27 гг. остаются почти неиспользованными, тогда как они дают нам богатейшие цифровые данные, вконец

разрушающие старые представления и открывающие нам совершенно неожиданные факты экономической жизни Севера.

Детальное изучение экономики туземцев севера при помощи данных именно приполярной переписи 1926—27 гг. является чрезвычайно важной задачей потому также, что эта перепись была последним обследованием туземцев севера, еще не отметившим значительного проникновения в их быт и хозяйство элементов социализма. Благодаря этому обстоятельству, все дальнейшие исследования, которые будут изучать развитие социалистического, коллективного хозяйства севера, очевидно, должны будут сравнивать свои данные с результатами переписи 1926—27 гг. как единственной переписи, собравшей достаточно полный статистический материал о досоциалистической экономике туземцев Севера. При этом чрезвычайно большую роль играет правильная группировка материала, т. к. группировка, произведенная Сибкрайстатуправлением, по нашему мнению совершенно неприемлема.

Ниже мы укажем случай отнесения целого кетского туземного совета к селькупам, из-за чего число кетов уменьшилось, а селькупов выросло и в хозяйстве последних появились чисто кетские особенности.

Также на Таймыре группа «самоедов» (нганасанов) оказалась отнесенной к долганам, а группа долган—к эвенкам (тунгусам). Наоборот, группа «самоедов», совершенно слившаяся с долганами, отнесена к «самоедам», хотя эти «самоеды» давно уже не знают ни единого слова «по-самоедски» и не имеют с ними ничего общего (см. «Сев. Азия» № 2 за 1929 г.).

Конечно, при такой группировке материала переписей из их результатов нельзя делать какие-либо более или менее точные выводы, т. к. ряды цифровых показателей будут нарушаться неоднородным составом групп, обесценивая этим всю большую и дорогостоющую работу по переписям.

На важность правильной группировки материалов переписей обращал в свое время внимание В. И. Ленин. В своей статье «Капиталистический строй современного земледелия» («Большевик» № 9, стр. 74, 1932 г.) В. И. пишет: «Вся трудность задачи состоит в том, как свести данные таким образом, чтобы получить точную политико-экономическую характеристику различных групп или типов хозяйств в целом. При неудовлетворительной сводке, при неправильной или недостаточной группировке может получиться и постоянно получается при обработке современных переписей такой результат, что необыкновенно детальные великолепные данные, имеющиеся в каждом отдельном предприятии, исчезают, теряются, пропадают в целом, когда речь идет о миллионах хозяйств всей страны... и если признаки типов взяты неправильно, подобраны неполно, то самая лучшая перепись может не дать политико-экономической картины действительности. Отсюда понятна громадная исключительная важность вопроса о приемах сводки или группировки данных современных переписей».

К этой формулировке важности правильной обработки материалов излишне что-либо прибавить. Она целиком относится к приполярной переписи 1926—27 гг. и должна быть учтена в будущих переписях севера.

Хорошо если настоящая работа послужит поводом для более внимательного отношения к этому вопросу.

Социалистическая реконструкция туземного хозяйства ведет к небывалому экономическому подъему и культурному росту трудящихся Севера.

Разрушаются вековые, искусственно поддерживавшиеся царизмом, перегородки между национальностями. Растут интернациональные связи народов пустынь Севера с трудящимися ушедших вперед национальностей.

Трудящиеся Севера вовлекаются в работу на индустриальных центрах Севера, создают кадры национального туземного пролетариата.

Все эти условия не только прекратили вымирание—прямое следствие зверской капиталистической эксплоатации, но и обеспечивают быструю перестройку экономики и распространение социалистической культуры на малые народности Севера и приобщение их к братской семье народов СССР.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ДОЛИНЫ ЕНИСЕЯ

В 1298 г. венецианский патриций и бывший губернатор одной из провинций Монгольской империи при хане Кубилае Марко Поло, сидя в генуэзской тюрьме, рассказал своим товарищам по несчастью виденное и слышанное им о народах и странах Центральной Азии. Переходя от одной темы к другой, венецианец рассказал о «темной стране» к северу от великой «Татарии».

«Тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд: всегда тут темно, так же, как у нас в сумерки. У жителей нет царя; живут они как звери: никому не подвластны. Татары приходят сюда... и грабят они тут все, что находят, а когда награбят—возвращаются... у этих людей множество мехов и очень дорогих; есть у них соболя... горностаи, белки, лисицы черные и много других мехов. Все они охотники, и просто удивительно, сколько мехов они набирают. Соседние народы, оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят они туда, где свет, там и продают, а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белые, без всякого румянца. Великая Россия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью».

Темная зимой, необъятная лесная страна. Непохожие на многолюдные центрально-азиатские народы—племена свободных первобытных охотников. Меновая торговля на южной окраине лесов, между ними и степняками. Разбойничьи набеги ханских войск, направляемые, очевидно, торговым капиталом теперь исчезнувших в песках пустынь древних центрально-азиатских городов. — Такой была приполярная Азия в эпоху европейского средневековья. Сообщение Марко Поло косвенно отмечает еще одну особенность этих древних обитателей севера Сибири. Марко Поло ни одним словом не обмолвился относительно существования прирученных оленей у жителей «темной страны», хотя отмечает у мекритов[1] в

[1] По мнению М. П. Алексеева, мекритов надо считать эвенками (тунгусами). Поскольку Забайкалье и прилегающие к нему части Приамурья в еще недавнем прошлом являлись районами основного сосредоточения эвенков (ок. 32000 из 62000 всех учтенных переписью 1897 г. эвенков Сибири), это предположение вполне вероятно, тем более, что отмеченный Марко Поло способ езды мекритов верхом на оленях является типично эвенкийским. По Патканову, к приходу русских все Забайкалье к востоку от Верхнеудинска было заселено эвенками (47, т. II, стр. 18—25).

Баргу (очевидно в данном случае имея в виду Забайкалье), типично эвенкийский (тунгусский) способ езды на них верхом. Оленеводство в Сибири в то время было распространено лишь на южной ее окраине и может быть на севере-западе у ненцев (самоедов), хотя Плано-Карпини и их тоже описывает чисто охотничьим народом[1].

Прошло 300 с лишним лет со времени путешествия Марко Поло. Новые народы распространились по тундрам и лесам севера Сибири.

Эвенкийские (тунгусские) князья—феодалы принимали деятельное участие в исторических событиях центрально-азиатских степей. Когда политическая ситуация изменяла им в Центральной Азии, они устремляли свое внимание на север. Сплоченные еще неизжитым родовым строем, но уже выделившие из своей среды постоянных военных вождей, их охотничье-оленеводческие роды были пионерами в этом продвижении. К концу XVI века эвенкийские чумы из выделанных оленних кож стояли на всей огромной территории таежной полосы Сибири к востоку от Енисея. Уже перед самым появлением в Восточной Сибири русских появились «шитые» (татуированные) эвенкийские лица и к западу от него.

На среднем течении Лены окрепла якутская народность, осевшая там со своими табунами лошадей и крупного рогатого скота. У якутов четко выкристаллизировался правящий, феодальный класс— тöрут-джони во главе с аристократией—тыгенидами. Мощная, по северным масштабам, экономическая база якутов—коневодство и скотоводство, обеспечивала им политический и экономический перевес во всем бассейне средней Лены и распространяла их влияние на соседние территории по Яне, Индигирке, Оленеку и т. д.

По Оби гнездились остяцкие и вогульские князьки, властвовавшие над своими «черными людьми» и рабами, но в свою очередь платившие дань татарским ханам на Иртыше, добившимся самостоятельности захудалым окраинным преемникам монгольской державы.

Такими же обломками «великой Монголии» были кыргызские ханства в верховьях Енисея.

Буряты, эхириты и булагаты в Прибайкалье, хоринцы в Забайкалье, монголы на Селенге также распадались на феодальные княжества, то существовавшие самостоятельно, то объединявшиеся каким-либо предприимчивым вождем.

На самом крайнем севере, вдоль берегов Ледовитого моря, кочевали ненецкие («самоедские») роды. Около многооленных, патриархальных семей ютились «захребетные людишки» и рабы. Старые родовые связи с ростом классовой дифференциации ослабевали, новых форм объединения классового общества еще не народилось и каждая

---

[1] По всей вероятности ошибочно, т. к. само образование самоедских народов несомненно связано с появлением в Западной Сибири особого, отличного от эвенкийского, типа оленеводческого хозяйства.

ненецкая патриархальная семья выступала перед остальным миром почти как самостоятельный политический и экономический организм.

В лесных долинах Енисея, Кана, Тасеевой и в пограничных зонах, между феодализирующимися оленеводами, эвенками, владениями кыргызских ханов, обских остяцких князей и бурятскими кочевьями ютились уцелевшие племена древних жителей Сибири—кетов, коттов, аринов, асанов, койбалов и др. или как их теперь называют всех вместе—палеосибирцев. Они в большинстве как были, так и остались первобытными охотниками, рыболовами и собирателями съедобных корней.

Время от времени военные дружины верхне-енисейских турок-кыргызов вторгались сюда, громили одинокие поселки из полузарытых в землю землянок или юрт из древесной коры, превращали их обитателей в своих кыштымов (крепостных), частью уводили к себе в улусы, частью облагали ясаком (податью), платимой собольими и другими шкурами. Часть палеосибирцев, подолгу остававшаяся во власти кыргызских князей, смешивалась с верхнеенисейскими турецкими народами (напр., койбалы), другие перенимали у кыргыз коневодство (арины), третьи, в более глухих местах, сохраняли и под властью ханов свой древний хозяйственный уклад (котты).

Тип кета

Вне пределов досягаемости со стороны южно-сибирских феодалов, в бассейне Енисея оставалась лишь группа палеосибирцев, называвшая человека своего народа словом кет. По долине Енисея и его левобережью они постепенно продвигались на север, забираясь все дальше и дальше от тяжелой руки «татарских» ханов.

В лесотундре Таза и Елогуя жили тогда племена ненцев или, как их называли потом русские,—юраков. Табуны оленей паслись около тяжелых и теплых чумов из шкур. Богатых оленеводов окружали их жены, рабы, бедняки. Из лесов на поляны стали выходить на лыжах палеосибирские охотники. Равнодушно, свысока посматривали юраки на тощих, горбоносых людей, заходивших погреться в их чумы. Но вскоре на опушках полян появились и легкие берестяные юрты. Лесные охотники зимой, под носом у непо-

воротливых оленеводов выбивали диких оленей и сохатых. Летом опустошали привычные, исконные рыбные места. Накапливалось озлобление. Ленивые умы юрацких патриархов сообразили, что женщины беспокойных для них пришельцев могут быть и их женами, а подвижные юноши—их рабами. Наиболее решительные организовали набеги. Ближайшие стойбища палеосибирцев были разбиты, женщины и дети уведены в юрацкие чумы. Но тогда с юга, из лесных дебрей вышли новые, спаянные родовой связью, ватаги с удалыми предводителями во главе. Нападали на спящих оленеводов, резали самодельными железными ножами юрацкие сытые шеи и отбивали полон. Так завязалась борьба, о которой до сих пор рассказывают в долгие осенние вечера возвратившимся с промысла охотникам-кетам их отцы и деды[1].

Разрозненные, уже раздираемые классовыми противоречиями, юраки с трудом организовали сопротивление. Богатые оленеводы отступили далеко на север. Малооленные остались в ближайших к палеосибирцам местностях и частью слились с ними. Повидимому, они вошли, как один из составных элементов, в роды, близ-

[1] Что борьба «остяков» и «самоедов» за лесотундру между Тазом и Енисеем происходила не только в былинах и легендах, но и в живой действительности еще в недавнем прошлом, — показывает следующая переписка царских воевод:

«Господину Михайлу Ивановичю Петр Прозоровский челом бьет. В прошлом во 191 (т. е. 1683) году писал ты в Тоболеск к боярину и воеводе ко князю Алексею Андреевичу Голицыну, что извещал тебе на Березове в приказной избе ясачной сборщик Иван Шахов: хотят де итти на Обдорскую ясашную Самоядь войною Сургуцкого уезду Тымские волости ясашные Остяки и побить на смерть, и чтоб про то в Сургуте ясашными людми розыскать в правду... И в нынешнем 192 (т. е. 1684) году из Сургута столник и воевода Лев Вельяминов о том писал ко мне в Тоболеск и под отпискою своею прислал, за знамяны ясашных людей, сыск, и в сыску Тымской волости Когота Сюксин Келдеяр Ерганов с товарыщи. Караколской волости Чомка Молгетов, Кирка Дедегитов, Тоглемко Сайгодин с товарыщи сказали: на Березовскую де Обдарскую ясашную Самоядь войною итти они не думали и прежде сего на них никогда не хаживали, и смертного никакова убойства и разоренья им не чинивали; а они де Березовская Самоядь по многие времена к ним на Тазовскую сторону прихаживали и многих ясашных Остяков побивали, и жен их и детей в полон имали и животы их грабили, и то де ведомо в Сургуте в Приказной избе, и тебе б велеть смотреть накрепко, чтоб у иноземцов меж ими ссор и задоров никаких не было; а буде впредь у них какие ссоры учинятца, а. и про то велеть сыскивать и писать мне в Тоболеск подлинно».

(Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. XI, стр. 87, № 28. Изд. СПБ. 1869 г.).

Обе враждовавшие стороны старались, конечно, во время сыска» свалить вину на своих противников. «Держать ответ» в воеводском застенке никому не хотелось. Тымская и Караколская волости—это позднейшая Тымско-караконская управа народа селькупов (остяко-самоедов). Селькупы народ очень близкий кетам (см. ниже) и вместе с ними боровшийся с ненцами. Русские тех и других называли остяками и различали их лишь тем, что селькупы были в ведении Сургутского воеводы, а кеты—Мангазейского.

Интересно, что еще в 1915—16 гг. среди кетов распространился слух, что «юраки» идут на них войной и кеты всерьез ожидали нападения.

Характерно также, что в языке ненцев слово «хаби» до сих пор одновременно означает «остяка» и «раба». Очевидно, для известного периода эти синонимы совпадали и в жизни.

кого кетам народа селькупов. Сейчас только такие названия урочищ как «юрацкая сопка» или «юрацкая могила» напоминают на верхнем Тазу и на Елогуе о вытесненных палеосибирцами ненцах.

Но если на севере палеосибирцы с боем очищали себе новую землю, взамен захваченной центрально-азиатскими ханами родины, на восток от Енисея им приходилось биться уже за то, чтобы отстоять и ее. Эвенки («хенгбы» по-кетски) с плоскогорья тунгусского плато нависали над долиной Енисея. Привыкшие жить за счет своих сородичей, предводители эвенкийских военных дружин стремились распространить свою власть и на «выдр» и «лебедей», как они называли прибрежные «водяные» роды палеосибирцев. Но у эвенкийских «князей» не было еще регулярных военных отрядов как у южно-сибирских ханов. Силы окраинных эвенкийских и палеосибирских родов были почти равны. В узких ущельях, по которым выбегают с тунгусского плоскогорья таежные реки, бились люди за право жить на берегах Енисея и холодная вода Подкаменной Тунгуски выносила в Енисей вперемежку желтоватые, татуированные трупы эвенков и мускулистые косматые тела палеосибирцев.

Эвенки

В начале XVII века с северо-запада на Енисей надвинулась новая напасть. Еще раньше к «юракам» в устьях Таза приплывали на неуклюжих кочах бородатые, носатые люди в нагольных бараньих полушубках и меховых шапках. Они выменивали соболей

на медные котлы, железные топоры, наконечники для копий, ловили песцов и поили «самоедов» за тех же соболей и песцов хлебным вином.

В 1600 году, под предводительством Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова, пришли они пешком в железных шлемах и кольчугах, злые и напуганные, потрепанные по дороге «самоедами». На берегу Таза, в 200-х верстах от устья, выставив вокруг себя караулы, срубили они из лиственных сырых бревен крепость, будущий оживленный город Мангазею, от которого сейчас уцелело лишь несколько торчащих из земли, полусгнивших бревен.[1]

Через год пришло их в новую крепость еще 200 человек с 8 пушками и двумя попами. «Лаской и приветом» заманивали себе в крепость аманатов (заложников), с «великим радением» собирали с ненцев ясак в «государеву казну» и высылали отряды далее вглубь туземных кочевий строить на «пристройных местах» толстостенные блокгаузы-зимовья.

«Самоядь» бегала и хоронилась по «крепким местам и по тундрам», а иногда «наезжала людно» и «приступала» к зимовьям, где сидели «ясашные сборщики» с аманатами, чтобы «ясашное зимовье взять, а ясашную великого государя казну розграбить и служилых людей всех побить». Служилые люди «тое Юратскую Само-

---

[1] Дальняя, обильная дорогими мехами Мангазея с ее воинственными туземными племенами нашла свое отображение даже в русском былинном эпосе. В былине об Илье Муромце и Калине царе рассказывается:

«Да из орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатые,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин,-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою со поганою».

(Цит. по изданию дешевой библиотеки классиков: Былины с примечаниями и объяснительными статьями В. А. Келтуяла. изд. III, стереотипное. ГИЗ. М-Л. 1930 г., стр. 58, ст. 34—40).

Поскольку большинство былин записано на территории современного Северного края и Карельской АССР, откуда вербовалась и основная масса «промышленных и торговых людей», шедших в XVI XVII вв. в Сибирь, неудивительно, что Мангазея, наиболее в свое время привлекательный и в тоже время полный опасностей район Сибири, откуда ежегодно возвращались на родину с чудесными рассказами о сказочном богатстве и опасностях этой земли десятки и сотни людей, была включена в текст былин, как страна богатого, могущественного языческого царя и смешалась с основными, отрицательными для древне-русского правящего класса персонажами былин—татарами.

Комментатор былины В. А. Келтуяла объясняет слово «Могозеи» как «вероятно искаженное или вымышленное название столицы золотой орды». Как указывает С. В. Бахрушин, первые известия о ней относятся к началу XVI века (9, стр. 149). Название Мангазея (Молгомзея, Мунгазея) произошло, повидимому, от названия ненецкого рода Мокасе, кочевавшего на нижнем Тазу. Еще в 1629 г. по Мангазейской ясачной книге в Худасейском Зимовье (р. Худосея, прав. приток Таза) платило ясак 50 человек рода «Мангазея», принесшие 155 соболей. В царствование Федора Ивановича лучшими соболями в России, наряду с печорскими, были мангазейские, т. е. шедшие из земли, где была впоследствии основана Мангазея.

ядь от ясашного зимовья били из ружья , а вслед затем из Мангазеи спешно снаряжалась карательная экспедиция. «Божиею милостью и господарским счастьем ту Юратскую Самоядь сыскивали», брали «на бою» «языков» и привозили воеводе. Начиналась расправа. «Тех воров и изменников» приказывалось «четвертовати, руки и ноги и головы отчечь и на колье втыкать»; некоторым... «уши обрезать при... многих иноземцах, чтобы им на тое казнь смотря, неповадно было воровать»... С обрезанными ушами отпускали «к родникам его, чтоб он родников своих уговорил, чтоб они великому государю ясак за себя платили». Иногда за особую «злостность» «того вора за его многое воровство» отдавали казакам «повесить за ноги и росстрелять, потому что тот вор и преж сего воровал и великому государю ясак не плачивал».

В 1607 г. восточная граница «Святой Руси» вышла на Енисей постройкой в устье р. Турухана Туруханского зимовья (будущей Новой Мангазеи, теперь с. Старый Туруханск), а на самом Енисее у устья речки Имбака-Имбацкого зимовья (теперь с. Верхне-Имбатское) Палеосибирское племя имбаков (кетов), которых, впрочем, обычно впоследствии называли вывезенным с Оби названием «остяков», было покорено «под государьскую высокую руку».

По русским документам «объясачение» имбаков как будто бы прошло без особых столкновений: Луки со стрелами, железные клинки отказов были бессильны против ружей и кованных кольчуг казаков.

По кетским преданиям по первой лодке казаков выпустили они тучу стрел, но над водой взвился белый дымок, грохнул никогда не слышанный выстрел и от удара ядра обвалился яр на берегу (68,169). Позже, говорит предание, когда сошлись русские и кеты на переговоры, протянули казаки «дикарям» странную еду—хлеб. Долго не решались имбаки его попробовать, а когда все-таки поели—пропало у них прежнее мужество и стали они «ясачными холопами» русского царя. И еще есть одна легенда: На широком лугу над Енисеем собрались те, которые не хотели подчиниться новому врагу. Закололи ножами своих жен и детей, стали в два ряда друг против друга, подняли луки и расстреляли сами себя. Говорят кеты и сейчас на этом месте (у дер. Черноостровской) лежат в траве наконечники стрел.

На кочах и досчанниках (барках), на запряженных собаками нартах, пешком и на лыжах, ощупью, где с опаской, где с наглостью сильного, прокладывая себе дороги, где уговором, где ковшем водки или пригоршней одекуя (бисера), а где и выстрелами из пищалей пробирались русские по узким, зеленым коридорам долин притоков Енисея дальше на восток.

По самому Енисею выросли ясачные зимовья. На земле кетов, кроме Туруханского у ее северного предела, Имбатского—в центре, было поставлено еще Закаменское на юге, близ устья речки Дубчесс. Белизной свежесрубленных бревен резали они глаз на строгом фоне неизведанной тайги. Около них на летнем солнцепеке дремали караульные казаки. В амбарах висели, подобранные по сор-

там, соболя, стояли кули с «государевым хлебным жалованием». В аманатской избе тихо позванивали железом кандалов заложники. На всем же остальном тысячеверстном плесе Енисея между зимовьями попадались изредка лишь белесые берестяные юрты имбаков. Колыхая гирляндами легких костяных крючьев висели около них рыболовные снасти. У берега наполовину в воде лежали выдолбленные из осины челноки. Ветер играл паром, валившим от медных котлов над кострами. Готовились на зиму запасы вываренной с жиром в сухой порошек рыбы (порса). На солнце сохла «юкола»— распластанные, растянутые на щепочках, осетры и стерляди.

У воды на каменистом берегу наметились тропки. Тяжелым шагом кованых сапог проходили, навалившись грудью на лямки от досчанников, и «вольные гулящие» люди—промышленники-соболевщики и «государевы служилые» казаки и стрельцы. Тогда около украшенной знаменем мачты досчанника, заломив богатую шапку, сидел атаман или воевода. Шли покорять «новые землицы» вверх по Нижней Тунгуске, по Иондези (теперешней Ангаре) и Кему (Енисею, выше его слияния с Ангарой).

Из юрт удивленно выглядывали черноглазые женщины в шапочках, украшенных головками белок и колонков. Мужчины, в продымленных, замшевых халатах из сохатин, сопровождаемые понурыми не лающими собаками, выходили на берег, настороженно собирались в кучку, угрюмо провожая глазами своих, идущих неведомо куда «хозяев».

Бывало, плывшая сверху лодка притыкалась носом к берегу у стойбища. Гурьбой с пищалями в руках, звякая саблями, выскакивали на берег казаки.

Узкоглазый переводчик, служилый остяк с Оби, в стрелецком кафтане, путая язык кетов с обско-остяцким, спрашивал ясак. Бойкий, из беглых дьячков, казак-грамотей откладывал пищаль и записывал странно звучащие имена и число сданных соболей. Казаки шарили по юртам, пугали своими бородами женщин, перебирали перед онемевшими «иноземцами» их «животишко». Неожиданно снизу лямкой подходила еще лодка. Новая толпа вываливала на берег. Сперва обе партии недоверчиво здоровались. Старшие начинали дипломатично разговаривать. Показывали друг другу исписанные листы с висячими сургучными печатями. Потом лица краснели. Вспоминали прежние обиды. Кричали, вырывали из рук дорогие шкурки, хватались за сабли. После того, как одни с победоносной бранью уплывали с ясаком, другие, тут же около костра, сообща писали какие-то бумаги, заставляли оторопевших туземцев ставить внизу листа свои «знамяна», кому то угрожали, забирали подчистую все, что находили в юртах и тоже исчезали за поворотами Енисея.

Долго не могли мангазейские и кетские казаки поделить между собой своих ясашных» на Енисее.

Первое время подвижные, непривычные к военно-феодальным методам хозяйничанья царского государства, туземцы достав-

ляли много хлопот сибирским воеводам. «Мы здесь живучи, ясаку платить никому не знаем, и преж де ... сего с нас ясаку никто ни бирывал ... Люди мы кочевные, а не сидячие, где похотим, там и зашед и живем»—отвечали они казакам.

Но сила феодального государства брала свое. В ясачных зимовьях лежали исхудавшие, овшивевшие, скованные аманаты.

Родовая связь, помогавшая прежде бороться с врагами, не позволяла бросать своих родников. Знали, что если не принести соболей, то аманатам не дадут и той падали или перегнившей, ставшей жидкой, юколы, которой их обычно кормили. Поэтому сами стали приплывать кеты с связками соболей к русским. Намеченные родом в очередные заложники клали руки на наковальню, чтобы надели на них «железы» и без сопротивления садились в промозглую сырость аманатской избы, а смененные аманаты, пошатываясь, спускались вместе с остальными родниками к челнокам и скоро от зимовья начинало казаться, что лишь стая водяных птиц уходит в даль, в замкнутую кольцом тайги гладь Енисея.

То, что происходило на берегах сибирских рек, сопровождаемое выстрелами, кровью и грабежем, переходя из уст в уста, в конце-концов, в виде сухого делового сообщения, откладывалось на страницах донесений европейских торговых агентов в Москве и Архангельске. Западно-европейский торговый капитал искал через «Московию» дорогу в Китай. Английские торговые компании и дипломаты, как редкие драгоценности, подбирали записи о неизвестных странах северо-востока. Ценнейшие для нас исторические и этнографические сведения перемешиваются в них с перевранными географическими и этнографическими названиями и поспешно построенными наивными географическими домыслами. Обывательский слух стоит рядом с известием о поворотном историческом рубеже. Описанием маленькой, забытой сейчас, реченки, по которой в кои то веки ходили какие-то русские на восток, закрывает собой краткое упоминание о географических гигантах Оби и Енисее.

Одно такое известие, записанное около 1611 г. долго жившим в России англичанином Ричардом Финчем, привез в Лондон английский посол в Москве Джон Меррик (2, 232).

« ... Проехав это Туруханское зимовье они прибыли в место, называемое река Тунгуска. Это река каменистая, т. е. со скалистыми берегами, которая впадает в Енисей. В этой местности живут тунгусы, т. е. жители страны, называемой Тунгусия. Далее живет народ, называемый булаши (The Boulasches), а за булашами живет народ по имени силахи (Seelahee). Эти народы рассказывают про Большой Енисей и про Малый Енисей, что за Енисеем живут татарские племена Имбаки и Остяки ...»

В этом, напечатанном в 1625 г., сообщении мы находим первое известие о палеосибирском народе на Енисее в западно-европейской литературе.

«The Boulasches»—это и есть безоленные палеосибирцы—кеты. На языке кетов «булаше» («от bul—нога, bulesit—ходить пешком)—

дословно означает—«пеший» или «ходящий пешком». Еще в 1927 г. кеты назвали себя так немецкому туристу д-ру Г. Финдейзену. Но он, очевидно не поняв их, поместил слово: «Булэпенгдит» (очевидно с опечаткой, следовало—белэнэнгдян или булэнгади), как название одного из кетских родов (72, стр. 129), тогда как кеты, очевидно, просто хотели сказать, что «мы люди ходящие пешком».

Отсутствие оленей у кетов резко выделяло их изо всех окружающих оленеводческих народов, поэтому этот признак, особенно в эпоху первого столкновения их с русскими, когда, ставшее позднее господствующим, название «остяк» еще не вполне утвердилось за ними, мог фигурировать и как племенное название (ср. орочены—«оленные» у эвенков, нымылыт, рамаилат «сидячие» и чаучу—«оленные» у чукчей). Более трудно объяснимо слово «seelahee». Это может быть и искажение слова—«сенлак»—оленный человек, т. е. обозначение части кетов, по соседству с ненецкими народами обзаведшихся уже оленями. Возможно и то, что здесь мы имеем самоназвание «остяко-самоедов»—селькуп. В известии Р. Финча о «булашах» и «силахах» рассказывают эвенки. Поэтому выражение «далее живут», как справедливо указывает комментатор известия М. П. Алексеев, означает «далее от нас—эвенков». Поскольку эвенки занимали правый берег Енисея (к востоку), название «силахи» могло относиться лишь к левобережным кетам и селькупам. Действительно, если в районе устьев Ниж. Тунгуски (а ее то имеет в виду Финч под названием «река Тунгуска») итти от Енисея на запад, то силахов—селькупов мы встретим за кетами—булашами. Наконец среди энцев[1] (б. енисейских «самоедов») есть род Шилькин или Силкин, имеющий другое, туземное название—Бай и входящий в состав б. Карасинской управы энцев, которая представляет, повидимому, «осамоедившихся селькупов[2]. Последнее предположение тем более вероятно, что среди современных селькупов есть Баишенский род, что связывает их с «Баями» Силкиными (на это указал еще А. Кастрен)[3]. В начале XVII в. «самоеды», в том числе и энцы, кочевали значительно южнее. Мангазейская ясачная книга 1629 г. насчитывает 6 «самоедских» родов, плативших ясак в Туруханском зимовье, в т. ч. 25 «ясачных душ» рода Бай (Баишенский род селькупов, кстати, до сих пор живет близ Туруханска). Учитывая фонетическую близость слов силахи, селькупы, силкин, становится вполне вероятным, что

[1] Название енисейских самоедов—энцы образовано от означающего на энецком языке—человек, слова эннэчэ. На этом названии остановился специалист по ненецким (самоедским) языкам Г. Н. Прокофьев, основываясь на примере остальных самоназваний народов Севера, образованных везде от того же слова человек.

[2] Карасинские самоеды были официально выделены из состава селькупской Карасинской управы лишь в 1824 г. губернатором Степановым (см. письмо Степанова от 4 сент. 1824 г. в деле № 405 Вост.-Сиб. Крайархивбюро). До этого они относились к «остякам», т. е. в данном случае к селькупам.

[3] Название Баишенского рода, а также названия рек Верхней и Нижней Баих, на которых он живет. представляют то же слово «бай», лишь с русской окончовкой.

под «силахами» имеются в виду баишенские селькупы, часть которых впоследствии образовала Силкинский или Байский род энцев.

Что же касается названий «имбаки и остяки», то они безусловно имеют в виду тоже кетов в более дальних, вверх по Енисею, районах. Только англичанин ошибочно приставил к ним эпитет—татарский и односторонне указал «за Енисеем», тогда как следовало бы сказать вверх по Енисею. Некоторая странность того положения, что булаши и силахи рассказывают об имбатах и остяках, как об особых народах, может быть объяснено тем, что в то время для палеосибирцев и других народов на Енисее еще не установилась определенная номенклатура и поэтому в известии Финча оказались приведенными все бывшие тогда в ходу названия. Булаши—указывало отличительный признак палеосибирцев—их безоленность. Имбаки—имело в виду какой-то старинный этноним, от которого произошло и название Имбацкого зимовья и русское название речки Ес-сес—«Имбак» (имевшей, повидимому, какое-то сакральное значение для кетов, поскольку Ес-сес значит «божья река»). Название «остяки» было принесено самими русскими с Оби, где они так называли, вслед за татарскими ханами, коренное туземное население. И последнее название «силахи» имеет в виду или оленную часть кетов или близкий кетам, может быть представляющий «самоедизированных» палеосибирцев,—народ селькупов.

Но английские лорды и купцы не собирались заниматься изучением истории сибирских народов. Их интересовали лишь прибыли от торговли с «Московией» и дорога в Китай. Маленькая заметка затерялась в библиотечных фолиантах, а на Енисее жизнь шла своим проторенным путем колониального грабежа.

Полицейское «спокойствие» не сразу установилось около ясачных зимовьев. В 1627 г. мангазейские «торговые и промышленные люди» подали «челобитную» о том, что «многие, сыроядцы, буляши, тунгусы, шелягирцы, чапагири и синегирцы.... их на соболиных промыслах по лесам побивают и грабят, и к зимовьям приступают, многие зимовья пожигают и многих промышленных людей по зимовьям обсадили и на промыслы не пустили... ходят те люди в скопе человек по 60, 70 и по 100 и впредь им угрожают убойством и вверх Тунгуски ходить не велят и похваляются побить до одного человека, а называют землю и реки своими» (14).

Сопоставляя «буляшей» из этой челобитной с булашами Р. Финча, можно предполагать, что и кеты принимали участие в борьбе против русских колонизаторов—вместе с ненцами («сыроядцы»?) и эвенками[1]. На стихийное, разрозненное движение туземцев царское правительство ответило военными экспедициями (Самсона Новац-

---

[1] Главным образом челобитной имелись в виду эвенки, на что указывает перечисление после слова «тунгусы» ряда их родов и указание, что дело происходило вверх Тунгуски реки. Но упоминание о сыроядцах и буляшах может относиться лишь к ненцам и кетам. См. статистическое обозрение Сибири, изд. 1810 г., стр. 170.

кого и др.) и движение захлебнулось, не выдержав борьбы с организованной военной силой.

К 1629 г. енисейские палеосибирцы были уже переписаны в Мангазейскую ясачную книгу. К зимовью Имбацкому «при Енисее и речке Имбаке» приходили роды:

Имбацкой[1] 83 человека, заплатили 417 соболей
Богденской 20 человек, заплатили 113 соболей
Зешайцкой 44 человека, заплатили 156 соболей

К Закаменскому зимовью «на Енисее» приходили роды:

Бискиев 16 человек, заплатили 85 соболей
Илипчиев 82 человека, заплатили 373 соболя.
Товар 4 человека, заплатили 18 соболей
и «Загребетные остяки» 2 чел., заплатили 10 соболей.

Всего 251 человек, «а ясаку принесли» 1202 соболя.

В Туруханском зимовье платили в то время ясак еще ненцы.

На широких лугах у устьев притоков Енисея стали появляться русские поселенцы, люди другого экономического уклада, ломавшие вконец прежние родовые общины кетов...

В 1636 г. Осип Цапаня-Голубцов получил от царя Михаила Федоровича «жалованную грамоту» на устье р. Дубчесе «пашню распахивать и вольных людей с Руси поднимать и слободу строить». Через несколько лет в Дубческой слободе (приблизительно там, где сейчас с. Ворогово) было уже 16 дворов крестьян и поставлена для «спасения души» церковь, стоившая купцу 1500 рублей. А «спасать душу» Цапане было от чего.

Еще когда он жил в Имбацком зимовье, голубые глаза и бархатный кафтан «добра молодца» покорили сердце жены кета из района Закаменского зимовья. Цапаня вел дело приемами заправского сутенера. Женщина убежала к нему в зимовье, унеся с собой «20 соболей в 20 рублей, два бобра в 3 рубля, два английского сукна

---

[1] По выписке А. П. Окладникова привожу имеющие интерес для историка и лингвиста собственные имена кетов из Мангазейской ясашной книги 1629 г.

„Род Инбацкой, а в нем Инбацкое зимовье.

Платят государю ясак инбаки и остяки.

Каня Агомесов
Латик Десянов
Тыня Сулев
Тютю Халтин
Хойсень Донин
Доня Тинев
Кыл Ямбыев
Вунюгин Аскитов
Бунюгитын Халкитов
Алерин Холзиев
Хакей Чунгитов и др.

Книга Сибирского приказа № 19 (Государственный архив феодально-крепостнической эпохи).

зипуна, в красный и синий—в 8 рублей». Не прошли сами английские купцы через Сибирь в Китай, но товары их тем не менее проникали в тайгу и делали свое дело. Меновые отношения ломали натуральное хозяйство и отравляли торгашеским, собственническим инстинктом психологию туземцев.

В Имбацкое зимовье прибегали на лыжах объиндевевшие посланцы взволнованного рода, но возвращались ни с чем. Тогда «ударили челом» кеты «государеву приказному десятнику», поднесли ему «поклонного» соболя и дождались от русского «кынча а» («князя») Соломонова, совершенно обратного здравому смыслу решения: Несчастная женщина была возвращена на жестокую расправу мужу, а то, что надо было грабителю—украденное имущество —осталось у Цапани. Так началось непосредственное соседство кетов с людьми высшей цивилизации».

Сама постройка Дубческой слободы вызвала протесты кетов, разумеется безрезультатные. В своей челобитной уже «самому» царю, написанной вероятно за соболью шкурку каким-нибудь грамотным казаком, они указывали, что Цапаня, получая разрешение на постройку слободы «написал воровски—будто де то место у Дыбчаса пусто и не владеет тем место никто... а то, государь, место не пустое и владели тем местом искони века люди наши и прадеды... и мы сироты твои и отцы наши там соболей, всякого съестного зверя и рыбу промышляли и теми соболями тебе, государю, ясак платили сполна, а от съесного зверя и рыбы сыты были и тем головы свои кормили, а теперь от того Цапани и от его ярыжек изгоня, утеснения и всякая обида, жен и детишек наших насильничает и во всем стесняют нас». Понятно «челобитная» осталась без всяких последствий.

Чувствуя свою безнаказанность, обнаглевший «культуртрегер» перешел к приемам открытого грабежа. Кеты хранили свои продовольственные запасы в прикрытых хворостом ямах: родовые традиции позволяли им оставлять их без охраны. Цапаня со своими подручными украл из этих ям 38 пудов юколы, да 6 пудов рыбьего жира—всего на 41 рубль с полтиной. К бревенчатым срубам заимки, бесшумно ступая мягкой замшевой обувью, отливая иссине черным цветом распущенных волос, пришли туземцы. Бросали отрывочные русские слова—требовали назад украденное. Матерною руганью, в приклады и колья, встретили их Цапаня со своими приспешниками, свалили на землю одного, сорвали широкий «зипун» и били смертным боем батогами по извивающемуся смуглому телу.

Четыре дорогих (по 5 рублей) промысловых собаки подохли потом за зиму из-за отсутствия корма. Старую «остячку», тащившую мимо заимки Цапани свои запасы—5 пудов юколы и рыбьего жира, Цапаня ограбил и так побил, что она через три дня умерла.

В глухой тайге стояли кетские могилы. Лежало в них имущество умершего, взятое им с собой в загробное царство чернобородого бога Ес'я—лучшая одежда, стрелы, стальные отказы и соболи. С «христианским рвением» раскапывал Цапаня «поганые могилы»

и забирал все, что находил в них, ничем не гнушаясь, всему находя свое место, лишь удивляясь «иноземской дурости»[1].

Время шло. Меньше становилось соболей. Труднее стало добывать ясак. Переводились сохатые, разгоняемые и побиваемые пищальными выстрелами ватаг русских промышленников. Туземцы стали нуждаться в хлебе, привозимом русскими. На котлямы (халаты) пришлось брать сукно: что не забирали в ясак, что оставалось после покупки хлеба, сукна и т. п., то уносили прежние свободные лесные охотники в «государевы кабаки», заведенные у ясачных зимовьев, чтобы продавать вино и мед «на деньги и на мягкую рухлядь, как будет прибыльнее государевой казне». Предусмотрительно наказывалось в инструкциях, чтобы туземцам продавать вино «как заплатят ясак, а служилым людям вина и меду продавать не велено, чтобы не пропились». Зеленая муть переливалась из потемневших ковшей в жилистые, обнаженные горла. С непривычки морщась, рыгая, пили кеты «огненную воду» русского царя. И в пьяном угаре забывали о прошлом, туманом обволакивалось настоящее и не думалось о будущем. На 330 лет надвинулась мрачная, пьяная эпоха существования туземцев севера Сибири под цепкой рукой российского самодержавия.

Только через 100 с лишним лет после завоевания приенисейских палеосибирцев русскими их стали «открывать», как особую самостоятельную группу народов среди окружающих племен.

Правда, особенность языка тех же кетов и в самые первые годы после вторжения русских создавала немалые затруднения при объяснении с ними. В конце царствования царя Михаила Федоровича кеты уже жаловались, что воеводы посылают к ним в Имбацкое зимовье «толмачей переменных и худых, которые их остяцкого языка вполне не разумеют и разговора остяцкого хорошо не знают, а толмачат при посредстве жен своих. При таких толмачах им от приказных людей прямой расправы нет, так как жены толмачей ни о чем приказным людям говорить не смеют и им в ясачном сборе бывает великое отягощение» (14, стр. 80). Но это довольно интересное указание на особенность кетского языка истлело в воеводских архивах и никаких попыток к более детальному изучению языка енисейских палеосибирцев не делалось, да и некому и незачем было в «Великой, Малой и Белой России» этим пустяком» заниматься.

В начале XVIII в. среди пленных шведов, сосланных Петром I в Сибирь, оказался «королевской шведской службы» капитан Филипп Иоганн Страленберг. Во время своего невольного пребывания в Сибири энергичный капитан решил познакомить Европу с победительницей Швеции—Россией. Возвратившись, он издал солидную книгу «Восточная часть Европы и Азия» (Стокгольм. 1730 г.), в которой помимо истории России и Центральной Азии даются

---

[1] Похождения Цапани составлены по статье Буцинского Мангазея и Мангазейский уезд (14).

и сравнительные таблицы тех языков азиатских народов, с которыми ему удалось ознакомиться. В этой «Tabula Polyglota» есть столбцы:

Камасинцы называют себя киштымы, живут на Мане реке в Сибири.	Аринцы, называющие себя сами Ара или Арр, живут у города Красноярска на Енисée реке.

Сравнивая отдельные языки «азиатских» народов, Страленберг находит между ними много общего, правильно делит их на ряд близких друг другу групп, но относительно четырех из языков — вышеупомянутых камасинцев и аринцев, а также коряков и курильцев отмечает, что они «имеют мало сходства в разговоре».

Здесь Страленбергом правильно отмечена изолированность палеосибирских языков среди урало-алтайских языков остальных народов Сибири. Только надо иметь в виду, что под «камасинцами» Страленберг, очевидно, имеет в виду народ, родственный кетам, коттов», обитавших в том же районе, язык которых, изученный впоследствии А. Кастреном, действительно совпадает с приведенными у Страленберга «камасинскими» словами. Язык же современных камасинцев, вернее остатков их, — или ненецкой, в широком смысле, или турецкой системы, совершенно отличный от коттского. Котты, правильнее кеты, бывшие долгое время под властью кыргызских ханов с верховьев Енисея, т. е. их кыштымами, так и называли себя. Слово же «камасинец», как его разъясняет Н. Н. Козьмин, дословно означает Кангмаш или Канбас, т. е. голова (вершина) Кана. Таким образом слово камасинец является просто турецким названием народов, живущих в верховьях Кана, без указания на их этническую принадлежность, а т. к. котты жили именно там (что не исключает возможности их распространения и на Ману), то вполне вероятно, что во времена Страленберга камасинцами называли палеосибирцев коттов. Конечно, возможно, что и «турки» и «самоеды» камасинцы в то время тоже жили по Кану и может быть тоже уже назывались камасинцами, но словарный материал Страленберга указывает, что им имелись в виду именно котты[1].

[1] Для наглядного сравнения приводим словарный материал Страленберга в сопоставлении с записями А. Кастрена.

	«Камасинцы» Страленберга		Котты Кастрена	
Один	chuodschae	(худшэ)	hüc'a	(хучэ)
два	ynae	(ынэ)	îna	(ина)
три	tonga	(тонга)	tonga	(тонга)
четыре	schagae	(шагэ)	sega	(шегэ)
пять	hkagae	(хагэ)	xegä	(хогэ)
шесть	hkelusa	(хелуса)	xeluca	(хелуча)
семь	hkelina	(хелина)	xelna	(хелина)
восемь	cheltonga	(хелтонга)	xaltonga	(халтонга)
девять	hwelina	(хвелина)	cumnâga	(чумнага)
десять	haga	(хага)	haga	(хага)

Словарный материал аринцев, приведенный у Страленберга, очень близок «камасинскому» и оба эти народа совершенно определенно вырисовываются у него как изолированная, самостоятельная среди остальных народов, группа, даже по сравнению со столь же стоящими особняком коряками и курильцами.

Заинтересовавшись этими изолированными племенами, Страленберг спросил одного из аринцев: «для чего их народ так малолюден[1], а собственный язык имеет. На что они ответствовали: имя их произошло от слова Ар или Ара, что значит шершня, с которыми их сравнивали, потому что в древние времена они были многочисленной и сильной народ, которой многих людей до смерти убивал и закалывал. Но в некоторое время пришло в их землю несчетное множество змей, у которых были головы человечьи и как солнце сияли. С сими змеями имели они войну, и от них побеждены были и многие до смерти поколоты. После того достальные люди из той земли, где они тогда жили, вытти принуждены были».

В 1735 г. Академией Наук был послан в Сибирь для ее изучения Герард Фредерик Миллер, «историограф и профессор университета Академии Наук и Социетета Английского член». Он нашел одного человека «из сего аринского народа, который жил при речке Бузиме, впадающей в Енисей, и остался один, который говорил еще аринским языком и объявленную от Штраленберга повесть по преданию от предков имел в памяти». Рассказ аринца, записанный Миллером, разнится от сообщения Страленберга главным образом деталями переправы змей через реку и упоминанием об одной змее «чрезвычайной величины с большой головой и по всему телу как золото сияла».

Наблюдая незначительные расхождения в обоих материалах, необходимо учитывать, что их разделяет промежуток более чем в 120 лет и что в одном случае запись производил исследователь диллетант, а в другом—специалист лингвист. Приняв это во внимание, мы не можем не признать совпадение фонетики приведенного ряда числительных прямо поразительным и вполне подтверждающим идентичность «камасинцев» Страленберга с коттами Кастрена, тем более, что последний прямо указывает, что котты были им встречены среди камасинцев на Агуле, одном из притоков Кана (см. цитату ниже, стр. 38).

[1] По Страленбергу к приходу русских аринцев было 7000 чел., а в его время 200. Но В. К. Андриевич сообщает, что к 1608 г., к моменту обложения их ясаком, аринцев, по сведениям казаков, было «полтретья ста семейств» (История Сибири, стр. 54), т. е. около 1500 человек. На численности аринцев сказалось их промежуточное положение между русскими, построившими на их земле города Красноярск и Енисейск, и верхне-енисейскими кыргызами. Аринцы то восставали против грабежей русских, тогда их избивали казаки, то их, как «ясачных людей» русских громили кыргызские ханы.

Что касается коттов, то судя по тому, что обещав в 1628 г. заплатить ясаку по соболю с человека (взрослого мужчины) они внесли 89 соболей, можно определить их численность к приходу русских в 300—400 человек.

Очевидно эта легенда является воспоминанием палеосибирцев о тех нападениях, которые производили на них центрально-азиатские отряды: «Змеи» может быть символизируют драконов на штандартах, а змея с золотой головой—царя или хана (ср. золотого царя — Алтын-хана в Западной Монголии, с которым приходилось иметь дело и русским).

Тридцатые и сороковые года XVIII в. характеризуются лихорадочным изучением Сибири, предпринятым по заданию царского правительства. Огромная колония привлекла к себе внимание правящего класса, вызванного интересами развивающегося торгово-капиталистического хозяйства. В Сибирь направляется целое созвездие академиков разной величины, которые объезжают ее вдоль и поперек. В результате появляются тяжеловесные академические труды, в которых содержатся между прочим и описания и классификация сибирских туземцев.

Существование на Енисее особой группы туземных племен, бегло намеченной пленным, шведом, твердо устанавливается в сочинении преемника вышеупомянутого Г. Ф. Миллера, Иоганна Эбергардта Фишера — «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием».

В §§ 73, 74 и 75 он устанавливает, что в Сибири «остяками» называют три совершенно различных народа: во-первых, остяков на Оби и Иртыше, родственных по языку угро-финским или как он их называет «чудским» народам—пермякам, вогулам и др., во вторых, остяков на Оби выше г. Сургута, до устьев Томи и Кети, язык которых является вместе с языком камасинцев на Кане ветвью самоедских языков, наконец, в-третьих, остяков в Енисейском уезде у р. Енисея и в верховьях реки Кета, «которые в рассуждении языка не имеют ни малейшего сходства с вышеупомянутыми, но с другими малыми народами живущими в Красноярском уезде, а именно с аринами, котовами, койбалами и ассанами и так все принадлежит одному народу». На стр. 285 «профессор древностей и истории, также член исторического геттинского собрания», делает тот вывод, что «не без вероятности догадываться можно, что сии народы суть древнейшие обитатели средней Сибири, из которых иные киргизами выгнанные ушли к ледовитому морю, а другие оставшиеся приведены под их власть».

Выводы «славных академических путешественников» глубокомысленно подытожило «творение» Иоганна Готлиба Георги— «Описание обитающих в Российском государстве народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей».

«Отякские. поколения, кочующие по нижному Енисею, начиная от Верхней Тунгуски, ниже и возле Семоядь, называются правда и живут одинаково с обскими отяками, но языком говорят совсем отменным как от отякского, так и от всех сибирских языков; почему они и не без основания почитаются поколеньями особого народа; хотя впрочем и не обретается никакого известия о их

происхождении ни у них, ни в истории. Между так называемыми красноярскими татарами говорят азаны, котовцы и аринцы сим же самым языком; хотя и по весьма отменному наречию. Следовательно они не татары: ибо они окружены будучи татарами и живучи с ними одинаково, конечно бы говорили не иным каким, как татарским же языком. Вероятно кажется, что они смешанные остатки енисейских отяков, либо и отщепившиеся от них толпы; почему и не сомневаюсь поместить их на ряд с сими отяками». (15, стр. 21). В самом описании «енисейских отяков» Георги все в таком же «высоком штиле» сообщает, что они разделяются «на разные волости и колена:» Касо-Сымскую («Касимовская»), Имбацкую, Тумпокольскую и Натскую. «Однако они... не многолюдны. Как в 1731 году оказалась у них оспа впервые, то они едва не все от оной перемерли. Болезнь сия свирепствовала у них и после того несколько крат, но они при простой и беспечной своей жизни вскоре паки размножаются; и потому думают, что они теперь столь же людны как и до оспенного разорения были... Оленей содержат они... по немногу и равно питаются всякой дичью и птицей без разбору, рыбой, диким кореньем и плодами. Подушной оклад осищают они также мягкой рухлядью»... Но оказывается, что у «беспечных» туземцев «ведутся исстари кузнецы, которые плавят сами железо..., потом делают из оного, как умеют, домашние и зверобитные надобности».

К этому описанию необходимы следующие замечания: позднейшим исследованием Кастрена твердо установлено, что Натско-Тумпокольская волость («управа») говорила не палеосибирским, а «самоедским» языком. Здесь у Георги или ошибка, тем более вероятная, что он неверно определяет в своем тексте и местонахождение этой управы на правом берегу Енисея, или это может служить доказательством того, что Натско-Тумпокольская управа «осамоедилась» позднее, а раньше представляла собой также палеосибирцев. Также замечание об оленях у палеосибирцев, енисейских остяков нужно понимать в таком смысле, что часть их уже имела оленей (по соседству с ненецкими народами, т. е. гл. обр. на западе и северо-западе), но никак не может быть отнесено ко всем палеосибирцам на Енисее, среди которых олени медленно распространялись, уже во времена русского владычества и которые тем не менее еще после Октябрьской революции, к началу реконструктивного периода, в основном являлись безоленным народом. Вероятнее всего, что замечание об оленеводстве «енисейских остяков» относится главным образом к натско-тумпокольским селькупам (остяко-самоедам), которых Георги ошибочно припутал к палеосибирцам и которые, как и все селькупы, действительно имели оленей.

Но для царской администрации эта, хоть с грехом пополам, но все же в общем правильно установленная классификация палеосибирцев на Енисее, как особой этнической группы, еще долго оставалась книгой за семью печатями. В «напечатанном по высо-

чайшему повелению» Статистическом обозрении Сибири, составленном «на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников» (Спб. 1810) на стр. 170 есть раздел:

«Самоеды или самояды. Сами себе называют ниночами и хозовами, а в старинных русских приказных ведомостях известны еще под именем сыроядцов. К самоедам причисляются следующие небольшие роды: 1. Койболы; 2. Карагасы; 3 Сойоты и Муторы; 4. Тубинцы; 5. Камачинцы; 6. Юралы или Юраки; 7. Енисейские остяки и 8. Соплеменные им аринцы; наконец 9 и 10. Азанцы и котовцы. Сии небольшие орды, вероятно, одного происхождения: они во всем почти между собой сходны, исключая, что некоторые говорят особым своим языком, совершенно от других языков отличным. Впрочем у них те же обычаи, те же промыслы и тот же образ жизни».

Что то все же донеслось до ушей чиновных составителей обозрения иначе они не упомянули бы об «особом своем языке», но в целом этот список представляет самую невероятную смесь ненецких, палеосибирских и турецких племен и надерганных из них отдельных родовых и местных названий, без следов попытки какой либо дифференциации их.

К 1824 г. мы имеем уже обстоятельный список кетских управ (административных родов), организованных царской администрацией среди туземцев, круговая порука внутри которых заменяла прежнюю систему захвата аманатов, ставшую обременительной и беспокойной для бюрократов 19-го века.

Для составления «Свода степных законов для кочующих и бродячих инородцев», предпринятом по почину, отправленного в почетную ссылку в Сибирь, опального министра Александра 1, Сперанского, Енисейским губернатором А. Степановым был представлен[1] (см. табл., стр. 27).

Под «остятским родом» здесь все еще смешаны два различных народа—кеты (управы Подкаменская, Верхне-Инбатская, Нижне-Инбатская и Сымско-касавская) и селькупы (все остальные). Кетов следовательно к 1824 г. было 686 человек мужского пола («ясачных душ»), селькупов—613.0 том, чем отличаются кеты сымско-касовские от всех остальных, мы укажем ниже.

В этом документе, как в капле воды, отразились все те изменения, какие испытали кеты за 217 лет своего пребывания в составе Российской империи.

Вместо прежних кровных родов ясачной Мангазейской книги фигурируют новые, образованные по территориальному признаку, управы. Во главе управ выборные, но утверждаемые царской полицией «князцы», служащие передаточной инстанцией между адми-

---

[1] Востсибкрайархив. Фонд Главного управления Восточной Сибири. Дело № 405. О приведении в исполнение устава об инородцах. Начато 2 апреля 1823 г., кончено 6 июля 1878 года.

ПРОЕКТ ВЕДОМОСТИ

о составе вообще бродячих народов Енисейской губернии

Общее число родовых управлений	Род	Число управлений каждого рода	Родовые управы	Число душ	Князцы	Ясак. Шкурами: Число шкур	Ясак. Шкурами: На какую сумму	Ясак. Деньг.: Руб.	Ясак. Деньг.: Коп.	В каком магазейне пользуются хлебом	Сугланные места	К какому времени собираются
			I. В заведывании Енисейского Земского суда									
4	Остятск.	1	Сымско-касовская	202	Иван Кетской	Соболей и лисиц 84	На 84 р.	137	—	В Ярцовском	Усть р. Сыма	23 мая
5		2	Натско-тумпокольская .	57	Алексей Сутырев	Соболей 34	На 34 р.	35	—	В Маковском	Маковский острог	29 июня
			Итого .	259	—	—	—	—	—	—	—	—
			II. Туруханск. отд.									
1	Остятской	1	Подкаменная	59	Алексей Буняев	Собол. 26 белк. 1200	На 50 р.	11		В Верхне-Инбатск. и Новоселовском	Устье Подк. Тунгуски	21 мая
2		2	Верхне-Инбатская	282	Спиридон Синяев	Соб. 215	На 215 р.	112	—	В Турух., В.-Инбатском	В.-Инбатск.	21 мая
3		3	Нижне-Инбатская	143	Василий Тынин	Соб. 161	На 164 р.	86	—	Новосел., Костин., Ямск. Песковск., Новобалаквин Устькур. Каигат. в Карас.	В.-Инбатск.	21 мая
4		4	Карасинская . .	109	Киприян Мальцов	Собол. 17 лисиц 23	На 84 р	84	46	В.-Турух., Усть-Курейском и Карасин.	Туруханск	Во время ярмонки
5		5	Баихинская . . .	90	Николай Тетерин	Лисиц 40 горн. 400	На 80 р.	4	20	В Баихинском	Близ Баихин. магазейна	23 апр.
6		6	Тымская .	222	Николай	—	—	455	10	На Тазу у церкви	На Тазу у церкви	23 апр.
7		7	Караконская . .	135	Магачев	—		283	80	На реке Рате	На Тазу у церкви	23 апр.
			Итого . . .	1040	—		—	—	—			—

нистративными органами самодержавного помещичье-капиталистического государства и туземцами.

Имена «князцов» православные—результат миссионерско-руссификаторской работы попов. У фамилий, заменивших прежние родовые названия, русские оконцовки или даже целиком русские фамилии. Недостаток соболей снизил ясак с почти 5 шкур на «ясачную душу» в 1629 г. до 1 шкурки в среднем, частично же соболи оказались замененными белкой, горностаями, лисицами и деньгами. Все туземцы, вследствие почти полного исчезновения «съестного зверя», приписаны к специально образованным хлебным магазинам. Этим царское правительство, во-первых, не давало окончательно перемереть с голоду поставщикам ценной пушнины (хотя магазины не всегда спасали положение—кеты голодали и умирали с голодухи неоднократно), а во-вторых, за хлеб получало ту же пушнину или кабалило туземцев так же как и частный скупщик. Расположение магазинов показывает, что кеты за эти 217 лет продвинулись значительно севернее по сравнению с началом XVII века. Тогда их стойбища не достигали устьев Нижней Тунгуски и окрестностей Туруханска, занятых тогда ненцами. Теперь мы видим кетов у устьев Курейки и даже у Карасина, т. е. уже за полярным кругом. Сугланные места, по сравнению с местами экономического тяготения—магазинами, оказываются более консервативными и все еще отражают старинное расположение кетов двумя группами выше Туруханска: одной с центром у б. Имбацкого зимовья, ниже «камня», т. е. подходящих к самому Енисею хребтов, у так называемых «щек», ниже Осиновского порога, и другой—выше «камня», у быв. Закаменского зимовья в районе устьев Сыма.

Губернатор Степанов, представивший эти ведомости, был не только исполнительным чиновником. Отслужив в Сибири, он написал книгу «Енисейская губерния», в которой многословным, велеречивым слогом описывает и подвластные ему народы. Если в своих ведомостях он еще путал палеосибирцев кетов с «самоедами»—селькупами, то впоследствии он эту разницу все же уловил. Приведя образцы языков тех и других, сокрушенно отметив, что: «племена известные ныне под именем бродячих, повержены в глубочайшее невежество. Нет у них признаков богуслужения, нет у них письменных преданий и очень мало изустных», он приходит к выводу: «ежели одинакий язык показывает сродство народов, то первые пять племен, почитаемых остятскими [1] принадлежат к самояди, а последние [2] совсем другого рода». Что же остается этнографу», восклицает взявшийся за перо губернатор... «чтоб доказать истинное их происхождение?» И отвечает сам «некоторые намеки историков, сходство языка и догадки». Ниже, на стр. 37, под заголовком «настоящие остяки» излагает губернатор свои «догадки:» «Манчела

---

[1] Остяки ватские, баихинские. тымские, караконские, карасинские».

[2] «Остяки сымские, самароковские (т. е. подкаменно-тунгусские), нижнеимбацкие, верхне-имбацкие».

или самояд с реки Сыма была пожата к полярному полюсу пришедшими с запада остяками, известными в настоящее время под именем сымских, самароковских, нижнеймбацких и верхнеимбацких..., но их древнее название: тындыгеты и тшипканы... Язык енисейских остяков, кроме исчезнувших с лица земли коттов, аринов, асанов не имеет сходства с языком народов, живущих ныне в Сибири... Есть видимое сходство между остяками томскими и самояды, между остяками иртышскими и вогуличами, вотяками, черемисами, финами; но... ни остяки томские, ни иртышские, ни самоядь, ни племена древней Чуди, ни монголы, ни татары, ни тунгусы не сходствуют в сем отношении с настоящими остяками Енисейской губернии». Далее Степанов, на основании известия переводчика арабского историка Рашид-эд-дина, доказывает, что кеты (енисейские остяки) являются потомками древних уйгуров, когда то могущественного центрально-азиатского народа, часть которых, ушедшая на Иртыш, сделалась «звероловцами» и у которых положение быть «скотоводцем или хлебопашцем почиталось обидой или ругательством». Один кетский старшина рассказал Степанову любопытное предание: «Когда орда наша пробиралась с заката солнца на восток и пришла на Таз, то осталось только в живых 4 человека с женами. Изнуренные трудами и голодом, лежа на берегу Таза, приготовлялись они уже к голодной смерти, как вдруг один из них объят был необыкновенным ему вдохновением: ибо он принадлежал к Тшвотшибыкубам (мудрым). В минуту приросли к нему два крыла, на которых он поднялся к небесам и быстро погрузился в волны Таза, а через несколько времени, поднявшись на воздух, явился к товарищам обнизанный с головы до ног разными рыбами, которые трепетались хвостами и сверкали разноцветной чешуей. С тех пор стали мы заниматься рыбным промыслом». Поскольку в предании говорилось о приходе с запада, Степанов видел в нем подтверждение своей «уйгурской» теории. Особо отметим следующее замечание Степанова: «Из четырех родов сымские в понятиях посвежее, они то сообщили о названии тындыгетов»... Вслед за этим следует характерное губернаторское отступление: «прочие находятся в большом невежестве, несмотря (какой ужас!) на то, что приняли христианство».

О значении названия тындыгет, сообщенном Степановым, и о других вытекающих из его материалов выводов мы сообщим ниже. Теперь же приведем еще несколько выдержек из его сочинения, характеризующих быт и обычаи кетов.

«Остяки... еще чуждаются некоторым образом поселян» (т. е. поселенных по Туруханскому краю, для гоньбы подвод, крестьян). «Когда останавливается река, остяки начинают рыть для себя землянки, прикрывают их сверху бревнами, сучьями и насыпают землю... В них... женщины выделывают кожи, прядут нитки для сетей, шьют платье и сапоги... а мужчины делают лыжи, луки, стрелы, нарты... Все остяки... водят у себя езжалых собак... Самое любимое занятие для остяков есть рыбная ловля, которая впрочем недо-

ставляет им никакой выгоды, кроме собственного продовольствия... Едва от весеннего солнца начнут рыхлеть снега, лыжа не скользит и ноги проваливаются, как остяки оставляют свой звериной лов; но не возвращаются в землянки. Старшина семьи... разбивает несколько чумов, обернутых берестой, на берегу любой реки... начинается приготовление лодок, снастей, и ежели работа готова, не ждут пока пройдет река, пробивают лед пешнями и продевают сети... Наклонные к скорбуту, страдают они от него в теплых сырых землянках... Зимой во время звериной ловли, при беспрестанной стуже, болезнь усиливается», но весной от употребления в пищу сырой рыбы проходит. «Все лето проходит в рыбной ловле, в переходе от одного места в другое...

Остяки все христиане... однако же... отцы требуют за своих дочерей калыма... от 30 до 150 рублей, с прибавлением котла, наполненного платьем».

И еще немало строк написал философствующий губернатор, не скрывая своего пренебрежения к «запачканным», «неловким» «остякам» с «пасмурными лицами». Не написал он лишь одного—о периодических голодовках туземцев, о том, что «пасмурными», «запачканными» и «неловкими» стали кеты потому, что давили их двойной гнет самодержавного государства и торгового капитала. Но проезжавший в 1843 году по Енисею академик Миддендорф, не обладавший, повидимому, дипломатическим тактом «верноподданного Степанова, бывшего Енисейского губернатора», записал в своем дневнике: «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского зимовья. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают слишком мало зернового хлеба из казенных магазинов и тем лишают их возможности отправляться в более лесистые местности для добывания мехов и пищи. Один из них с большим трудом, и только благодаря поддержке поселенцев, перенес голодный тиф и страдал еще болью в икрах. Мне рассказывали, что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы»... Глядя на оборванные исхудавшие тени людей, которым даже перестали выдавать разворованный чиновниками хлеб, Миддендорф пришел к выводу, что нет «другого спасения для этого народа, как сглажения его национальности и полного слияния его с русскими» (39, 659).

Подлинно научное определение кетов, как представителей самостоятельной изолированной группы народов дал лишь знаменитый финский ученый и революционер А. Кастрен. Узкогрудый человек в очках, с обрамлявшими худое белое лицо пушистыми бакенбардами, проехал в 1845 г. по Енисею. Кутаясь в шерстяное одеяло от дующего из всех щелей зимовья сквозняка, он просиживал долгие вечера около керосиновой коптилки, рядом с крепко пахнувшими потом туземцами в засаленных ошарпанных парках и малицах. Приятельски хлопал их по плечам, задавал им тысячи чудных вопросов о том, как они выговаривают слова своих языков, горячился, когда они не понимали его, потом угощал чаем и водкой, шутил

и успевал исписывать целые ворохи бумажных листочков знаками фонетической транскрипции. В закопченой полутьме зимовий слагалась у него в голове стройная система классификации урало-алтайских языков, в которой лишь один язык кетов не нашел себе места. Вернувшись на родину в Финляндию, умирая от чахотки, Кастрен составил, наряду с грамматиками урало-алтайских языков, и первую, единственную пока грамматику кетского языка. В своих «Ethnologische vorlesungen üblrdie Altaishen Uölker» (Спб. 1857) он написал: ...«подобно самоедам енисейские остяки также вышли из Саянских гор... их язык имеет совершенно отличный от алтайских языков характер. Так называемые енисейские остяки образуют остаток большого народа, который был истреблен, когда после жестокой войны и опустошений он должен был покинуть нагорную Азию, где он раньше проживал. В настоящее время состав этого племени достигает едва 1000 человек, платящих дань. Они живут большею частью при Енисее и на его притоках между городами Енисейском и Туруханском. Как и соседние с ними остяко самоеды занимаются они главным образом охотой и рыболовством. Ездовых оленей они не имеют и их упряжными животными являются собаки. Лето и зиму обитают они в шалашах, обычно покрытых березовой корой. Как и остальные сибирские туземцы, распадаются они на различные роды, которые управляются их туземными князьями. По имени они являются христианами, в действительности же—язычники, причем особо большое уважение оказывают медведю. К тому же самому племени, что и енисейские остяки, относились также арины или аринцы и ассаны, которые населяли саянские степи и теперь в большей мере являются татарами или турками. Сюда же отдаленно относится еще одно племя, которое старые авторы называли коттами, но которое позднее оказалось забытым. Во время своего путешествия по Сибири я нашел пять человек этого народа, которые жили под именем агульского улуса среди так называемых камасинцев на Агуле, одном из притоков Кана»...

Наступили шестидесятые годы. Изменился облик берегов Енисея. Еще в 1812 г. на плотах приплавляли «поселенцев». Давали им лошадь и корову «на образование хозяйства» и оставляли на голом берегу перед сонной стеной леса. Надо было устраивать постоянную связь между Енисейском и Туруханском, что без цепи постоянных поселков «было крайне затрудительно». «Попечительное начальство» озаботилось подысканием для «поселенцев» жен, для чего было приплавлено достаточное количество» женщин. Правда «неблагодарные» крестьяне не вполне оценивали «заботы» об них. «Некоторые из мужчин не хотели жениться на предложенных невестах или, наоборот, женщины отказывались выходить за предложенных мужчин, но горячие, розги»,—пробовали острить веселые чиновники,—«тотчас выгоняли подобную дурь». В первую же зиму несколько человек замерзло от непривычки и неопытности во время путешествий на соседственные станки», а в 1814-15гг. «вымерло более половины». Сказались также «последствия насиль-

ственных браков: жены начали резать мужей, а мужья жен. Были и такие, которые убивали собственных детей». Но одна за другой приходили новые партии и по Енисею, выше Туруханска, где кроме юрт кетов изредка попадались лишь зимовья полуодичавших русских охотников, да хлебные магазины с избами казаков при них, вытянулась линия «станков» — деревень.

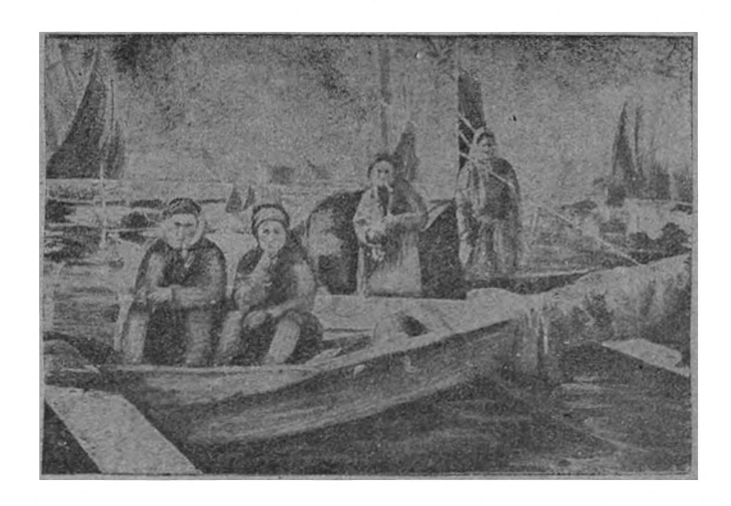
В «станках» выросли кулаки, полукупцы — полукрестьяне, обиравшие и своего брата «станочного жителя» рыбака и охотника, а в особенности выходившую из леса «орду». «Удалого» Цапаню и его исчезнувшую давным давно Дубчерскую слободу заменили десятки новых хищников вдоль всего побережья Енисея. Немногочисленные «государевы кабаки» сменились кулацким двором в каждом станке. Смачно с расстановкой рассказывали кулаки о своих торговых операциях: «как бывало остяки понаедут в нашу деревню, семейств до 70 и более, тут и приготовишь пивца да с шастой[1], кадушку ведер в 15; вот и позовешь, будто в гости, выставишь им пива посередь двора и скажешь: ну, пейте за мое здоровье сколько чьей душе угодно, сколько в моготу войдет; а когда покончут пиво, головы одуреют у них и начнут они в знак благодарности накладывать в ту же кадушку-то, что осушили, белок да горностаев и накладут, бывало, полную...И шасте спасибо—много помагала...с трезвым не столкуешь скоро, беда как торгуется собачий сын. А как задашь ему пивца с шастой, так и денег не просит» (31, стр. 136).

Но не только спаивали кулаки кетов. Отнимали они у туземцев и лучшие рыболовные места. «На станке Комса», рассказывает ездивший в 60-х годах в Туруханский район врач Кривошапкин: «вскоре за моим приездом вбежал в комнату престарелый, с бельмом на одном глазе и сильным туском на другом остяк и с криком «помоги бачка с голоду умираем бросился в ноги. Бледное иссиня лицо, слепота, согбенная фигура и крайнее рубище делали его весьма жалким. Бывшие тут крестьяне объяснили, что этот старик должен питать все семейство, что один богатый мужик занял все лучшие рыболовные места и что вблизи деревни более не оставалось мест, тогда как в прошлые годы эти места занимал остяк и следовательно по привычке они принадлежат ему» (31, стр. 140). Крепче и крепче связывала капиталистическая петля кетов. Началась и непосредственная эксплоатация их рабочей силы. Уже в начале XIX века «остяки отправляли обязанность работников рыболовов для енисейских купцов».

И сами кеты начинают терять однородность первобытного племени лесных охотников. На северо-западе и севере они заимствуют оленей у селькупов. Наиболее многооленные становятся посредниками, компрадорами между русскими купцами и своей малооленной беднотой. На самом Енисее, около станков, вырастает

[1] Нарост на ели, добавляемый в пиво для крепости и вкуса.

группа обнищавшей бедноты рыболовов, неимеющая возможности уходить на зиму далеко в леса, ютящаяся около русских, всегда голодная, оборванная, всегда в первую очередь попадающая в глаза тем из проезжих, которые впоследствии начинали писать о Туруханском крае. Наконец, на юго-востоке, в низовьях Подкаменной Тунгуски, главным образом, а частично на Елогуе и на Енисее, от устья Бахты до Туруханска, остались еще охотники, сохранившие кое-как некоторую экономическую самостоятельность, хотя изменился и их быт. Около юрт безоленных кетов качает Енисей длинные пятисаженные лодки-илимки с берестяными каютами, высокой мачтой и тяжелым рулевым веслом. В борьбе за существование один за другим выстроили себе кеты этот флот речных кораблей, по одному на каждую семью, и на целое лето они становятся плавающим народом. Но осенью вытаскивают они свои намокшие, тяжелые илимки на берег и опять становятся пешими лесными охотниками.

«Флот» из илимок у Подкаменной Тунгуски

Белая пелена зимы затягивала Туруханский край. В лесах дымили чумы, отогревались после дневного промысла охотники эвенки, кеты, селькупы. Тундровые оленеводы нганасаны, ненцы, долганы уходили глубже в лес, укрываясь от свистящего холода пурги в чистой тундре.

Ветер наметывал снежные сугробы около изб станков на Енисее и с разбега вдруг затихал перед черной стеной тайги. По льду реки вилась выбитая, умятая конскими копытами и обкатанная санными полозьями дорога. Долина жила уже иной, не свойственной старому Енисею, жизнью. Узаконенной жизнью реки, по которой гоняют на лохматых сибирских кониках почту опорошенные снегом ямщики, жизнью тускло посверкивающих сквозь обледе-

нелые стекла окон русских деревень. Правда, под снегом не было видно, что около этих деревень нет пашен. Под навесами не стояли жгучие от мороза, отдыхающие с лета, плуги. В амбарах не торчали рядком кривых грязных полумесяцев, воткнутые в щели бревен, серпы. Также как в чумах в лесу, в избах на Енисее сидели возвратившиеся с промысла, еще красные от мороза, переобувающиеся охотники. В сенях стояли подбитые камосом лыжи. На везущих почту ямщиках топорщились неуклюжие, шерстью вверх, оленьи дохи. Но люди были уже не те, что раньше. Также как где-нибудь под Рязанью доставала русская баба из горячей печи парные хлебные короваи, захватывала рогами ухвата глиняные горшки, а около ее подоткнутой юбки шумел на полу самовар.

Только за околицей, за снежными сугробами, в темноте тени, обошедшего деревню и опять надвинувшегося на берег леса, иногда продолжалась еще другая, изувеченная, разбитая, потерявшая свой смысл, жизнь бедняка туземца, оставшегося зимовать на Енисее. Если бы не вырывавшийся иногда из дымового отверстия свет и не вспыхивающие в струйке дыма искорки, нельзя было и сказать, что здесь тоже живут люди. Издали только снежный холмик нарушал ровную белизну зимнего берега. На двадцать срубленных из доброго леса изб приходилась одна эта, ушедшая под снег, землянка. Странно было сознавать, что именно она была здесь когда то единственным человечьим жильем, символизировавшим владение человека великим Енисеем.

Туруханский отдельный пристав объезжал свой край. Одна за другой вырастали перед ним, над белой кручей зимнего берега, деревни. То веселые, живые, облитые морозным дневным светом. В них пристав, не снимая унтов, пил чай, пока перепрягали лошадей. В других, серых, омертвевших в вечернем сумраке, он ночевал. В тех и других выслушивал он надоевшие ему жалобы на лихоимства вахтеров при хлебных магазинах, на хулиганство парней, на кабалу и обиды от богатых.

Еще он вспоминал о том, что ему надо следить за тем, как живут «инородцы», чтобы они не слишком много умирали с голоду и исправно отдавали бы ясак. Сам он считал, что инородцев зря избаловали выдачей хлеба из казенных магазинов и что они «имеют наклонность к преувеличению смертности от голода и находил необходимым прекратить выдачу казенного хлеба «предоставив им изыскивать к этому собственные средства» (68, стр. 235). Отчетность по снабжению населения казенным хлебом отнимала у него очень много времени и ему очень хотелось от нее избавиться.

Когда он задавал вопрос об «инородцах», казаки напряженно вслушивались в его слова, как бы ища за ними какой-то другой смысл и отвечали, что «инородцы» — остяки набрали в долг очень много хлеба, что за некоторыми сейчас уже долгу по 1000 рублей, а в среднем падает по 200 рублей и что все те из них, которым все-таки выдали хлеб, сейчас ушли в тайгу на промысел, а ос-

тались лишь те из них, которым они, казаки, хлеба не дали, потому что эти остяки задолжали слишком много и нет надежды получить долг.

На вопрос, что делают те остяки, которые хлеба не получили, казаки отвечали коротко, что сидят в юртах и землянках, а что они делают, то они, казаки, не знают. Когда на станке Нижне-Имбатском казак так ответил, сидевший рядом с ним старшина вдруг махнул рукой и сказал:

«Что делают, ваше благородие? С голоду помирают. Вот у нас за станком к примеру. Коли не верите, извольте посмотреть».

Уже было совсем темно, когда пристав пошел посмотреть, как умирают с голода «инородцы». Дорога шла над берегом Енисея. Пристав напряженно всматривался в темноту, пока не увидел вспыхивающие изредка под снегом отблески пламени. Свет на минуту озарял снег и исчезал над крутым обрывом, из под которого уходила в серую мглу ровная, не видно где кончающаяся поверхность замерзшего Енисея. Лес плотной черной шеренгой вытянулся у дороги. У пристава зябли ноги. Унты он оставил просушить и шел в тонких шевровых сапогах, сквозь которые чувствовался холод снега.

Когда, выбивающиеся из под снежного холма вспышки пламени оказались рядом с ним и дым полез в глаза и нос, пристав обошел то, что было занесенной снегом землянкой. Нащупал вход и толкнул обледенелые, кое-как сколоченные просвечивающие доски дверцы. Двумя сходящимися от плеч к поясу рядами засветились медные пуговицы. Желтой полоской из под шинели блеснул, у лакированного сапога, наконечник шашечных ножен.

В землянке горели в котелке дрова и копошились люди. Придержав папаху, с вдавленным в ее шерсть полосатым овалом кокарды, он заглянул внутрь. Несколько секунд продолжал вглядываться сквозь дым костра и, тихо прикрыв двери, осторожно ступая, чтобы не набрать в сапоги снега, чувствуя как мороз кусает на ногах пальцы, пошел обратно к черным силуэтам деревенских изб.

В гостиной комнате, лучшей на станке избы торгующего мужика, за покрытым чистой, береженной для гостей, скатертью столом пристав достал из чемодана черновик своей рукописи—«Туруханский край, его природа и жители». При свете керосиновой лампы, закрывая своею тенью серебряные ризы висевших над ним в углу икон, он написал: «За неимением теплой одежды большая часть остяков во время зимы остается неподвижно на одном месте в сырых вонючих ямах, среди поразительной нищеты. Нам однажды пришлось встретить трех остяцких вдов и при них шесть малолетних детей, которые, будучи нагими, со вздутыми животами и коростами, образовавшимися на груди от постоянного пребывания близ огня, глодали ивовую кору. Одна из женщин лежала больная на одре, а остальные изнеможенные походили скорее на привидения» (68 229).

Пристав Третьяков написал интересную книгу. Он изъездил «вверенный ему край» вдоль и поперек и собрал много ценного географического и этнографического материала. Но царский полицейский везде проглядывал в его работе. Он видел на крайнем севере и белых, высоких нганасанов, с султанами из оленьих хвостов над головами, в круглых без подъема, делавшими их ноги похожими на ноги мамонтов, бакарях. Ему они показались хитрыми, негостеприимными и скупыми, потому что «вольные дикие люди» замыкались перед иноплеменниками, не доверяли царскому чиновнику, скрывали от него своих оленей, не ломали шапок как забитые туруханские крестьяне, а, чувствуя себя хозяевами в тундре, давали дерзкие ответы и старались скорее отделаться от посещения начальства.

Щеголеватые, расшитые бисером, долганы показались приставу «добродушны и умны». Наверно умели долганские кулаки «потрафить» приезжавшему начальнику и почтительно, несмотря на свое «невежество», внимать его сентенциям...

Больше всего наговорил Третьяков комплиментов эвенкам. Они и «неустрашимы» и «ловки» и «чистосердечны». Выходившие из глубины лесов, редко видевшие русских, но помнившие о своих боях с ними, эвенкийские «князцы» и богачи (беднякам, голодавшим не менее кетов, не на чем было выйти) не боялись синей шинели, шашки и черной папахи пристава и поэтому смело, как равные, разговаривали с ним.

Хуже всех показались Третьякову кеты. Прикованные крепкой цепью безысходной нужды к хлебным магазинам, потеряв надежду на лучшее будущее, они не могли держать себя гордо как эвенкийский «князь или открыто, недружелюбно, как оленный нганасан. Казенная подачка, заем у кулака часто бывали единственным способом для многих из них избежать голодной смерти. Долина Енисея, кормившая когда-то максимум полторы тысячи человек, теперь кроме них должна была содержать еще 7—8 тысяч русских. Деваться было некуда. «Вспыльчивым», «беззаботным» и «ленивым» остякам, как их характеризует Третьяков, не оставалось больше ничего делать, как валиться в ноги к начищенным сапогам пристава, кланяться, прося хлеб, перед каждым казаком у запасного магазина, напрягая свое истощенное голодовками тело, налегать на тяжелое весло купеческой промысловой лодки в Енисейском заливе, а зимой, выпросив хлеба, в потертом суконном зипуне, ежась от холода, стиснув зубы, бродить в дальних, еще не опромышленных русскими местах, добывая ставшую их проклятьем пушнину, гася ею ненасытную алчность царской казны и купеческого капитала.

* *

Тяжелую школу полицейского насилья и капиталистической эксплоатации проходили кеты. Наиболее крепко втянутые в жернова кулацко-купеческого грабежа погибали. Некоторые, очень немногие, пользуясь своими оленями, сами научились искусству эксплоа-

тировать своих родственников. Основная масса продолжала бороться за право жить, хотя не теми способами, какими раньше они боролись за это же с «юраками» и «тунгусами».

Последний дореволюционный исследователь кетов В. И. Анучин не избегает самых мрачных тонов, обрисовывая их положение к 1905 году.

«Экономическое положение остяков таково, что трудно представить себе нечто худшее, и они безусловно занимают в этом отношении последнее место среди инородцев Туруханского края... Занимаются они... охотой и рыбной ловлей и только, ничего другого они не знают. При том подавляющее большинство из них состоит в вечной, безвыходной кабале у русских кулаков и эта кабала фактически ничем не отличается от чистого рабства, недостает лишь санкции закона. В прежнее время остяки занимались оленеводством, теперь у самого богатого из них пара собак» (61,стр.42).

Как истый представитель буржуазной этнографии В. И. Анучин не смог дать правильного прогноза о будущем кетов, не видел их жизненной стойкости и отчаянной работы в лесу в течение зимы. Наблюдая наиболее опустившуюся, забитую нуждой, часть их у русских станков, он огулом пишет обо всех:

«... главной причиной их вымирания являются собственно не болезни, а истощение на почве постоянных голодовок и вся совокупность тех неблагоприятных условий, в которых они теперь находятся. Судьба енисейских остяков вполне определена: они быстро идут к вымиранию и если через несколько десятков лет они не вымрут в буквальном смысле, то, несомненно, смешаются отчасти с другими инородцами, отчасти с русскими и совершенно утратят свой язык и свою индивидуальность как отдельное племя»(61, стр.3).

Но странно, что в 1925 году Л. Н. Доброва-Ядринцева продолжает тот же тон полной безнадежности, говоря о хозяйстве кетов: «Енисеец[1], отравленный табаком, алкоголем, болезнями—представитель больной народности. Среди енисейцев больше всего встречается детей сирот, безродных стариков, женщин, увядших до времени, одиночек, лишенных семейного уюта, и глухих и просто дурачков.

Жалкие, забытые влачат они нищенское существование близ русских поселков, всеми презираемые «азиаты», «орда» (23, 19).

...Енисейцу не удалось найти новых жизненных форм быта.

...Кроме того в настоящее время экономическая болезнь этой несчастной народности зашла слишком далеко, она проникла во все поры хозяйственного организма енисейца. Она разрушила в нем все самобытное, все здоровое и жизнеспособное и теперь для восстановления хозяйства енисейца... нужно не одно только обеспечение оленями ... здесь нужны более глубокие и сложные меры» (23, стр. 43).

---

[1] Так называли кетов в первые годы революции, пока за ними не было закреплено их самоназвание.

Привычный штамп плаксиво-идеалистического, народнического подхода к туземцам лежит на этих фразах. Наблюдая результаты капиталистической эксплоатации, автор не заметил особой, безоленной хозяйственной системы, сложившейся у кетов, которая как только они были освобождены от кулацкой кабалы, в условиях нормального товарообмена с советским государством, показала всю свою жизнеспособность и обеспечила им жизненный уровень, по крайней мере не более низкий, чем у их оленных соседей. Нет и не было «больных» и «здоровых» народов. Были лишь эксплоатируемые в большей или меньшей степени. Кеты принадлежали в основной массе к первым. Но то, что было, того сейчас нет. Сотнями тысяч экспортной выходной белки кеты протестуют против возводимых на них обвинений в «нежизнеспособности» и утверждают право вместе со всеми народами Советского союза строить социалистическое общество.

ГЛАВА II

КЕТЫ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА СОВЕТСКОГО СЕВЕРА

Название кетов

Слово «кет» — человек, в качестве общепринятого названия для палеосибирцев на Енисее, утвердилось за ними только в течение нескольких последних лет. Мы уже встречали на предыдущих страницах названия «имбат», «тымдыгет», «остяк», «енисеец», «булаш». Слово «тымдыгет» дословно означает на языке кетов—«человек с Кети» (р. Кет по-кетски называется Тым [1]). Таким же образом его истолковал еще Кастрен (Reiseberichte und Briefe, стр. 281). Но оно несомненно относится не ко всем кетам. Степанов, например, как мы видели, прямо указывает, что это название сообщено ему кетами б. Сымской управы. Кеты же остальных, «Имбацких», управ не имеют о нем представления. Но зато они имеют для членов Сымской управы специальное знавание—дыгонь или дюгунь (югунь) и считают их отдельным народом. С другой стороны Миддендорф указывает, что «сымцы называют своих имбацких сородичей Tygybandjäng». Правда, это название, дословно означающее «Низовой земли люди», не является устойчивым этническим термином, но также показывает некоторую обособленность кетов б. Сымско-касовской управы. В словаре Кастрена (3, стр. 183) dÿ—значит «самоед». Дыгонь, дюгунь, это очевидно множественное число от dÿ [2] Следовательно имбацкие кеты считают сымско-касовских «остяков» «самоедским» племенем. Поскольку на Кети жили селькупы («остяко-самоеды» б. Натско-тумпокольской управы), а само название сымских кетов определенно указывает на Кеть, очень возможно, что кеты б. Сымско-касовской управы представляют «самоедскую» народность, лишь ассимилированную кетами. Язык их, как установлено уже Кастреном, представляет особое наречие языка кетов и, называя себя «тындыгет», они подчеркивали то обстоятельство, что они не тот же самый народ, что «имбацкие» кеты. Повидимому, группа селькупов с Кети ушла на север к верховьям Сыма и Каса и по ним вышла на Енисей. Помимо названия «тындыгет», на Кеть указывает и распространенная среди сымских «дю-

[1] Тым—значит по-кетски именно р. Кеть, р. Тым имеет на их языке название Кеанг (3, стр. 167—177).

[2] По аналогии с i, igan—солнце.

гунь» русская фамилии—Кетских. Также и упомянутое у Степанова «древнее название» Тшипкан сохранилось у «дюгунь в виде русской фамилия—Типканов[1].

В хронике «О Сибирском царстве и о царях того великого царства»[2] (стр. 403) имеем такое сообщение. «По р. Енисею языци—Имбатской, Земшайской, Сымской, Тунгусской». На стр. 401 указано: «В том же Сибирском царстве живут люди разноязычны. Первые Татарове, тоже Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы, Киргизы, Калмаки, Якуты, Мундуки, Твиляги, Тарагали, Имбаты, Зеншаки, Сымцы, Аринцы, Моторцы, Тогинцы, Сиянцы, Чаландасцы, Камасирцы и иных много разноязычных людей в том... Сибирском царстве».

Мы видим, что имбаты и сымцы все время различаются, но кроме их фигурирует еще народ (язык) земшаки.

В списке кетских родов, плативших ясак в 1629 г. (см. выше на стр. 21) упоминается род зешайцкой.

Очевидно зеншаки, земшайский язык, зешайцкой род это одно и тоже. Но в настоящее время такого этнонима среди кетов не встречается и вероятнее всего это искаженное, с русской концовкой слово «сейс» речка, означавшее какую-либо «приречную», прибережную часть кетов.

Интереснее этноним—имбат. Поскольку он встречается в древнейших упоминаниях о кетах и его именем вплоть до образования советских административных родов (туземных советов) назывались управы Верхне и Нижне-имбатские, объединявшие большинство кетов, можно с большой долей вероятности утвердить, что здесь мы имеем дело с каким-то первоначальным племенным названием северной части кетов.

Таким образом мы подходим к необходимости различать среди кетов две отдельных группы:

Собственных кетов или имбатов на севере (в составе б. управ Верхне и Нижне-имбатских и Подкаменно-тунгусской) и дюгунь (дыгонь) или тымдыгетов на юге (б. Сымско-касовская управа)[3].

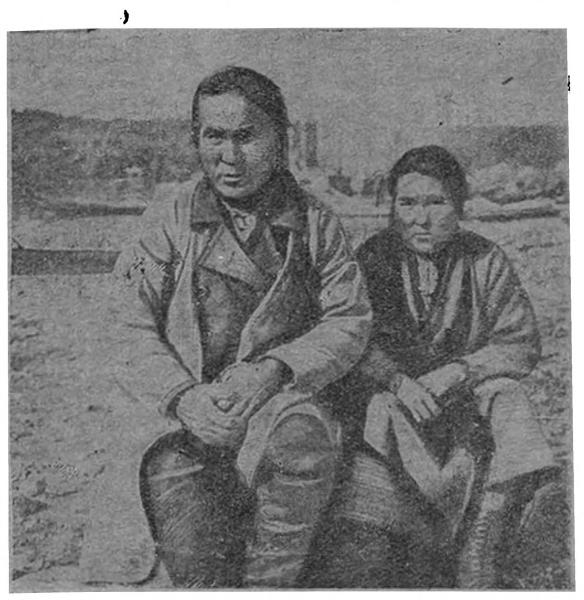
[1] Третья фамилия сымских остяков»—Имляковы является очевидно тем подразделением кетов, которое Кастрен называет Имляк (стр. 282) и которые по его словам пришли с р. Таза. Но эта фамилия встречается только у сымцев и поэтому она указывает на приход с запада лишь предков этой управы, а не на происхождение остальных кетов. Элемент «ляк», входящий в фамилию Имляковы, тоже указывает на селькупское происхождение ее носителей, т. к. «ляк»-ами называют кеты селькупов.

[2] Цитирую по выписке М. П. Алексеева из работы Андрея Попова «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», Москва, 1869 г.

[3] У Кастрена (Reiseberictc unb Briele стр. 211) есть сообщение старого «остяка» из дер. Анциферовой, по которому из 5 родов «остяков Тымской волости» 4 происходят с верховьев Енисея, а 1 с Кети.

Мы уже знаем, что сымские остяки» (к которым должен был принадлежать и этот «остяк», судя по местоположению дер. Анциферовой) называли себя тындыгеты, т. е. людьми с Кети. Вряд ли этот остяк говорил о какой-то волости по р. Тыму. Вероятнее всего он говорил о себе и своих сородичах на Енисее и хотел сказать, что они тындыгеты, т. к. кеты (будучи сам «тындыгетом», он на-

Название «булаш» нами объяснено выше. Что касается терминов: «енисеец», береговой енисеец (77), енисейский остяк, то они чисто литературного происхождения, образованные, очевидно, за неимением лучшего, по территориальному признаку. Все они самим кетам не были известны. Но название «остяк», хотя оно и было навязано русскими, довольно прочно вошло в кетский язык и они образуют от него даже прилагательные, говоря на родном языке — например «остыгын булюоль», т. е. суконные чулки, употребляемые лишь ими, кетами, в отличие от просто «булюоль» — вязаных «русских» чулок.

Типы кетов

Современное, общепринятое в качестве самоназвания б. енисейских остяков слово «кет» дословно означает—человек. Одно время в литературу вошла было звательная форма его — кето (по русски можно перевести дословно—«человече»)[1]. Сейчас это название, как совершенно неправильное, отпало.

При разговоре по-русски в настоящее время допускается образование от слова кет множественного числа—кеты[2]. Но в са-

---

зывал так всех кетов как и те «сымские остяки», которые сообщили и Степанову и Третьякову это свое самоназвание, как общекетское) состоят их четырех родов с верховьев Енисея и одного с Кети.

Так как это сообщение было сделано Кастрену в течение его переднего пути в Туруханский край, когда он еще не разобрался в названии «тындыгет», он ошибочно написал в своем письме его перевод—«остяки Тымсной волости»

Действительно кеты-имбаты, историческая традиция которых утверждает, что они пришли с верховьев Енисея, состоят из четырех родов (см. ниже). Пятый же род, о котором говорил андиферовский остяк, пришедший с Кеги (т. е. по-кетски «Тыма»), это есть тындыгеты (дюгунь, сымские «остяки»).

[1] Ближайшие соседи кетов селькупы называют их Кольд-кумет, т. е. люди с Енисея (Кольт—по-селькупски Енисей). Кеты в свою очередь называют селькупов «ляк» (от селькупского «ляка»—товарищ), ненцев —«юрак» (от ненецкого юро—друг) или «ды» и «дю», эвенков «хäнгба (или хэмга, фэмба), что является по Сосновскому (63) закономерным изменением слова—«эвенки».

[2] Между прочим, по Георги («Описание обитающих в Российском государстве народов». Спб. 1799, стр. 66) тунгусы называют остяков, т. е. в том числе и кетов, остякетами.

мом кетском языке для этого есть специальнсе слово—дян или каденг, т. е. люди, народ. Эта форма и послужила одним из оснований иденфицировать кетов с динами (динь-линями) китайцев.

Введение в разговорный и литературный русский язык самоназвания кетов, вместо навязанной им клички «остяк», помогает избежать путаницы их с неимеющими с ними ничего общего обскими остяками, а также помогая восстановлению их национального самосознания, приглушенного царской Россией, содействует, наряду с другими культурно-политическими мероприятиями советской власти, строительству их национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Отношение к другим народам севера

В этнографических и лингвистических классификациях кетов относят к так называемым палеазиатам, точнее к той части их, которая носит название палеосибирцев. Это название охватывает ряд народов, частью близких между собой по языку и этнографическим признакам, но частью и совершенно различных, которых объединяет лишь то, что, обитая на севере Азиатского материка, они не могут быть присоединены к народам так называемой урало-алтайской лингвистической системы, составляющим здесь основную массу туземного населения.

Обычно к палеосибирцам относят: чукчей (луораветлан), коряков (нымыллан), камчадалов (итэльмен), составляющих родственную лингвистически-этнографическую группу, затем юкагиров (одул) и чуванцев (этэл), тоже родственных между собой, но в настоящее время, помимо территориальной близости, почти ничем не связанных с первыми, хотя в прошлом этническая связь обоих этих групп, по мнению Иохельсона, несомненна, и наконец гиляков (нивох) и кетов, стоящих совершенно особняком как по отношению к предыдущим группам, так и друг к другу.

Иногда к палеазиатам еще относят, вследствие лингвистической и этнографической изолированности и территориальной близости к вышеперечисленным народам, эскимосов (иннуит), алеутов и айнов. Близкие между собой лингвистически и этнографически, эскимосы и алеуты хотя и живут сейчас главным образом на территории Сев. Америки (с Гренландией), но весьма вероятно, что они перешли туда из Азии. Этнографически и соматически близки к палеазиатам (палеосибирцам) юкагиро-чуванской и чукотско-корякско-камчадальской группы и индейцы Северо-Западной Америки, а у индейцев Калифорнии находят этнографические параллели с гиляками. Что касается айнов, то они сближаются также с народами Океании, что делает их положение в числе палеосибирцев более спорным.

В настоящее время название палеосибирцев закрепилось главным образом за чукчами (луораветлан), коряками (нымыллан), камчадалами (итэльмен), юкагирами (одул), чуванцами (этэл), гиляками

(нивох), кетами и родственными последним, но сейчас уже исчезнувшими котами, асанами, аринами, койбалами [1].

Другим признаком, объединяющим палеосибирцев, является их меньшая, по сравнению с якутами, тунгусами и даже «самоедами», монголоидность. Соматически палеосибирцев вполне можно сближать с американскими народами, тибетцами, «варварами» зап. Китая и некоторыми группами населения Индо-Китая. Правда, этот немонголоидный, высоконосый и узкоскулый, с массивной нижней челюстью, тип встречается спорадически и среди народов уралоалтайской лингвистической семьи. Иначе и быть не могло. Чистых рас не существует и, повидимому, не существовало. Урало-алтайские народы, складываясь на территории сев. Азии, неизбежно должны были включить в себя впоследствии и сохранившиеся палеазиатские элементы. Но даже не специалист, видевший группу кетов, а затем группу тунгусов (эвенков), якутов, бурят не может не заметить резко выраженной физической индивидуальности первых.

Хотя кеты, как и большинство других палеосибирцев, являлись раньше носителями наиболее древнего, хозяйственного уклада, сравнительное языкознание постепенно нащупывает родство кетов по языку с народами, стоящими на гораздо более высоких ступенях экономического развития.

Уже Г. И. Рамстедт в 1907 г. сближает корни слов кетского языка с тибетским (тангутским наречием си-ся) и бирманским. За ним Кай Доннер в 1920 г. устанавливает связь кетских корней с теми же тибетскими, индо-китайскими и также с корнями языков Сиа-сиа и Си-ся, на которых написаны рукописи, найденные Козловым в Кара-Хото.

Можно заключить, что кеты и родственные им коты, асаны, арины—ничто иное, как сохранившийся на севере реликт той группы языков Центральной Азии, к которым относятся языки Тибета и языки Индокитая (в частности группы мон-кмер, являющиеся аборигенами Индокитая) и языки «варваров» зап. Китая. Язык же жителей Кара-Хото является территориально как бы связующим звеном между кетами и тибето-кмерами.

Академик Н. Я. Марр, основываясь на материале М. А. Кастрена и В. И. Анучина, связывает язык кетов с языками передней Азии—хетским и шумерским. В этом же направлении прощупываются любопытные совпадения кетских корней с корнями халдской клинописной надписи на оз. Ван. Например [2] (см. таб. на стр. 44).

Само двухэлементное название халдов — gal-din представлено у кетов вторым из этих двух элементов (элементы С по Марру), в кетском d'an — люди. В другом этнониме кетов imbat легко узнать знакомого по Кавказу и Пиренеям — iber'a, также образованного из элементов С+Б, как, повидимому, и imbat.

Койбалы и до сих пор живут в Хакасской автономной области в Западно-сибирском крае, но говорят уже все на языке турецкой системы.

Транскрипция яфетическая.

Кетское слово	Халдское слово	Значение по-русски
hu	gy	сердце, центр
ban	e-ban-i	земля, страна
uli	uri	вода
tы	te ti	голова
ōs	as - r	дом
u-sin	Zin	ложиться
kay	har	гора[1]
kim	hie	жена

Разновидность ibera, вернее sumer'a (в подъеме) мы находим южнее на Саянах в виде — tuba-tuva, а далее на юг имеем tibet, древний tuput. На самом же юге азиатского материка в Индокитае мы сталкиваемся с носителями разновидности этнонима sumer kimer — кмерами.

Таким образом яфетическая этнонимика уводит нас туда же, куда уводил анализ представителей индоевропейской школы,—в Тибет и Индокитай.

Индоевропеист Поливанов находит, по его собственному выражению, «разительное сходство» лексики кетского и такого общепризнанного яфетического языка, как баскский.

Вероятнее всего, что и кетский язык и тибето-кмерские языки получат свое определение как древнейшая яфетическая подоснова центрально-азиатских языков и окажутся в тесной связи с яфетидами Европы и передней Азии.

Смелые обобщения акад. Марра уже связывают языки палеоазиатов и языки американских индейцев. Но и индоевропеисты (по школе) Тромбетти и Сапир находят общность между языками Тибето-Индокитая и языками северо-американских индейцев, в частности народа дэнэ (сравн. кетское — d'an — люди). Также и пресловутые апахи, правильнее — апачи, широко известные благодаря приключенческим романам Майн-Рида, Купера, Г. Эмара, сами себя называют dinë[2], что значит, как и кетское d'an, — люди.

Но эта азиатско-американская цепь языков, которую по образному выражению В. Г. Богараза-Тана, современное языкознание выковывает звено за звеном между Азией и Америкой достигает

---

[1] Ср. армянское кар (камень), баскское—кай-а (скала).

[2] Как дэнэ (или тиннэ), так и апачи, несмотря на территориальную разобщенность, принадлежат к одной и той же лингвистической семье атабасков, поэтому сходство самоназваний этих племен вполне естественно.

Интересно, что корень d'an-din можно найти и в Африке—в названии принильского народа динка.

последнюю не только на востоке. Через памирских вершиков (бурришков) кеты и тибето-индокитайцы протягивают руку яфетидам передней Азии и Кавказа. Отсюда, идя через этрусков и басков к атабаскам (дэнэ) Сев. Америки, мы замыкаем нашу цепь ярких остатков древнейших языковых форм Азии и Европы и на. Западе.

Таким образом кеты являются отодвинутым несколько на север звеном кольца языковых форм, охватывающих (ныне лишь в виде цепи реликтов) весь земной шар. Эта система, являвшаяся стадиально ранне-яфетической, соответствовала и начальным социально-экономическим формам того первобытного населения Азии, из которого выросли современные турецкие, монгольские, финские, угорские и др. языковые системы.

Особо приходится отметить этнографическую близость кетов к селькупам (остяко-«самоедам») б. Тымской, Караконской и особенно Баишенской управ. Это обстоятельство детально освещает Г. Н. Прокофьев, в течение нескольких лет специально изучавший селькупов.

«Я прихожу к заключению... о тесной культурной связи, существующей между остяко-самоедами Туруханского края и енисейцами кетами.

Оба племени взаимно считают друг друга братьями. Тип баишенского остяко-самоеда поражает своей обособленностью и определенностью.

Это тип черноглазый, черноволосый с очень смуглой кожей. Черты лица правильны, монголоидность выражена слабо, а иногда и вовсе отсутствует.

Он очень характерен для енисейцев—кетов.

Остяко-самоедское оленеводство очень существенно отличается от оленеводства самоедских племен.

Подробности свидетельствуют о чрезвычайной первобытности остяко-самоедского оленеводства.

Те же приемы пастьбы мы встречаем также у енисейцев, что заставляет объединить оленеводческую культуру остяко-самоедов и енисейцев-кетов в одно неразрывное целое.

В отношении рыболовства мы наблюдаем полное единообразие в орудиях и приемах рыболовного промысла у рассматриваемых двух народностей.

Черкан для ловли горностаев, остяко-самоедский и кетский, одного типа. У обоих племен для ловли горностаев встречаем клепцу одной и той же системы Черкан северо-самоедский отличается по своему устройству от остяко-самоедского, клепца же у северных самоедов вовсе не встречается.

В отношении жилища мы наблюдаем такое же единообразие в их форме и строительной технике у енисейцев и остяко-самоедов.

Что касается системы родства, то она по всей своей конструкции совпадает у остяко-самоедов и енисейцев.

Костюм остяко-самоедского шамана ничем не отличается от такового у енисейцев. Это та же шаманская парка, по форме своей

напоминающая птицу. Все железные части помещаются на спине, как на парке енисейцев. Спереди надевается нагрудник, который по остяко-самоедски носит название кутан, что совпадает с енисейско-кетским кутн».

По ряду этнографических признаков сближают кетов с селькупами и буржуазные ученые культурно-исторической школы. Так F. Flor считает «остяко-самоедов» за самоедизированных кетов.

Сами кеты и остяко-самоеды вполне подтверждают свою этническую близость. По их легендам кеты и селькупы всегда были союзниками и вместе боролись с ненцами (самоедами-юраками).

Близость кетов и селькупов нашла отражение в общности героического эпоса обоих народов.

Когда кеты или селькупы рассказывают свои богатырские сказки русским, то главных персонажей они называют русским словом—воевода.

Как имена «воевод», так и подробности этих былину кетов и селькупов часто совпадают до мельчайших деталей.

Главным «воеводой» был—Бальна («черемушное копье»). От этого «воеводы» происходят некоторые подкаменно-тунгуские кеты, носящие в настоящее время русскую фамилию Бальбин.

У Бальны было 4 брата. Старшего после Бальны звали Тота («тонкое копье»), третий был Белегит («ветер—человек»).

Был также еще Хольз—«воевода», стрелявший стрелами толщиной в топорище. Наконец был Кольт-книч «воевода»—его убили 5 братьев богатырей тунгусов.

Среди «остяко-самоедов» есть род Лимбель—тамдр, т. е. орлиный народ. Не зная, конечно, географии туземцы все же утверждают, что где-то «вверху» (т. е. на юге) должна быть река Орлиная (Лимбель-кы), с которой ушел этот род и которая названа по его имени. Иногда селькупы даже указывают, что эта река Орлиная должна быть притоком Кети (отчет Скалона, охотоведа Тазовской экспедиции 1929 г. Красноярского Окрзу).

И действительно у р. Кеть есть приток р. Орловая. Как по Кети, так и по Орловой живут селькупы б. Натско-гумпокольской управы.

Другой род селькупов ведет свое происхождение с другого притока Кети—Кедровковой речки (Козый-кы) и называется Козыйтамдр.

Повидимому, селькупы продвигались на север по водоразделу между Обью и Енисеем к верховьям Таза, параллельно движению на север кетов по Енисею.

Сейчас селькупы говорят на языке ненецкой (самоедской) ветви Урало-алтайской системы языков.

Главным хозяйственным отличием остяко-самоедов от кетов является то, что первые все оленеводы (хоть оленеводство их и очень невелико и примитивно), а последние большею частью пешие охотники, имеющие оленей гл. обр. по соседству с селькупами.

В настоящее время взаимоотношения кетов и селькупов складываются таким образом, что кеты по соседству с последними заимствуют оленеводство и вместе с этим и язык и постепенно превращаются в селькупов.

В верховьях Таза живет 16 хозяйств, носящих фамилию «Ириков». Они не являются селькупами по происхождению и в частности не входят ни в один селькупский род (Лебедя, Кедровки, Тетери и Ворона). Кеты считают Ириковых принадлежащими к своему роду Конын (или Хоныт) и производят их фамилию от слова «индикит»—солнечный человек. Таким образом по происхождению Ириковы кеты. Но имея довольно много оленей, кочуя чересполосно с селькупами, Ириковы забыли кетский язык и по языку и в быту стали настоящими селькупами и причисляются по большей части к последним.

Этот процесс ассимиляции безоленных палеосибирцев ненецкими оленеводческими народами должен был совершаться и в прошлом.

Распространение высшей, на известном историческом отрезке, формы хозяйства (в данном случае оленеводства) сопровождалось и распространением языка ее носителей. Этнографическая близость кетов и селькупов по всей вероятности имеет в своей основе ассимиляцию и смешение части палеосибирцев бассейна Енисея, самостоятельно не перешедших к оленеводству, с оленеводческими «самодскими» элементами с среднего течения Оби, т. е. имела место ассимиляция и смешение части палеосибирцев с ненцами, но не с тундровыми оленеводами, собственно ненцами, традиционно враждебными обитателям лесов, а с примитивными, лесными оленеводами, недалеко еще ушедших от палеосибирцев, какими и являлись селькупы—лесные люди (дословный перевод слова «селькуп»).

Родовые деления

Кроме разделения сперва на 2, позже на 3 управы, а в настоящее время на 6 туземных советов, кеты, как и селькупы, сохраняют еще и деление на кровные роды, которые ничего общего с б. административными родами—управами не имеют. Эти свои кровные роды кеты довольно тщательно скрывают и, например, проф. А. Н. Максимов в своем обстоятельном докладе о кровных родах палеазиатов (читанном в РАНИОНЕ в 1929 г.) должен был констатировать, что по литературным данным у кетов (енисейцев) можно отметить лишь наличие административных родов—управ. Это не совсем так. Косвенные указания на существование у кетов не только административных, но и кровных родов имеются и в дореволюционной литературе. На стр. 19 книги Н. А. Синельникова «Енисейские остяки по измерениям и наблюдениям В. И. Анучина» приводится замечание последнего о «тюркоподобном» (?) типе кетов, представители которого «принадлежат главным образом к роду Ханта». Ниже на той же странице, говоря о другом «арийцеподобном» типе, указано, что

представители его «принадлежат главным образом к роду Богдейгет (т. е. огненный рыжий человек)». Есть также упоминание об этих родах и ниже на той же стр. 19, где говорится, «что род Ханта меняется женщинами с родом Богдейгет». После революции у кетов побывал немецкий исследователь д-р Финдейзен (в 1927—28 гг.). Краткая заметка о результатах его работы напечатана в «Северной Азии» (№ 2—1929 г.). Д-р Финдейзен перечисляет следующие кровные роды подкаменно-тунгусских кетов: Хэнгтан, Булэпэнгдит, Шибинков, образующие одну экзогамную группу и роды Халэвин[1], Богдиригет, Кароткенг и Ляман, составляющие другую. Эти две группы родов составляли, как пишет д-р Финдейзен, раньше только два рода. Кроме них в окрестностях деревни Вороговой, по его словам, укоренились еще роды Топков и Ходль[2]. Раньше там жил и род Хэнгтан, но лет 15 тому назад будто бы передвинулся на север.

Этим материалом и ограничиваются литературные данные о кетских кровных родах. Как видим, он очень неполон, отрывочен и поэтому проф. Максимов возможно был вправе отрицать существование в литературе данных по этому вопросу .

Производя летом 1926 г. приполярную перепись среди подкаменно-тунгусских кетов, мне тоже пришлось собрать некоторые сведения о кровных родах кетов, которые я и хочу сопоставить с вышеизложенными материалами.

Подкаменно-тунгусские кеты рассказали мне, что они принадлежат к трем кровным родам. Именно род Ханта (точнее Кханта) охватывает 23 семьи из 58 семей, образующих Подкаменно-Тунгусскую территориальную группу кетов. В него входят кеты, носящие русские фамилии: Бальбин (6 семей), Толстых (8 семей), Тыганов (5 семей) и Бердиков (3 семьи).

Другой род Богдэй или Богдей насчитывает в своем составе 32 семьи. В него входят семьи с русскими фамилиями: Буняев (5 семей), Каменский (3 семьи), Синяев (1 семья), Немчин (2 семьи), Кукушкин (1 семья), Халявин (4 семьи), Лямич (9 семей), Коротких (6 семей) и Мосейкин (1 семья).

Третий род—Хоңын (Кхонын) был представлен в районе Подкаменной Тунгуски лишь 3-мя семьями. Из них две кочующие отдельно от общей массы кетов по реке Дубчесу носят русскую фамилию Топков и одна, кочующая вместе с остальными подкаменно-тунгусскими кетами,—фамилию Сутлин.

Кроме русских фамилий, кеты имели и свои туземные фамилии, бывшие в общем несколько шире русских фамилий. Отношение между собой кровных родов русских и туземных фамилий можно представить в виде следующей схемы:

---

[1] В «Сев. Азии» —ошибочно Налэвин. Латинское h перепечатано как н.

[2] В «Сев. Азии» —ошибочно Нодл.

В напечат. в № 2 (за 1928 г.) журн. «Этнография» ст. Г. Н. Прокофьева «Остяко-самоеды Турух. края» тоже есть упоминание о родах бокдеден и кентанден (стр. 10).

Взаимоотношения кровных родов и русских и туземных фамилий кетов

Кровный род	Семей в нем	Туземная фамилия	Семей в ней	Русская фамилия	Семей в ней	Район кочев.
Хант'а	22	Бальбя	6	Бальбин	6	Район Черного острова (Вост. часть Енисейск горста).
		—	8	Толстых	8	
		—	5	Тыганов	5	
		—	3	Бердиков	3	
Богдэй	32	Шимдя	5	Буняев	5	
		—	4	Мосейкин	1	
				Каменский	3	
				Синяев	1	
				Немчин	2	
		Немч	3	Халявин	4	
		Халявэй	5	Кукушкин	1	
		—	6	Коротких	6	
		Ляма	9	Лямич	9	
Хонын	3	—	1	Сутлин	1	Река Дубчес
		—	2	Топков	2	

Мы видим, что оба названия родов, которые встречаются у В. И. Анучина, совпадают с теми, которые сообщены мне кетами. Но на названиях родов д-ра Финдейзена следует остановиться подробнее.

Повидимому, д-р Финдейзен плохо знаком с русским языком, так как он, по-моему мнению, спутал русские фамилии кетов и названия кровных родов. Две приведенных им группы родов и есть, повидимому, роды Хант'а и Богдэй, хотя он эти названия (в несколько искаженном виде: Хэнгтан и Богдиригет. Сравн. Богдэйгет Анучина) не выделяет их числа остальных названий «родов» кетов. В отношении рода Богдэй и группы Богдиригет совпадение можно установить точно. По д-ру Финдейзену вместе с Богдиригет в одну группу входят «роды» Халэвин, Короткенг и Ляман, в которых не трудно узнать названные выше фамилии Халявин, Коротких и Лямич, входящие действительно в род Богдэй. В отношении группы «Хэнгтан» (т. е. рода Ханта) мы видим только совпадение самого названия рода (до данным моим и др. авторов) с одним из родов д-ра Финдейзена. Фамилий, похожих на приводимые д-ром Финдейзеном названия «родов», одной группы с «Хэнгтан», Шибинков и Булэпэнгдит, у меня нет. Правда фамилия Шибинков (вернее Савинков) часто встречается у более северных верхне-имбатских

кетов. Но входят ли кеты с русской фамилией Савинков в род Хант'а, мне точно неизвестно. Повидимому, входят, поскольку они отнесены д-ром Финдейзеном в одну экзогамную группу.

Название Булэпэнгдит разъяснено выше (стр. 18).

Наконец, «род» Топков, кочующий по д-ру Финдейзену близ Ворогова, означает, очевидно, кетов Топковых рода Хонын, кочующих по р. Дубчесу, впадающей в Енисей, действительно близ Ворогова. Название Ходль мне неизвестно. Кеты называют своих сородичей, кочующих по Дубчесу, Хайбанг-дян, т. е. «люди с крутого берега». Возможно, что это и есть «Ходль» д-ра Финдейзена. А может быть Ходль это лишь искаженное название рода Хонын, представители которого действительно кочуют по Дубчесу. «Ким билей» (кто знает), как говорят якуты. Во всяком случае, опыт д-ра Финдейзена показывает, что работа иностранцев без согласования ее с работой советских этнографов может повести зачастую к досадным недоразумениям, обесценивающим весь этнографический материал, собранный первыми.

Название рода Богдэй встречается уже в ясачной книге 1629 г. (см. стр. 20).

О его происхождении кеты рассказали мне следующую легенду: Однажды сидели кеты рода Ханта около костра. Один человек спорил с другими. Произошла драка. Этот человек выхватил из огня горящее полено и ударил им одного из стариков. За это он был исключен из рода Ханта и от него пошел род Богдэй, что значит—ударивший огнем (Бок-огонь). Роды же Ханта и Хонын существуют с незапамятных времен. Ханта значит по-кетски посох с кольцом на конце, употребляемый при ходьбе на лыжах и для доставания убитого зверя.

Существование рода Богдэй документально зафиксировано 300 лет тому назад. По легенде кетов, как мы сейчас видели, он образовался из рода Ханта. Образование рода Ханта следует, стало быть, отодвинуть еще дальше в прошлое.

Все роды экзогамны. В этом отношении мои данные сходятся с сообщениями д-ра Финдейзена и В. И. Анучина. Экзогамия соблюдается при заключении браков и до сих пор.

Часть своих фамилий кеты перевели мне на русский язык. Так Шимдя (русская фамилия Буняев) значит Сымские. По словам кетов, предки Буняевых жили по реке Сыму. Бальбя (Бальбины)— означает обоюдоострую рогатину с ручкой из черемухи, которой был вооружен отличавшийся своей храбростью главный персонаж исторического эпоса кетов предок Бальбиных.

Кроме родового названия, туземной фамилии, русского имени и отчества кеты имеют еще и свои туземные имена, которые по старинному обычаю надо скрывать от посторонних (также как и название родов). До сих пор кет, когда ему надо сказать свое имя, несколько мнется и, сказав его, часто указывает, что говорит его лишь потому, что видит, что его спрашивают не зря, а для государственной переписи.

Численность отдельных родов удалось установить не только в Подкаменно-Тунгусской группе, но и в Елогуйской. Из 114 семей, насчитывающихся в обоих этих группах, 42 входили в род Ханта, 55 в род Богдэй и 3 в род Хонын. Об остальных 14 я не имею точных данных, но, повидимому, они большей частью входят в род Хонын.

Среди северных кетов имеется еще четвертый род Ольгыт. В него будто-бы входят также все те, у кого один из родителей не кет.

Род Хонын является доминирующим у северных кетов. Селькупы даже всех кетов называют «Хонын», перенося название соседнего им рода на все племя.

Всего у кетов следовательно четыре кровных рода:

Хант'а, Богдэй, Конын и Ольгыт. Основными родами кеты считают Хант'а и Ольгыт (их же называет и Кастрен, переводя эти названия как канский народ и водяной народ)[1]. Деление на роды произошло по словам кетов для упорядочения браков. Но это объяснение, конечно, лишь объяснило, и при том очень наивно, существовавший институт родовой экзогамии, но не происхождение родов. Сами кеты переводят названия своих родов так: «Кольцо на лыжном посохе», «Огненный», «Хвоя» и «Водяной». Какие идеологические воззрения и экономические основания скрываются под такой странной номенклатурой должны решить дальнейшие кропотливые исследования в этой области.

Кроме родов и связанной с ними экзогамии, кеты сохранили и ряд других старинных обычаев. Так при заключении браков уплачивается калым. Обычно он равен 300 белок, плюс 1—2 медных котла и немного мануфактуры. Браки заключают родители. Сами вступающие в брак до него часто почти не знают друг друга. Помню, как однажды я, на другой день после свадьбы, спросил молодого мужа об имени его жены и он не мог его вспомнить. То ли он действительно забыл его (вернее не знал), то ли ему мешали сказать какие-то соображения магического характера. После свадьбы, если на постели оказываются признаки того, что невеста не была до свадьбы дефлорирована, то простыню торжественно разбивают на куски ружейными выстрелами. На свадьбе (тыймак) главную роль играл шаман, совершающий обряд заключения брака. Последний происходит таким образом: кеты садятся кольцом на земле. В середине его находятся молодые, тоже сидящие на земле и накрытые покрывалом. Шаман шаманит в кругу, при чем его сопровождает молодой кет, исполняющий обязанности помощника. Шаман медленно, шаг за шагом, несколько раз обходит круг, не переставая петь, но бубна (хаэс) в ход не пускает. За шаманом так же медленно двигается его помощник, речитативом подхватывающий пение шамана. Время от времени шаман бросает присутствующим колотушку от бубна (хаубль), которую ему тут же

[1] По-кетски ‹уль›, ‹уоль — вода.

подают обратно. Такая церемония длится с полчаса, после чего невеста, попрежнему закутанная покрывалом, уводится в илимку мужа. Калым уплачивается тут же перед совершением обряда. После свадьбы происходит пир.

Хоронят кеты двумя способами. Чаще зарывают в землю в примитивном гробу. При этом перед моментом опускания гроба в яму зажигается костер, который тушится, как только могила засыпана (не пережиток ли это обычая сжигать покойников?). На гроб кладется кусок «тиски» (вываренной бересты), а в головах разбитая чашка. Голова покойника во всех трех случаях похорон, которые я мог наблюдать, была обращена на восток. Другой способ похорон заключается в том, что раскапывают высокий, в человеческий рост, пень и делают в нем нишу. В последнюю вкладывается труп, после чего его прикрывают другой половиной пня и стягивают пень деревянными обручами. Мне пришлось видеть одни такие похороны (ребенка).

Возвратившись домой с похорон, кеты несколько времени сидят молча около зажженного костра, затем по очереди перешагивают через него, тушат его и идут в юрту, где происходят поминки.

Численность кетов

В статистической литературе мы находим три итога, отображающих результаты приполярной переписи 1926—27 гг. в отношении определения численности кетов.

1. По сводке Сибкрайстатотдела—751, в т. ч. кочевых—674, оседлых—77.

2. По итогам приполярной переписи—1046, в т. ч. кочевых—969[1], оседлых—77.

3. По итогам Всесоюзной переписи—1427, в. т. ч. кочевых—674, оседлых—753[2].

Разница в 295 чел. в первом итоге по сравнению со вторым произошла по ошибке Сибстатотдела, зачислившего Елогуйский туземсовет («род») в «остяко-самоеды» (селькупы). ЦСУ, по указанию автора этих строк, ошибку Сибкрайстатотдела исправило. Но в вышедшей ранее всесоюзной сводке материалов переписи 1926 г. осталась для кочевых прежняя, неверная цифра, а кроме того в число кетов оказались включенными еще 676 чел. каких-то «енисейцев», зарегистрированных в Енисейском и др. районах, живущих оседло и имеющих родным языком русский.[3] Если это остатки поглощенных русскими, родственных кетам, племен к югу

[1] ЦСУ СССР. Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926—27 гг. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. Москва, 1929 г. Статиздат ЦУС СССР, стр. 2.

[2] ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том VI. Сибирский край. Бур.-Монг. АССР. 1928 г. Издание ЦУС СССР. Москва. стр. 12, 44, 48.

[3] По всей вероятности «енисейцами» называли себя крестьяне-старожилы б. Енисейской губернии в отличие от новоселов.

от Туруханского района, то это новый и очень интересный для этнографии Сибири факт. Но приводить цифру 1427, как отображающую численность кетов к 1926—27 гг., совершенно ошибочно и по всей вероятности она также является результатом какого-то промаха Сибкрайстатотдела, т. к. в настоящее время сохранивших свою национальность кетов («енисейцев») за пределами Туруханского района Восточносибирского края мы не знаем. Таким образом наиболее близкой к действительности численность кетов по материалам переписи 1926—27 гг. является вторая цифра ЦСУ — 1046. Но у автора есть серьезные основания утверждать об имевшем место недоучете кетов при переписи 1926—27 гг. в районе вниз от с. Верхне-Имбатского, вследствие халатной работы регистратора переписи Рейнгольда. Хотя этот гражданин и был впоследствии снят с работы, но восстановить его пропуски было уже поздно, что и отразилось на итогах переписи. Поэтому для выяснения истинной численности кетов приходится обратиться к другим источникам.

Л. Н. Доброво-Ядринцева, на основании материалов учета туземцев быв. Туруханского края, произведенного в 1921 г. Енисейским союзом потребительских обществ, определяет численность кетов («енисейцев») в 1389 человек[1]. Но приводя эту цифру, Л. Н. Доброво-Ядринцева считает, что она несколько преувеличивает численность кетов, потому что в число последних попала и группа в 25 хозяйств селькупов («остяко-самоедов») в районе устьев Курейки (остатки б. Карасинской управы). Считая население этих 25 хозяйств приблизительно равными 115 чел.[2] и вычтя эту цифру из 1389, мы определим численность кетов в 1921 г. в 1274 человека. Почти такой же результат получил красноярский краевед А. Я. Тугаринов (70) для 1917 года, а именно — 1281 чел. Подсчет Тугаринова был принят и составителями «списка народов СССР» КИПС'а АН, вышедшем в 1927 г. (24). Почти точно к такому же результату приводит и определение численности кетов по данным переписи 1926—27 гг. дополненной в тех районах, где можно предполагать неполноту подсчетов этой переписи административными и другими современными материалами. В виду противоречивости и неполноты опубликованных сводок ЦСУ и необходимости притти к точно обосно-

[1] Доброво-Ядринцова. Туземцы Туруханского края, стр. 10. В других частях своей книги т. Доброво-Ядринцева сообщает несколько иную цифру — 1465 (стр. 13 и приложение 1-е в конце книги). Но это явная ошибка или описка. Она произошла от того, что численность кетов б. Подкаменно-Тунгусской управы указывается здесь не в 129 чел. (вместе с Дубческой), как на стр. 10, а в 205, что противоречит приводимым самой же Д.-Я. данным о среднем составе семьи подкаменно-тунгусских кетов в том же приложении 1-м в конце книги, по которым их не может быть больше 173 чел. Если же принять численность подкаменно-тунгусских кетов в 129 чел., то данные о составе семьи будут вполне согласовываться с этой цифрой.

[2] Средний состав семьи у кетов б. Н.-Имбат. управы, в число которых вошли карасин. «остяко-самоеды» (селькупы), по данным Доброво-Ядринцевой равен 4,6. Умножив эту цифру на 25 (число семей «остяко-самоедов»), получим 115.

ванному окончательному определению численности кетов, мы позволим себе привести этот последний расчет целиком.

Переписью 1926—27 гг. в быв. волостях Туруханского района Дудинской, Тазовской и Илимпейской зарегистрировано 49 кетских хозяйств с 227 едоками. Кроме того, в составе Верхне-Тазовского тузсовета, по данным экспедиции Красноярского Окрзу (1929—30 гг.), имеется еще 19 хоз. кетов с 95 едоками, которых перепись 1926-27 гг. не выделила из числа селькупов. В Верхне-Имбатской волости подкаменно-тунгусских кетов по переписи 1926—27 гг.—58 хоз. с 301 едоком. На Елогуе зарегистрировано Н. К. Каргером в 1929 г. 47 хоз. с 229 едоками. На р. Дубчес, по переписи 1926—27 гг. отмечено 8 кетских хозяйств с 32 едоками (177, в. 2, стр. 18). Для определения численности остальных верхнеимбатских кетов, в отношении которых произошел главный недоучет при переписи 1926—27 гг. (их было учетно лишь 39 хоз. с 172 едоками), мы привлекаем данные Туруханского рика за 1929 г.[1], по которым в Сургутихинском и Черноостровском тузсоветах, населяющих северную приенисейскую часть б. Верхне-Имбатской волости, числится 66 хоз. с 376 едоками. Из этого числа необходимо вычесть 9 хоз. с 52 едоками селькупов, зарегистрированных в 1926—27 гг. в этом районе (77, в. 1, стр. 18), в которые входят вышеупомянутые тузсоветы, вследствие чего число кетов здесь окончательно определяется в 57 хоз. с 324 едоками. Наконец число оседлых на южной границе б. Туруханского района по переписи 1926—27 гг. равно 12 хоз. с 51 едоком. Сумма всех этих отдельных итогов (49+19+47+8+57+12 и 227+95+301+229 32+324+51) дает в результате 250 хозяйств с 1259 едоками. Но т. к. Н. К. Каргер отнес часть туземцев Елогуя, носящих б. ч. фамилию Ириков к селькупам, а они несомненно являются кетами, например, экономист экспедиции Красноярского Окрзу 1929 г. Скалон Ириковых на Тазу считает кетами), то правильнее считать все 58 хоз. с 295 едоками, зарегистрированных переписью 1926—27 гг. на Елогу кетами. Тогда общая численность кетов определится в 261 хозяйство с 1325 едоками.

Эти цифры показывают количество кетов по этнографической принадлежности. Если еще учесть естественный прирост (11 чел. на 1000 в год), то число кетов к 1933 г. должно достичь 1400 человек. Но кеты на верховьях Таза и частью на Елогуе имеют народным языком не кетский-палеосибирский, а селькупский-урало-

---

[1] Г. Н. Тарасенков. Туруханский край. Красноярск. 1930 г., стр. 149. Автор ошибочно, повидимому, не проверив использованных им данных Туруханского рика, считает население Сургутихинского тузсовета селькупами («остяко-самоедами»). Этому заблуждению способствовало, очевидно, принятое в Туруханском крае обыкновение называть селькупов «сургутами», являющееся отголоском того времени, когда при царизме селькупы числились в составе «инородцев» Сургутского уезда, тогда как остальные туземцы были приписаны к Туруханскому и Енисейскому. Но Сургутихинский тузсовет получил свое название не по племенному признаку, а по названию одного из рукавов Елогуя—Сургутихе и подавляющее большинство его населения состоит из кетов.

алтайский. Всего таких кетов по происхождению, но не по языку, 30 хозяйств с 161 едоком (11 хоз. на Елогуе и 19—на верховьях Таза).

Остается имеющих народным языком кетский 231 хоз. с 1164 едоками. К этому остается лишь добавить, что все кеты, сохранившие родной язык, кроме незначительного числа женщин, свободно владеют и русским.

Вопрос о так называемом «вымирании кетов». Вот таблица, иллюстрирующая изменение в численности кетов, начиная с 1824 года. Поскольку мужчины дореволюционными переписями учитывались точнее, чем женщины, то я привожу отдельно и данные о движении численности кетов одного мужского пола.

Таблица 1

Результат учета кетов, начиная с 1824 года до наших дней.

Год учета	1824	1838	1858	1860	1897	1906	1917	1921	1926	Ориен 1929
Собственно кеты (имбаты)—мужчины	484[1]	479[2]	456[3]	193[4]	532[5]	467[6]	673[6]	647[7]	503[8]	645[9]
Собственно кеты (имбаты)—обоего пола	?	755[2]	840[3]	911[4]	982[5]	892[5]	1281[7]	1274[7]	995[8]	1274[9]
Дюгунь (кеты бывшей Сым.-кас. упр.)- мужчины .	202[1]	—	—	87[4]	?		—	—	28[8]	28[9]
Дюгунь (кеты бывшев. Сымско-касов. управы)—обоего пола	?	—	—	161[4]	97,5		—	—	51[8]	51[9]

См. приводимые в первой главе ведомости губернатора Степанова.

[2] Третьяков. Туруханский край, стр. 159.

В. И. Анучин дает для 1838 года цифру 1415 («Ен. остяки по записям В. И. Анучина, обработанные Н. А. Синельниковым», стр. 3). Эту чрезмерно большую цифру я считаю явной ошибкой, происшедшей вследствие смешения кетов с селькупами. Селькупы, также как и кеты, сами себя обычно называют остяками и поэтому старые авторы их часто не различают. Повидимому, они ввели в заблуждение и В. И. Анучина.

Третьяков. «Туруханский край», стр. 159.

[4] Кривошапкин. «Енисейский округ и его жизнь», стр. 124.

Патканов. «О приросте инородческого населения Сибири». стр. 116—119. См. также примечание 9-ое на 117 стр. Данные о югунь относятся к 1890 г. и в число их возможно попало несколько человек тунгусов. См. поездка Тихона епископа Енис. и Красн. в Туруханский край. Красноярск 1890 г., стр. 13—15.

[6] Список народностей СССР под редакцией И. Зарубина Лгд—1927 г.

О получении цифры 1274 см. выше. Цифра же 647 получена из первой, считая соотношение мужчин и женщин у кетов в 1921 г. как 100 и 95,6.

[8] Данные переписи 1926-27 гг.

Исчислено (см. выше)

Первое, что мы должны отметить в данных этой таблицы, это явный недоучет кетов в некоторые годы. Такими годами надо считать 1858, 1906 и 1926. Невероятно, чтобы за 2 года (с 1858 по 1860) кеты, до того будто бы уменьшившиеся в численности, вдруг дали бы такой значительный прирост. Также сомнительно резкое снижение численности кетов в 1906 г. Если поверить этой цифре, то выходит, что численность кетов за 10 лет катастрофически упала на 100 человек, а затем в столько же времени возросла на 400 человек. Так как цифра 1906 г. получена в результате частного подсчета кетов В. И. Анучиным, то можно предполагать, что ему не удалось учесть всех кетов: это для одного человека вообще является очень трудной задачей. Наконец преуменьшенность данных переписи 1926 г. в отношении кетов выступает в таблице 1-й особенно рельефно. Совершенно невероятно, чтобы за 5—9 лет в советских условиях, когда материальное положение кетов резко улучшилось и имея, как показывают данные о движении населения той же переписи 1926 г., значительный естественный прирост, кеты так ни с того, ни с сего уменьшились бы в численности.

Исключив данные за 1858, 1906 и 1926 гг., мы получим картину стационарного состояния численности кетов мужчин до 1860 г. и даже некоторое увеличение их численности с этого времени (данные за 1917 и 1921 гг. объединены в один хронологический отрезок, т. к. небольшая разница в результатах учетов этих лет, очевидно, вызвана случайными причинами). С 1860 г. по 1897 г., т. е. за 37 лет число кетов мужчин возрастает на 39 человек, т. е. на 7,9%. Это, конечно, немного, но мы знаем в каких ужасающих условиях тогда жили кеты. С 1897 г. по 1917—20 гг. число кетов мужчин возрастает на 115 человек (беру минимум), т. е. за 24 года на 21%. Таким образом мы имеем не только возрастание численности кетов, но и неуклонный рост темпа увеличения их численности. Данные об обоих полах указывают на недоучет женщин в 1838 году и в общем подтверждают картину возрастания кетов в численности.

Отрывочные данные о дюгунь несомненно отражают процесс постепенной ассимиляции их русскими. Данным переписи 1926 г. о дюгунь можно вполне доверять, так как их переписывал очень добросовестный работник (покойный Л. И. Гиршфельд). Они может быть даже немного преувеличивают численность дюгунь, так как нами в таблице 1 в число дюгунь включены все оседлые кеты быв. Верхне-Имбатской волости и таким образом в число дюгунь попало некоторое количество собственно кетов.

Как известно, переписью 1926—27 гг. определялось и движение населения в хозяйстве за 2 предшествующих переписи года. Выше я приводил показатель естественного прироста кетов, полученный таким образом. Чтобы яснее было место кетов среди других народов севера по величине ежегодного прироста приведем нижеследующую таблицу. Она основана на данных той же переписи 1926—27 гг. и охватывает все наиболее значительные (насчи-

тывающие в своем составе более 1000 человек) племена, встречающиеся на севере Азиатской части СССР[1].

Таблица 2

Общий прирост народов севера СССР в год на 1000 человек обоего пола (по материалам об естественном движении населения приполярной переписи 1926—27 гг.).

№№ п/п.	Название племенных групп	Численность группы на 1 X—24 г.	Прирост на 1000 в год
1	Коми (зыряне) кочевые	2555	38
2	Нивох (гиляки) оседлые	1542	35
3	Коми (зыряне) оседлые	4612	32
4	Маньси (вогулы) оседлые	5097	29
5	Якуты (саха) оседлые	16650	28
6	Селькупы (остяко-самоеды) кочевые	1253	28
7	Ненцы (самоеды) кочевые	13805	27
8	Итэльмены (камчадалы) оседлые	3675	22
9	Луораветлан (чукчи) оседлые	3338	22
10	Хантэ (остяки) оседлые	11812	21
11	Нымыллан (коряки) кочевые	3807	18
12	Кеты кочевые	937	17
13	Долганы кочевые	992	16
14	Якуты (саха) кочевые	4719	14
15	Эвены (ламуты) кочевые	1907	10
16	Нымыллан (коряки) оседлые	3217	10
17	Эвенки (тунгусы) оседлые	2386	9
18	Эвенки (тунгусы) кочевые	14904	6
19	Луораветлан (чукчи) кочевые	8204	6
20	Ипцуит (эскимосы) оседлые	1209	5
	Русские	41620	26[2]
	Все оседлые	100723	24[2]
	Все кочевые	55845	16[2]
	По всему северу	156568	21[2]

Оказывается, что общий прирост кочевых кетов превышает средний по кочевникам севера и лишь немного уступает средней по всему северу СССР. Чтобы избежать предположений, что этот значительный общий прирост кетов происходит не путем естественного прироста, а вызван какими-либо привходящими, механическими причинами, вроде приема хозяйства путем брака лиц других

[1] Племенами или оседлой или кочевой частью их, насчитывающими менее 1000 человек, оказались: унарганы (алеуты), кочевые маньси (вогулы), ороки, оседлые селькупы (остяко-самоеды), оседлые долганы, оседлые эвены (ламуты), одулы (юкагиры), этэлы (чуванцы), оседлые ненцы («самоеды»), кочевые хантэ (остяки) и оседлые кеты.

Не встречаются на севере Азиатской части СССР: саами (лопари), суоми (финны), карелы, норвежцы.

[2] Вычислено по всему северу вместе с европейской его частью.

национальностей, на какое предположение наводит факт значительного перевеса женщин, вошедших в хозяйство кетов над ушедшими[1], мы приводим данные об естественном приросте, рождаемости и смертности по тем же 20 народам севера Азии:

Таблица 3

Естественный прирост, рождаемость, смертность и детская смертность народов севера СССР в год на 1000 человек обоего пола (по материалам об естественном движении населения приполярной переписи 1926—27 гг.).

№№ п. п.	Название племенных групп	Естествен. прирост на 1000	Рождаемость на 1000	Смертность на 1000	% детей (к общ. числу родивш.) умерших в возрасте до 1 года
1	Маньси (вогулы) оседлые	28	50	22	18
2	Коми (зыряне) оседлые	28	58	30	17
3	Коми (зыряне) кочевые	28	43	15	15
4	Ненцы (самоеды) кочевые	27	46	19	15
5	Селькупы (остяко-самоеды) кочевые	24	42	18	12
6	Якуты (саха) оседлые	19	49	23	22
7	Хантэ (остяки) оседлые	18	46	28	15
8	Ительмены (камчадалы) оседлые	15	44	29	19
9	Нивхи (гиляки) оседлые	15	23	8	8
10	Кеты кочевые	13	36	23	19
11	Луораветлан (чукчи) оседлые	13	29	16	15
12	Якуты (саха) кочевые	10	37	27	21
13	Эвены (ламуты) кочевые	7	33	26	25
14	Долганы кочевые	8	39	31	11
15	Эвенки (тунгусы) оседлые	4	41	37	10
16	Иннуит (эскимосы) оседлые	0	17	17	18
17	Нымыллан (коряки) оседлые	1	38	39	30
18	Эвенки (тунгусы) кочевые	0	32	32	16
19	Луораветлан (чукчи) кочевые	1	25	26	26
20	Нымыллан (коряки) кочевые	3	32	35	38
	Русские	26	47	21	18
	Все оседлые	22	45	23	18
	Все кочевые	10	36	26	18
	По всему северу	17	41	24	18

Данные этой таблицы еще более благоприятны для кетов, чем даже данные таблицы 2. Рождаемость и смертность у них оказываются очень близкими к средним по северу. В группе же кочевых положение кетов даже определено выше среднего. Детская смертность хотя и немного выше среднего, но так незначительна,

[1] Вот эти данные: за два года (1925 — 26 гг.) вошло в хозяйство у кетов 20 женщин, ушло же мужчин 2, женщин—9. По моему мнению эта разница в 11 женщин произошла не только путем, в сущности очень редких, браков с эвенкийскими или селькупскими женщинами, но и вследствие браков с семьями кетов, не попавшими в перепись, не говоря уж о возможных ошибках регистрации.

что кетов можно отвести к народам со средней детской смертностью. В общем же *естественный прирост кетов, будучи по всему северу несколько ниже среднего, значительно превышает средний прирост кочевников, занимая среди последних четвертое место в этом отношении.*

Конечно, неосторожно считать показания таблиц 1-й, 2-й и 3-й абсолютно верными. Специфические условия собирания статистических материалов на севере и немногочисленность большинства его народов могут вносить значительные уклонения от истины в ряды статистических показателей. В частности нельзя не отметить наблюдаемой у многих народов севера, по данным переписи 1926—27 гг., диспропорции в увеличении численности полов. Количество женщин, как правило, возрастает быстрее, чем количество мужчин. У кетов эта тенденция выражена особенно сильно. Но дать сколько-нибудь полное и исчерпывающее объяснение этому явлению, кроме ссылки на возможные погрешности в материале, в настоящий момент не представляется возможным, хотя ниже и высказывается одно предположение по этому поводу. Мы можем только констатировать факт сравнительно высокого показателя естественного прироста у кетов *по данным переписи 1926—27 гг.* Легенды о вымирании, биологической деградации должны быть решительно отброшены. В настоящее время нельзя говорить ни о численном уменьшении кетов, ни об ассимиляции их русскими. Оба эти утверждения правильны лишь в отношении *оседлых* кетов, число которых за два года уменьшилось на 1 человека. Но эта группа, составляющая всего 7% от численности всего племени и в большей своей части совершенно потерявшая связь с большинством кетов, не может отображать тенденций, действующих в основной кочевой массе племени, полностью сохранившей свой язык, хозяйственные и бытовые особенности, даже одевающейся почти исключительно в одежду национального покроя и почти не вступающей в браки с русскими.

Вековое окружение кетов другими народами отразилось только на их физическом типе. Американоидный тип, являющийся основным для кетов, сильно смешан с монголоидным и даже светлым европеоидным. Это и понятно. Соседство островка американоидов, по типу, с эвенками, селькупами и русскими, не могло пройти бесследно. Жен эвенков (тунгусок) кеты даже считают лучшими, так как они чаще умеют самостоятельно промышлять белку, чем кетские женщины. Но даже в этой области процесс идет очень медленно. Смешанных браков мало, так как традиция, запрещающая брать иноплеменниц, еще сильна и в настоящее время физический тип кетов еще вполне оригинален, что, как отмечено выше, бросается в глаза при первой встрече с ними. Даже скорее приходится изумляться тому, как долго маленькая горсточка людей сохраняет в общем свой физический тип, несмотря на окружение экономически более мощными и культурными народами, чем отмечать следы некоторой метисации с последними.

ГЛАВА III

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КЕТОВ

Туруханский район Восточносибирского края является единственным местом, где живут в настоящее время кеты (имбаты и дюгунь). Нижеследующая таблица показывает нам численность кетов сравнительно с общим количеством населения Туруханского района[1].

Таблица 4

Численность кетов сравнительно со всем населением Туруханского района (район в границах 1933 г.).

Группа насел. Туруханского района	Численность их	Кетов в их числе	
		Абс. колич.	%
Все население района	10235[1]	1325	13,0
В т. ч. кочевое население	3463	1248	36,0
В т. ч. оседлое население	6775	77	1,1

Как видим, кетов сравнительно со всем населением района немного. Это и понятно, приняв во внимание громадную территорию района. Но если взять только туземные и сельские советы, примыкающие к долине Енисея, ниже деревни Осиновой, то удельный вес кетов окажется уже гораздо выше (см. таб. № 5 на стр 61).

Как показывает таблица, главная масса (94%) кочевых кетов расположена довольно компактно, составляя четыре пятых туземного кочевого населения долины Енисея, Елогуя, Курейки и низовьев Подкам. Тунгуски. По Енисею, между деревнями Вороговой и Ермаковой, кеты в течение лета являются даже почти единственными представителями туземного кочевого населения, появляющегося здесь около русских деревень, тянущихся беспрерывной цепью.

[1] Без учета населения, вселившегося в южную часть района, и естественного прироста за последние годы. К 1/I-1934 г. население Туруханского района достигает 16000 чел.

Таблица 5

Удельный вес кетов среди населения долины Енисея, ниже дер. Осиновой.

Название сель и тузсоветов и групп населения в них	Общ. колич. населения	В т. ч. кетов	% кетов в общем колич.	% кетов дан. гр. по всему пл. кет.
Туруханский район без тузсоветов: Панкагырско-Чапогирского, Баишенского, Тымско-Караконского, Верхне-Тазовского, Сымско-Касовского и сельсоветов: Ярцевского. Никулинского и Вороговского	6402	1179[1]	18,4	90,7[1]
Та же территория, оседлое население	5017	26[1]	0,5	2,0
Та же территория, кочевое население	1385	1153[1]	83,5	88,7

по берегу Енисея, от Ярцева на южной границе Туруханского района до Дудинки, расположенной уже в тундре.

Наоборот, малочисленные оседлые кеты теряются в массе русского населения. Только дюгунь в деревнях Ворогово и Ярцево, на самом юге Туруханского района, представляют там сколько нибудь заметную прослойку (около 8%) населения[2]. Остальные оседлые кеты представляют собой отдельные семьи, а частью и одиночек-батраков и встречаются единицами в русских селениях.

Но нельзя представлять территориальное расположенне кочевых кетов только в виде равномерно разбросанного по Енисею вдоль линии русских деревень потока стойбищ. Самое беглое знакомство с территориальным расположением и кочевками кетов позволяет разделить их на несколько территориальных групп. Кочевки некоторых из групп охватывают не только долину Енисея, но и обширные пространства в сторону от него, зачастую отделенные от Енисея расстояниями в несколько сот километров:

а) Подкаменно-тунгусская группа. По данным переписи 1926—27 гг.—58 хозяйств с 301 едоком. В нее входят хозяйства, выплывающие весной из р. Подкаменной (Средней) Тунгуски (по-кетски Хол, Каал) на ее устье и здесь около деревни Подкаменная Тунгуска собирающиеся на «ярмарку». Лето они проводят по Енисею, промышляя рыбой в районе этого же селения, между деревнями Вороговой и Лебедем, главным образом у дер. Сумароковой и урочища Быдыкальт, у «Щек». Некоторые сплывают вниз

[1] 9.3% (146 чел.) кетов, не входящих в эту таблицу, представляют дюгунь в дер. Вороговой и Ярцевой и кетов на верховьях Таза.

[2] В 1890 г. в Вороговой жило 48 чел. дюгунь на 189 чел. населения (ок. 25%). В Ярцевой—49 чел. на 488 (10%).

до устья р. Бахты. Осенью вся группа опять собирается около деревни Подкаменной Тунгуски. Набрав товаров (в кредит), кеты поднимаются вверх по реке Подкаменной Тунгуске, где еще раз скопляются около своего кооператива на Черном острове, откуда расходятся по реке Подкаменной Тунгуске вниз и вверх, достигая иногда фактории Кузьмовка, расположенной в 200—250 *км* от Енисея. С начала зима кеты промышляют белку по бассейнам притоков Подкаменной Тунгуски: Вельмо, Лебяжьей, Черной (Кауче), Тее, Чапе, Юсумо [1] и Огне, заходя иногда на прииска Северо-Енисейской тайги. Этот район зимних кочевок подкаменно-тунгусских кетов, в котором они проводят 6—8 месяцев ежегодно, охватывает восточную часть так называемого Енисейского горста, представляющего в геологическом отношении отдельную, правда сильно размытую, глыбу «древнего темени Азии» Зюсса. Эта горная страна на Востоке простирается до реки Вельмо, совпадая с восточным пределом странствований кетов в поисках белки, а на западе отделена от Енисея хребтом Енисейского кряжа, главные вершины которого поднимаются на высоту 1097 (Полкан Енашинский) и 1033 (Полкан Гаревский) метров. Снеговой покров в области Енисейского горста очень высок, достигая в среднем 1,5—2 метров[2], тогда как в Туруханске он равен 1,1 метра, в Назимове—0,7 и в Якутске—0,4. Стаивает снег в июне и выпадает опять уже в августе. Перелетовки снега нередки. Растительность по преимуществу — пихтовая тайга с примесью ели и кедра. Сосна — редкость. Лиственницы нет совсем. Средняя температура наиболее холодного месяца — января — 25°, наиболее теплого — июля 18—20°. По Кеппену климат Енисейского горста, как и весь почти бассейн Енисея, входит в область так называемого океанско-полярного климата с влажно-холодной зимой[3]. Коэфициент Бодмана[1] для района Енисейского горста равен $3^1/_2$— 4, совпадая с таковым для низовьев Колымы и Индигирки.

Весь этот район зимнего промысла подкаменно-тунгусских кетов чрезвычайно изолировал их от большинства кетского населения и от влияния русских (только в последнее время участились жалобы подкаменно-тунгусских кетов на то, что русские охотники начинают проникать на их охотничью территорию), а с другой стороны, благодаря обилию белки, он благоприятно влияет на эконо-

---

[1] Эти речки на картах не встречаются. По словам кетов, это—правые притоки Теи.

[2] Это обстоятельство, очевидно, создает почву для развития у кетов сердечных болезней, так как им приходится на себе таскать нарты по глубокому снегу, протаптывая дорогу самодельными голицами.

[3] Этот климат по Кеппену характеризуется тем, что при достаточной влажности средняя температура самого холодного месяца ниже —3°, а наиболее теплого выше +10°.

[1] Коэфициент Бодмана для отображения суровости климата представляет отношение между температурой и скоростью ветра. Известно, что самые сильные морозы хорошо переносятся в безветренную погоду и, наоборот, сильный ветер делает невыносимым даже не очень сильный мороз. Самые высокие коэфициенты Бодмана в Сибири получены для устьев Лены—5, для устьев Оби—6 и Енисея—7

мическое положение туземцев. Также и другие племена сюда почти не заходят и только в верховьях реки Вельмо кеты встречаются иногда с эвенками Северной тайги, обмениваясь теперь с ними в таких случаях кисетами в знак взаимного дружелюбия.

До советизации кеты Подкаменно-тунгусской группы образовывали частью (30 семей) отдельную Подкаменно-тунгусскую управу, а частью числились в Верхне-имбатской управе, главная масса бывших членов которой кочует севернее. При советской власти все подкаменно-тунгусские кеты образовали Суломхайский туземный совет, собрания которого происходят во время скопления кетов у деревни Подкаменной Тунгуски и у фактории Черного острова.

б) Дубчесская. Эту группу составляет 8 хоз. кетов с 32 едоками, занимающих бассейн р. Дубчес, гл. обр. на его притоке р. Точес, откуда есть тропа на Елогуй. Местность низменна, покрыта хорошими сосновыми лесами. На берегах Дубчеса—ряд высоких яров: Нартянный, Колокольный, Кукольный. В нижнем течении до Нартянного яра есть хорошие поемные, частью отундрившиеся луга. Именно здесь в начале XVII века Цапаня пытался организовать зерновое хозяйство для снабжения хлебом Мангазейского уезда, впоследствии Туруханского края. В настоящее время здесь развертываются совхозы Комсеверопути. Кроме кетов, на Дубчесе промышляют сымские эвенки, гл. обр. на р. Тыульчес, влияние которых чувствуется на кетах (сравнительно развитое оленеводчество, жены эвенки). Низовья Дубчеса освоены русскими охотниками. Раньше дубчесские кеты входили в Верхне-имбатскую управу. Теперь они входят в Суламхайский тузсовет вместе с подкаменно-тунгусскими кетами, к которым они приезжают на «ярмарку» к с. Подкаменная Тунгуска.

с) Елогуйская группа. Эта та самая группа кетов, которую Сибкрайстатотдел почему-то зачислил в «остяко-самоеды». Всего по данным переписи 1926—27 гг. елогуйских кетов 56 семей с 295 едоками. Особенность кочевок елогуйских кетов заключается в том, что они почти не выходят на Енисей, а проводят лето и зиму в районе р. Елогуя. Летом—на самой реке и его притоках Б. Иле (10 хоз.), Сугдели (8 хоз.), зимой расходятся за белкой в стороны. Бассейн Елогуя представляет низменную, болотистую, покрытую сосновой тайгой равнину. Только в юго-восточной части в нее заходит отрог Енисейского горста в виде пологих складок, покрытых осадочными породами. Наличие большого количества сосновых боров и более тонкий снеговой покров (гораздо меньший, чем в Ен. горсте, всего 75—100 см.) создают благоприятные условия для оленеводства. Средние температуры бассейна Елогуя и коэфициент Бодмана сходны с соответственными для Подкаменно-Тунгусского района. При советской власти территориальная обособленность елогуйских кетов была отмечена выделением их из состава быв. Верхне-имбатской управы в особый Елогуйский туземный совет, собирающийся на сугланы около Елогуйского кетского кооператива (в 1926—27 гг.). Кроме территориальной изолированности елогуйских кетов выде-

ляется, сказавшееся в частности на значительном развитии у них оленеводства, влияние селькупов.

д) Верхне-тазовскую группу кетов обычно относят к остяко-самоедам (селькупам) в виду того, что, заимствовав от селькупов язык, формы быта и хозяйства, верхне-тазовские кеты понемногу сливаются с ними. Всего в Верхне-Тазовском насчитывается 19 хозяйств кетов (русские фамилии: Ириков—16 хоз., Куплин—3 х.), 32 селькупов, 26 эвенков и 2 хоз. ваховск. остяков, но в восточной части тузсовета, где преобладают кеты, состав населения такой: 17 хоз. кетов, 16—селькупов и 14—эвенков. Первые тесно связаны экономически с Елогуем и вторые—с Верхне-имбатской группой. Тазовский кулак — кет Ириков Осип раньше держал в сфере своего влияния весь Елогуй. Бассейн Верхнего Таза относится к западносибирской низменности и представляет однообразную равнину с песчаными увалами, с галечно-валунной подстилкой. Имеется ряд крупных озер. В геоботаническом отношении район Верхнего Таза представляет северную таежную подзону с преобладанием сухих сосновых боров. Песчаная почва покрыта толстым ковром лишайников, встречаются заросли голубицы, багульника, брусничник. Злаков почти нет. В котловинах—мхи, черничники. На болотной (подосланной глиной) почве, особенно в долинах рек, к сосне примешивается листвень, кедр, ель, береза, можжевельник. В долинах рек же встречается и богатый травяной покров, мхи. В глубине страны—сфагновые болота, неглубокие зыбуны и заросли полярной березки.

В общем район в естественно-географическом отношении близок к условиям бассейна Елогуя, находясь с ним и в одинаковых климатических условиях. В настоящее время разноплеменное население Верхнего Таза объединено Верхне-тазовским тузсоветом, состоящим из 79 хозяйств с 477 едоками. Главными центрами расселения кетов Верхнего Таза являются: р. Большая (Варта), Сырта (3 хоз. кетов, 3—селькупов), р. Ратта (11 хоз. кетов, 11—селькупов и 3—эвенков), р. Мотыльки (1 хоз. кетов, 1—селькупов, 3—эвенков), вершина Таза (2 хоз. кетов, 2 эвенков). Оз. Налимае занято 2 хоз. эвенков, верхов. Артюшной 1 хоз. эвенков и 1—селькупов, рр. Покольки, Коральки, Ватыльки заняты 16 хоз. селькупов, 12—эвенков и 2—кетов. 2 х-ва кетов отмечены Скалоном и в составе более северного Тымско-Караконского тузсовета на р. Печальки.

е) Верхне-имбатская группа. По переписи 1926—27 гг. в ней оказалось всего 39 хозяйств с 172 едоками, но фактически здесь не менее 58 хозяйств с 324 едоками, т. к. именно здесь при переписи 1926—27 гг. произошел главный недоучет. Летом кеты этой группы промышляют рыбу по Енисею, начиная от деревни Чулково на юге до Песковской на севере (гл. обр. у деревни Черноостровской в устье рр. Сургутихи и Покулихи у с. Верхне-Имбатского). Зимой же они уходят в леса по левым притокам Енисея Артюгиной, Ангутихе, Покулихе, Сургутихе. Для добычи дикого оленя осенью заходят в правобережье за р. Сухую Тунгуску в «Камни» ближний и дальний, а также на верховья рр. Фатьянихи

и Бакланихи на границе с Эвенкийским нац. округом. Но главную базу их составляет Енисей и его левобережье и в главной своей массе они не удаляются так далеко от него как Елогуйские и Подкаменно-тунгусские. Две семьи живут оседло в дер. Чулковой. Район кочевок Верхне-имбатской группы кетов по левому берегу Енисея представляет заросшую лесом болотистую низменность и является естественным продолжением территории Елогуйских и Верхне-тазовских групп, обладая теми же естественными географическими условиями. Правый берег Енисея представляет плоскогорье, западный выступ так называемого Тунгусского бассейна. Около деревень Нижне-Имбатской и Черноостровской (последнюю не надо смешивать с Черным островом на реке Подкаменной Тунгуске) массив бассейна почти вплотную подходит к Енисею. С севера до параллели деревни Верещагиной в него врезывается кембро-силурийская складчатость, придающая северо-восточной части района холмистый характер. Снежный покров—более 1-го метра. Средние температуры приближаются к данным для предыдущих районов, но коэффициент Бодмана (4,0—4,5) указывает на несколько менее благоприятные климатические условия.

Центрами тяготения для верхне-имбатских кетов являются фактория Сургутиха (на левом берегу Енисея, несколько ниже деревни Зыряновой), село Верхне-Имбатское и кооператив в деревне Черноостровской. Объединены верхне-имбатские кеты в настоящее время Черноостровским (26 хоз., 148 чел.) и Сургутинским (40 хоз., 227 чел.) туземными советами. Эти тузсоветы образовались (как и Елогуйский) в основном из б. Верхне-имбатской управы, которая в прошлом была самым большим административным объединением кетов. Кроме кетов, в Черноостровский и Сургутинский тузсоветы входят до 9 хоз. селькупов с 52 едоками. Часть кетов этой группы в последние годы перешла на Подкаменную Тунгуску и Елогуй, отчего численность их здесь по последним данным уменьшилась.

h) Туруханская группа. Эта группа охватывает всех кетов Усть-нижне-тунгусского тузсовета и Туруханского сельсовета. Переписью 1926—27 гг. их было зарегистрировано 19 х-в (13 коч. с 71 ед. и 6 оседл. с 20 ед.) по Енисею, между станками Баиха и Селиваниха, и 1 хозяйство на Ниж. Тунгуске, около фактории Северной. Кроме того, к ней необходимо отнести и хозяйства кетов на р. Турухан, входящих в состав Баишенского тузсовета. Переписью 1926—27 гг. их было зарегистрировано 3 х-ва. Всего следовательно в этой группе оказывается 23 хозяйства с 106 едоками. При этом в составе Усть-нижне-тунгусского тузсовета находилось 14 хоз. с 74 едоками (остальные 8 хоз. с 35 едоками, входящие в этот тузсовет, представляют остяко-самоедов, селькупов), а 6 оседлых хозяйств кетов входило в русский Туруханский сельсовет. Район зимних кочевок этой группы охватывает правобережье р. Баихи между ней и Енисеем. Три—четыре кочевых х-ва этой группы и оседлые охотятся и на правобережьи вместе с русскими охотниками с Ново-Туруханска, к северу от низовьев р. Нижней Тунгуски. Левобе-

режье Енисея представляет всю ту же низменность. Наоборот, правобережье—холмисто, как указывалось выше. Климатические условия приближаются к данным для предыдущего района.

д) Курейская группа. Это наиболее северная часть кетов, находящаяся на отлете от остальной массы кетского народа, и даже ее зимние охотничьи территории отделены от последней на левобережье землями баишевских селькупов, а на правобережьи—охотугодиями русских крестьян Туруханского, Горошихинского сельсоветов и курейских эвенков. Всего здесь между дер. Горошихой (на юге) и ст. Сушково (на севере) обитает 23 х-ва с 111 едоками кочевых кетов и 2 оседлых хозяйства с 6 едоками. Одно хозяйство с 4 ед. находится далеко на севере в пределах Таймырского нац. округа, где оно батрачит у богатых ненцев. Итого мы имеем здесь 26 хоз. с 121 едоком. Из них на Енисее у ст. Сушково летом стоит 4 х-ва, в районе устьев р. Курейки — 8 х-в, у с. Ермакова — 2 х-ва, по низовьям Курейки—8 х-в, у с. Ермакова—2 х-ва, по низовьям Курейки—8 х-в и в средн. теч. Курейки—3 х-ва. Зимой часть курейских кетов охотится на левобережьи Енисея между ним и оз. Маковским, Вымским к северу от р. Ангутихи и к югу от р. Игарки. Другая часть охотится в правобережьи по бассейну р. Курейки, доходя иногда до Эвенкийской границы к северу от группы озер Мундуйское и др., занятых курейскими эвенками. Объединены курейские кеты Усть-курейским тузсоветом, собирающимся на суглан на устье Курейки, в который входит помимо 25 х-в кетов еще 13 х-в с 57 едоками селькупов б. Карасинской управы и 13 х-в с 61 ед. эвенков. Фактически земли этого тузсовета находятся уже на территории Игарского горсовета, а не Туруханского района и экономически тузсовет тяготеет гл. обр. к г. Игарке. Долина Енисея представляет здесь заросшую лиственничной тайгой низменность. Лишь с востока ее окаймляют холмы кембро-силурийской возвышенности, окраины тунгусского плато. Лес в стороны от Енисея редеет и переходит в лесо-тундру. Снеговой покров в этом районе толщиной около 1 метра. Средняя температура января—28°, июля+5°. Показатель Бодмана весьма неблагоприятен—5,0, указывая на суровость климата, одинаковую с устьями р. Лены.

Русские, поднимаясь по Енисею вверх от Туруханска в XVI веке, встретили кетов лишь около теперешней дер. Черноостровской, т. е. далеко к югу от современной территории курейских кетов. Еще Третьяков в середине XIX века считает северным пределом распространения кетов по Енисею устье р. Сухой Тунгуски. Само название управы, к которой принадлежало раньше большинство курейских и туруханских кетов (Нижне-имбатская) указывает на более южное в прошлом положение кетов, входивших в нее, так как надо предполагать, что эта управа кочевала близ теперешней деревни Нижне-Имбатской, которая находится далеко на юг от кочевок теперешних курейских кетов. Повидимому, захват берегов Енисея около Верхне и Нижне-Имбатска русскими имел своим след-

ствием недостаток в рыбе и объектах охоты, что заставило кетов. б. Нижне-имбатской управы искать более привольных, неопромышленных мест к северу. Это оказалось тем более возможным, что войны с ненцами («самоедами»-юраками), благодаря владычеству русских, прекратились и путь на север оказался свободным.

3) Дюгунь. Что же касается 20-ти семей оседлых кетов, то о восьми из них нами уже упоминалось. Только дюгунь представляют территориально нечто обособленное, живя, как нам известно, в деревнях Ярцево и Ворогово. В настоящее время нет объединявшей их Сымско-касовской управы и они входят в состав тех сельсоветов, в которых проживают.

Остальные оседлые кеты или еще поддерживают связь с теми административными объединениями кочевых кетов, из которых они вышли или входят в русские сельсоветы.

* *

Настоящая таблица дает нам сжатые характеристики территориальных групп кетов по ряду основных демографических признаков.

Таблица 6

Группы кетов	Едоков	Хозяйств	Едоков на хозяйство	На 100 мужчин женщин	Движение населения с 1924 г. по 1926 г., принимая 1924 г. за 100%	
					Мужчин	Женщин
1. Дюгунь	51	12	1,3	82	100	105
2. Дубчесская	32	8	4,0	128	100	106
3. Подкаменно-тунгусская	301	58	5,2	97	102	108
4. Елогуйская	295	58	5,3	95	95	110
5. Верхне-тазовск.	95	19	5,0	87	106	103
6. Верхне-имбатская	324	57	5,6	97	102	109
7. Туруханская	106 (86)	23 (17)	4,6 (5,1)	112(105)	99(101)	105(105)
8. Курейские	121(115)	26 (24)	4,8 (4,9)	95 (95)	99(101)	105(105)
Итого по кетам (без дюгунь)	1274(1248)	249 (24)	5,1 (5,2)	97 (97)	100(100,5)	107(107)
По всем	325	261	5,1	97	100	107

Примечание. В скобках приведены показатели одних кочевых кетов без оседлых.

Мы видим, что средний состав семьи кочевых кетов колеблется в пределах от 4,9 до 5,6 чел. Исключение представляет Дубчесская группа с крайне низким показателем состава семьи — 4,0. Но

т. к. эта группа очень мала и случайна по своему составу (некоторые х-ва перешли на Дубчес очень недавно и зачастую состоят из групп неженатой молодежи и отдельных брачных пар без детей), то ее показатель состава семьи не является характерным для кетов. Самый большой состав семьи мы имеем в Верхне-имбатской группе — 5,6. Эта цифра получена нами из данных Туруханского рика. По переписи 1926—27 гг. средний состав семьи верхне-имбатских кетов определяется в 4,4 человека. Такая разница проистекает, повидимому, из того обстоятельства, что наиболее многосемейные оленные хозяйства, бывшие со своими стадами в стороне от Енисея, были переписью 1926—27 гг. пропущены и переписи подверглась лишь малосемейная безоленная часть населения Сургутихинского и Черноостровского тузсоветов, находившаяся в момент переписи непосредственно на берегах Енисея. Сравнительно низкий показатель состава семьи верхне-тазовских кетов объясняется тем, что здесь кеты зачастую представляют одиночек батраков, работающих у селькупских и кетских кулаков (как мы увидим ниже, в этой группе кетов наиболее сильны капиталистические элементы). Если одно такое батрацкое хозяйство записать вместе с кулацким, то и тогда средний состав семьи будет здесь уже в 5, 2—5,3 человека, т. е. даст среднее для кочевых кетов.

С этими оговорками всех кетов можно разбить по составу семьи на следующие группы: 1) Оседлых дюгунь, имеющих очень малый состав семьи, характерный для бедняков, какими они в большинстве и были вследствие экономического угнетения большинства их русскими кулацкими элементами тех деревень, в которых они проживают. 2) Кочевых кетов (кроме северных двух групп — Туруханской и Курейской), дающих в общем наилучшие показатели состава семьи и 3) северных кетов, туруханских и курейских, на которых неблагоприятно отразилась близость таких центров, из которых в прошлом распространялась купеческая эксплоатация, как Старый и Новый Туруханск. Особенно это заметно на оседлых кетах этих групп, оседлость которых *в капиталистических условиях* и явилась следствием их особенно ухудшившегося экономического положения, вследствие усиленной кулацкой и купеческой эксплоатации. Среди оседлых кетов много одиночек (батраков и особенно батрачек), отрицательно влияющих на показатель состава семьи в северных группах кетов. Без оседлых состав семьи северных кетов несколько выше, но в общем уступает южным (кроме тазовских и дубчесских).

Соотношение полов выявляет характерное для народов севера и востока преобладание мужчин над женщинами. Явно ненормально оно у дюгунь (чрезвычайно малое количество женщин) и у дубчесских (наоборот, еще более резкое преобладание женщин). То и другое явление имеет в основе, повидимому, малый состав этих групп, в которых ослаблено действие закона больших чисел, но в отношении дюгунь наверно сказывается и их угнетенное в прошлом положение слоя бедняков — «азиатов» в русских деревнях, вслед-

ствии чего их женщины уходили б. ч. в другие семьи. Отмеченное таблицей преобладание женщин у туруханских кетов мы склонны отнести тоже за счет малочисленности группы.

Данные о движении населения показывают прирост его для обоих полов во всех группах, кроме оседлых кетов. Трудно объяснимое исключение представляет Елогуйская группа с ее уменьшением числа мужчин, неблагоприятно отражающееся на приросте мужчин по всему народу, правда покрываемом особенно быстрым в этой группе приростом женщин. Замечательной особенностью движения населения у кетов является быстрое увеличение числа женщин по сравнению с мужчинами. С одной стороны здесь, очевидно, сказывается влияние местных хозяйственных моментов, т. к. в условиях северного хозяйства мужчина имеет гораздо больше шансов погибнуть, чем женщина. Во время переписи неоднократно приходилось отмечать несчастные случаи вследствие неосторожного обращения кетов с огнестрельным оружием. Но с другой стороны, очевидно, играет роль и наступившее улучшение экономического положения народа, вследствие чего всегда проявляется, отмечаемая статистикой, тенденция к выравниванию соотношения полов. Данные о приросте подтверждают также высказанное нами выше положение о неблагоприятном в прошлом влиянии на кетов близости Туруханска. Наилучшие показатели прироста и при том по обоим полам дают опять таки южные кочевые группы кетов (в отношении мужчин — кроме елогуйских).

Семья кетов у юрты

Ниже мы отметим связь между числом членов в семье и экономической мощью хозяйства.

В итоге мы можем утверждать о существовании в составе кетов целых территориальных групп, имеющих и нормальный состав семьи и значительный естественный прирост обоих полов. Наличие же в отдельных группах неблагоприятных показателей свидетельствует об еще незаконченном процессе изживания наследия капиталистической эксплоатации.

Две нижеследующие таблицы дадут представление о месте кетов по количеству членов семьи и соотношению полов среди остальных народов советского Севера.

Таблица 7

Состав семьи у народов севера СССР.

№№ п. п.	Название племенной группы	Числен. ее по перепис. 1926/27 гг.	Членов семьи	№№ п. п.	Название племенной группы	Числен. ее по перепис. 1926/27 г.г.	Членов семьи
1	Нымыллан (коряки) кочевые	4051	10,4[1]	10	Итэльмены (камчадалы) оседлые	3837	5,3
2	Эвены (ламуты) кочевые	1947	7,1[1]	11	Якуты (саха) кочевые	4857	5,3
3	Коми (зыряне) кочевые	2766	6,6	12	Эвенки (тунгусы) кочевые	15084	5.2
4	Нымыллан (коряки) оседлые	3336	6,3[1]	13	Луораветлан (чукчи) оседлые	3196	5,2
5	Иннуит (эскимосы) оседлые	1250	6,0	14	Нивох (гиляки) оседлые	1664[3]	5,2
6	Ненцы (самоеды) кочевые	14598	5,7	15	Долганы кочевые	1125	5,1
				16	Кеты кочевые	1248	5,1[4]
7	Луораветлан (чукчи) кочевые	8756	5,6[1]	17	Якуты (саха) оседлые	17591	4,9
				18	Хантэ (остяки) оседлые	12329	4,6
8	Селькупы (остяко-самоеды) кочевые	1324	5,4	19	Эвенки (тунгусы) оседлые	2429	4,5
9	Коми (зыряне) оседлые	4914	5,3	20	Маньси (вогулы) оседлые	5392	4,4
					Русские	44046	4.3[2]
					Все оседлые	106263	4,6
					Все кочевые	58324	5,7
					По всему северу	164587	4,9

[1] Состав семьи в этих племенных группах искусственно преувеличен неправильной обработкой материалов, что признает само ЦСУ (итоги приполярн. переписи. Предисловие стр. X).

[2] Данные для русских не характерны, так как в них включены и временно проживающие служащие и т. п. лица, большей частью одинокие.

[3] С гиляками вообще дело обстоит неладно. То у них огромный прирост населения (табл. 2), то ненормально малы рождаемость и смертность, то у них на 4-х мужчин приходится лишь 3 женщины (табл. 8). Повидимому, в переписи сахалинских гиляков (материковые в припол. перепись не вошли) есть какие-то дефекты.

[4] Состав семьи кетов и их численность указываются по данным как переписи 1926-27 гг., так и другим материалам.

Таблица 8

Соотношение полов у народов севера СССР.

№№ п. п.	Название племенных групп	На 1000 мужчин прих. женщин	№№ п. п.	Название племенных групп	На 1000 мужчин прих. женщин
1	Коми (зыряне) оседлые	1083	12	Хантэ (остяки) оседлые	963
2	Маньси (вогулы) оседлые	1080	13	Якуты (саха) кочевые	943
3	Иннуит (эскимосы) оседлые	1034	14	Коми (зыряне) кочевые	936
4	Долганы кочевые	1034	15	Ненцы (самоеды) кочевые	933
5	Луораветлан (чукчи) кочевые	1031	16	Нымылан (коряки) оседлые	927
6	Эвены (ламуты) кочевые	1010	17	Эвенки (тунгусы) оседлые	900
7	Эвенки (тунгусы) кочевые	987	18	Итэльмены (камчадалы) оседлые	896
8	Нымылан (коряки) кочевые	987	19	Селькупы (остяко-самоеды) кочевые	861
9	Якуты (саха) оседлые	979			
10	Кеты кочевые	969			
11	Луораветлан (чукчи) оседлые	965	20	Нивок (гиляки) оседлые	747[3]
				Русские	984[2]
				Все оседлые	963
				Все кочевые	959
				По всему северу	958

Оказывается, что по составу семьи кеты занимают одно из последних мест. Правда, если сравнивать отдельные группы кетов, то у некоторых из них (Подкам.-тунг., Верхне-имбатской и Елогуйск.) состав семьи будет приближаться к среднему по кочевому северу. С другой стороны и самый низкий показатель состава семьи у кочевых кетов не ниже, чем самый низкий показатель среди всех народов севера. *Средний состав семьи кочевых кетов даже несколько выше, чем средний по всему северу или почти равен ему.*

Но особенно большого состава семьи у кетов и не может быть. Типичная семья у кетов, как мы увидим, ниже не объединяется около какой-либо крупной собственности (табун оленей, громоздкие орудия производства) как у других жителей севера, а является в большинстве случаев трудовой ячейкой с дешевыми и

[2] См. примечание на пред. стр.
[3] См. примечание на пред. стр.

несложными орудиями труда, допускающими быстрое и полное дробление хозяйств, в то время как у многооленных народов отделение членов семьи происходит более болезненно, вследствие необходимости делить оленей, пастники, запасы нюков, сани и т. п. Часто несогласия при разделе всего перечисленного инвентаря являются препятствием к дроблению семьи. У кетов же зачастую достаточно сделать новую илимку (см. ниже) и семья отделившегося сына оказывается уже почти обеспечена всем необходимым.

Кетская женщина

По соотношению полов кеты показывают более благоприятное соотношение, чем среднее по северу. Это доказывает закономерность факта преобладания у них мужчин над женщинами. Это явление оказывается присущим почти всем народам севера и у кетов оно выражено даже в более слабой степени, чем у других.

ГЛАВА IV

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД КЕТОВ

Когда белым инеем одеваются пожелтевшие ветви лиственниц Сибирской тайги, а свинцовые волны Енисея холодом обжигают опущенную в воду руку, начинается страдная пора на всей огромной лесной пустыне севера.

Туземцы исчезают с берегов Енисея. Зато на далеко врезавшихся в тайгу берегах его притоков, на скалистых, окаймленных сверху бахромой омертвевших деревьев, площадках, у подножий утесов или на замерзшей земле пологих скатов речных островов появляются конуса юрт. Словно огромные заснувшие рыбы лежат около них вытащенные на берег илимки.

Костры горят весь день под берестяными покрышками юрт. В мешковатых халатах—шубах на заячьем меху роют кеты землянки, вытесывают лыжи. Иногда на обледенелых лодках выплывают к факториям — забирают последние запасы продуктов, пороха и дроби.

С 15 октября с берегов Лены, Енисея, Ангары идут в тайгу русские охотники. За людьми в старых поношенных куртках, в длинных суконных штанах, завязанных на щиколотках у новых чирков, уныло шлепают по грязи тропинок и спотыкаются о камни нагруженные переметными сумами с хлебом лошади. Обвязанные тряпками ружья трутся о серое сукно на спинах промышленников.

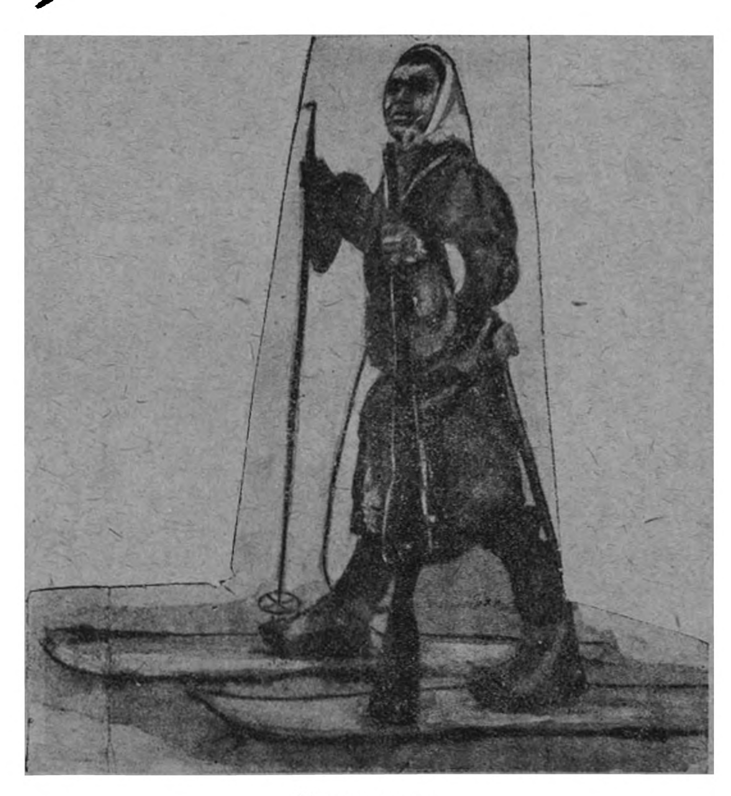
Оживает и лесная чаща. По утрам открываются грубо сколоченные дверцы кетских землянок или откидываются ровдужные[1] покрышки на входных отверстиях эвенкийских чумов. В утренней осеньей тьме скользят между неподвижными стволами силуэты, или в белых, завязанных по-бабьи, или в пестрых, туго намотанных «по-испански» на голову платках. Выходят на охоту туземцы. Рогатыми центаврами едут на оленях эвенки, тяжелой характерной походкой идут кеты.

Отрывистый лай собаки уводит охотника в чащу, к ушедшей в небо, темной своей тенью закрывающей окружающую поросль, лиственнице или кедру. Негромко раскатывается эхо выстрела. Мягкая, теплая тушка белки, цепляясь за сухие сучья, серо-голубым комком выпадает из переплета ветвей.

---

[1] Самодельная замша из оленних шкур.

К вечеру удачного дня, опустив вдоль сукна гетр опахала хвостов, гроздьями висит на поясе туземца дневная добыча. В наполняющем лес сумраке, мокрый от пота и от оттаявшего на коленях снега, возвращается охотник к жилью, оставив за собой тридцатикилометровый круг дневного обхода. Он сбрасывает женщинам беличьи туши, ложится на оленью постель перед очагом и медленно остывает и замедляет свой ход нагревшаяся и разбежавшаяся за день кровь. Жалкие, тонкие тела ободранных белок варятся в котле. К бунту вывернутых шкурок присоединяются новые, еще мягкие, с сырой желтизной мездры...

Кет на охоте

*

Хозяйство кетов пережило глубокую ломку вследствие вовлечения его в орбиту товарно-меновых отношений. Все его развитие после русского завоевания происходило однобоко, в направлении увеличения изъятия из окружающей географической среды возможно большего количества пушнины.

К периоду социалистической реконструкции основная масса кетов пришла поэтому с гипертрофически раздутой одной стороной своего хозяйства—охотой за пушным зверем, развивавшейся к тому же в обстановке противоречия между интенсивностью охоты, вследствие предъявляемого спроса на пушнину со стороны рынка, и истощением охотничьих угодий. Наоборот, другая отрасль северного хозяйства—рыболовство, за немногими местными исключениями, или атрофировалась или в лучшем случае, не развиваясь, сохранило узко потребительский, натурально-хозяйственный характер и по отношению к охоте регрессировало. Даже заимствование кетами новой отрасли хозяйства—оленеводства—распространялось очень медленно и в значительной степени в интересах того же охотничьего промысла, как дополнительное транспортное средство.

Для наглядного определения места кетов, по их хозяйственной структуре, среди окружающих народов удобнее всего произвести сопоставление их экономики с основными экономическими показателями хозяйств той естественно-географической, совпадающей с хозяйственной, зоны, в которую они входят.

Эта зона приенисейской северной тайги, от западной границы Катангского нац. района—на востоке и до Уральской области—на западе, от линии водораздела между Касом и Подкаменной Тунгуской, с одной стороны, и Кетью и Ангарой, с другой,—на юге и до линии Церковское—устье Лимптэ с изгибом по Енисею до Игарки, на севере, имеет следующие общие основные признаки для осваивающих ее туземных хозяйств.

Это область узкой специализации туземного населения на беличьем промысле. Соболь, лисица, колонок играют в валовой пушно-меховой добыче туземного населения сравнительно незначительную роль. Копытные почти совершенно отсутствуют. Рыболовство существует лишь в виде подсобного занятия. Оленеводство хотя представляет основное транспортное средство, но не играет роли отдельной отрасли хозяйства. Только на островах лесотундры Верхнего Таза и на вертикальных тундрах хребтов водораздела Подкаменной и Нижней Тунгусок оно приобретает значение самостоятельной отрасли хозяйства.

Приводим средние основные показатели экономики туземцев этой зоны и для сравнения те же показатели у кетов и дюгунь (см. таб. № 9 на стр. 76).

Мы видим, что показатели, характеризующие хозяйство кетов, близки к средним по зоне. Нивеллирующее влияние капиталистического окружения, в котором развивалось хозяйство туземцев до революции, сглаживало различия между отдельными племенами. Только оленеводство у кетов продолжает отставать от развития его у их соседей. Это обстоятельство вызвало увеличение у кетов числа собак (при чем их собаки все—и охотничьи и ездовые, а у остальных народов лишь охотничьи) и увеличение добычи такого малоценного зверя как заяц, дающего дешевый мех для приготовления зимней одежды вместо оленьих парок.

Таблица 9

	Число х-в	Средн. дох. на х-во (в р.)	Струк. дох. в %%: С-х	Олен.	Рыбол.	Охота	Проч.	Тов. в %: Олен.	Рыб.	Охоты	Доб. на х.: Белок	Зайцев	Соболей	Оленей: Всего	На 1 х-во	Лошадей	Коров	Собак: Всего	На 1 х-во
Средние по зоне..	1140	1050	1	6	12	79	2	1	5	89	710	1	1	35600	32,0	118	11	2350	2,1
Кеты..	249	1021	—	3,0	14,5	81,0	1,5	—	15	92	735	2,6	1	1500	5,7	2	2	775	3,1
Дюгунь...	12	637	1,5	0,3	11,0	74,0	13,2	—	32	95	394	0,7	—	—	—	2	8	157	1.3

Примечание. Помимо кетов енисейскую таежную зону, в указанных выше границах, населяет около 670 хозяйств эвенков и 210 хоз. селькупов. Селькупов всего ок. 270 х-в с 1520 ед., но ок. 60 х-в их живет уже в зоне лесотундры.

Что касается хозяйства дюгунь, то оно приближалось к типу хозяйства беднейшего слоя крестьян русских деревень Туруханского края, давая пониженные показатели по всем видам северных промыслов, но зато обладая значительными, относительно прочими доходами и элементами скотоводства.

В целом по зоне хозяйство кетов как бы представляет переходную ступень от хозяйства эвенков на востоке, у которых охота дает 86%, оленеводство—8,2%, рыболовство—5,8% при общем среднем валовом доходе в 1061 рубль на хозяйство, и селькупами на западе с их средним доходом в 945 рублей, в т. ч. от охоты—62%, рыболовства—27%, оленеводства—6% и от прочих занятий 5%.

Но эта как будто закономерная промежуточность показателей хозяйства кетов проявляется только при механическом объединении статистического материала по всем их территориальным группам, не вскрывая реально существующих различий между последними и тех особых, присущих только кетам, форм хозяйства, которые выделяют их до сих пор среди всех остальных туземных народностей края.

Само географическое распространение кетов достаточно четко выделяет среди них три основные части.

1. Левобережную, к которой следует отнести елогуйских, верхнетазовских, верхне-имбатских, дубчесских. Всего 142 х-ва с 746 едоками.

2. Северную—из курейских и туруханских кетов—49 х-в с 227 едоками.

3. Подкаменно-тунгусскую—58 х-в с 301 едоком.

Основные внешние различия между хозяйством этих групп выявляют следующие цифры (по переписи 1926 г. с дополнениями)

Таблица 10

Группы	% х-в с оленями	% х-в с илимками	Собак на х-во	Ср. доход на х-во в рубл.	Структ. дохода в %: Олен.	Охота	Рыбол.	Проч.	Добыто на х-во: Белок	Песца	Зайца	Горност.	Товарность: Охоты	Рыбол.
Северная	66	—	1,5	770	6,2	51,6	39,0	3,2	240	0,9	14	7	95	33
Левобережная	63	54	3,3	1014	4,2	82,8	11,4	1,6	804	—	—	0,6	89	2
Подк.-тунгусская	—	97	3,7	1195	—	90,4	8,9	0,7	1021	—	—	—	95	1
Итого в среднем	46	53	3,1	1021	3,0	81,0	14,5	1,5	735	0,2	2,6	2,5	92	15

Перед нами отчетливо выступают различные хозяйственные системы. На севере мы имеем типичное лесотундровое, сравнительно малодоходное, хозяйство с оленями в качестве его транспортной базы, сильным развитием рыболовства и переходным от тайги к тундре составом добытой пушнины, т. е. мы имеем тип хозяйства, утративший характерные черты хозяйства кетов и приближающийся к типу экономики лесотундровых селькупов и эвенков.

Антиподом его является Подкаменно-тунгусская группа. Здесь высокопродуктивное, чисто таежно-охотничье, безоленное хозяйство с илимкой в качестве основного транспортного средства. Оно не имеет параллелей с типами хозяйств других народностей и может служить примером метаморфозы экономики оставшегося пешим охотничье-рыболовческого народа, подвергшегося воздействию в наиболее грубо эксплоататорской форме эпохи товарного производства.

Хозяйство левобережных кетов отражает переходный характер их экономики. Основа—та же таежная охота. Близость лесотундры Таза сказывается лишь на небольшом уменьшении белок, появлении горностая. Но главным здесь является смена пешего, собаководческого хозяйства оленеводческим. Собак и илимок еще много. На Елогуе даже 80% х-в имеет илимки, но на Тазу их уже нет ни одной. Но вместе с собаками и илимками почти 2/3 хозяйств имеет оленей. Не менее 20% имеет одновременно и оленей и илимки. В целом мы имеем переход от безоленного, но имеющего илимки, хозяйства кетов к типу охотничье-оленеводческого хозяйства таежных селькупов. Если взять отдельно хозяйство безоленной части левобережных кетов, то оно оказывается довольно близким к Подкаменно-тунгусскому, но, подвергаясь беспрерывному воздействию своих оленных соседей (селькупов и тех же кетов), его особенности менее ярко выражены.

* *
*

Основное транспортное средство приполярных областей—олень—играет и другую не менее важную экономическую роль, являясь также средством накопления, создающим наиболее глубокие формы классовой дифференциации на севере.

Состояние оленеводства у кетов характеризует нижеследующая таблица, основанная на материалах переписи 1926—27 гг. и обследовании Скалона (1929 цит. по рукописи) и охватывающая 95 из 115 имеющих оленей хозяйств.

Таблица 11

Территориальн. группы	У них ол. на х-во	Хоз. с оленями				Оленей у тер. группы		Движение олен. стад						Дохода на х-во, имеющего оленей
		До 11	11—25	25—50	50—100	На 1/X-25	На 1/X-26	Зарезано	Пало от бол.	Потерялось	Продано	Куплено	Родилось	
Левобережные .	12	42	11	6	1	807	720	13	120	97	3	6	110	60 р.
Северные . .	14	17	8	3	1	353	423	21	33	20	11	5	116	70 р.
По всем .	13	59	22	9	2	1160	1143	34	153	117	4	11	256	62 р.

Примечание 1. Доход на хозяйство от оленеводства вычислен принимая среднюю стоимость оленя в 35 руб. Так как обычно туземцы прирезывают больных оленей, не давая им пасть, то при определении дохода от оленеводства принята во внимание и стоимость оленей, «павших от болезней», как фактически использованных в хозяйстве.

Примечание 2. У верхотазовских кетов из 17 х-в. о которых Скалон приводит численность имеющихся у них оленей, до 11 оленей имели 4 х-ва, 11-25—7 х-в, 26-60—5 х-в и бол. 61 оленя имело 1 х-во. Ежегодный прирост стада равен 2%.

Как видим, размеры оленеводства очень незначительны. 60% х-в имеет менее 10 оленей и ни одно х-во не имеет больше 100 оленей. Наиболее крупное оленеводческое х-во левобережных кетов принадлежало верхне-тазовскому кулаку Осипу Ирикову (по прозвищу Сорок Ира), а из северных — кету Туруханской группы Дибикову Колыю.

Увеличение процента оленеводческих хозяйств и самих размеров оленеводства у кетов идет с юга на север, точнее — с юго-востока на северо-запад. При этом увеличение размеров кетского оленеводства с юга на север идет обратно пропорционально общей мощности хозяйства территориальных групп. Именно от неимеющих оленей, но обладающих средним доходом на хозяйство в 1195 р. кетов Подкаменной Тунгуски до северных—с доходом в 770 рублей.

Это обстоятельство говорит за то, что вывод Л. Н. Доброво-Ядринцевой о деградации хозяйства кетов главным образом вслед-

ствии обезоленивания не находится в соответствии с фактами увеличения как процента оленности, так и общего количества оленей у кетов с юга на север, и является также лишним аргументом в пользу того положения, что ошибочно и мнение проф. В. Г. Тана-Богораза об исконном оленеводстве кетов. Если бы кеты везде и всегда имели оленей, то естественно казалось бы, что опять таки южный Подкам.-тунгусский род, лучше всех сохранившийся этнографически и экономически, наиболее мощный, обладал бы наибольшим количеством оленей. Но этого мы не видим. На деле оленеводство кетов развито лишь в тех районах, где они тесно соприкасаются с многооленными (сравнительно) народами, как селькупы (на Елогуе и верховьях Таза) и ненцы (на севере).

С точки зрения изучения отношения самих кетов к своему оленеводству заслуживает внимания замечание, которое мне пришлось слышать от одного старого кета в Дудинке, т. е. представителя наиболее оленной низовой группы кетов. Рассказав о своих намерениях обзавестись оленями и о практикующемся среди низовых кетов обыкновении сдавать их на лето под присмотр пастухам, рассказчик неожиданно обронил: «Только, парень, они (т. е. олени) у нас, остяков, как-то худо живут, не идут они нам» и, произнося эти слова, странно искоса взглянул на меня, как бы сообщая какую-то недоступную для понимания русских традицию своего народа. По моему мнению, кет хотел этой фразой именно сказать, что оленеводство является чуждым для них занятием, заимствованным лишь в самое последнее время, вопреки традициям старинного хозяйственного уклада.

Также приходится слышать, как старики кеты говорят молодым, что теперь вам, де, легко жить, за вас олени таскают груз по лесу, а мы вот ходили пешком и имели только собак[1].

Таким образом статистический материал, указывая косвенно на заимствованность кетского оленеводства, находится в полном согласии с этнографическим и с мнением самих кетов. Также и данные о движении оленьего стада тоже доказывают, что наиболее жизнеспособным является оленеводство у северных кетов. Несмотря на убой здоровых оленей на мясо, чего не делают остальные, пробивающиеся большей частью прирезыванием заболевших «зверей», общий табун оленей этой группы значительно вырос. Особенно характерна малая теряемость оленей в этой группе, что

[1] У кетов существует следующая легенда, которой они объясняют отсутствие у них исконного оленеводства. Бог Есь сделал оленя и велел людям приготовиться принять этот подарок. Хитрые хэнгбы (тунгусы по-кетски) убили сохатого (лося) и, нарезав кожу последнего ремнями, сплели из нее сеть. Кеты же сделали сеть из той же бересты (тиски), из которой они делают покрышки своих юрт. Брошенный с неба тунгусам олень попал в крепкие кожаные сети и с тех пор эвенки владеют оленями. Олень же, предназначенный кетам, порвал берестяную сеть и убежал. «И с тех пор, -закончил рассказчик легенду,—появились дикие олени, а мы как были, так и остались без них».

По другим легендам кеты захватили оленей во время войн у самоедов, что наиболее вероятно.

характеризует значительную опытность в оленеводстве. Из кетов левобережья оленеводство елогуйских и верхне-имбатских кетов надо считать находящимся все еще в стадии опыта. Оно имеет здесь лишь значение как подсобное транспортное средство наряду с илимками и собаками. По приведенным выше данным оленеводство в этих группах падает. Но данные эти нельзя считать вполне достоверными. С одной стороны туземцы склонны преувеличивать отрицательные стороны своего оленного хозяйства[1], а с другой—известен факт очень небрежной работы производившего в этом районе приполярную перепись гр. Рейнгольда. Бесконечно деградировать таким темпом оленеводство не может, иначе кеты обоих этих групп давно уже были бы без оленей. Хотя можно предполагать, что они восполняют убыль в своих стадах покупкой. Зато оленеводство верхне-тазовской группы левобережья носит признаки уже вполне сложившегося и вместе с селькупскими является базой для оленеводства всей левобережной части кетов.

Приводимая ниже таблица показывает малое значение доходов от оленеводства в экономике кетов сравнительно с их значением у соседних народов.

Таблица 12

Доход от оленеводства в процентах к валовому доходу кетов и соседних племен.

Территория группы племен	У заним. оленевод.	У всей группы	У эвенков правобережья Енисея	У селькупов	У ненцев
Подкаменно-тунгусск.	—	—	12,8	—	—
Левобережье (без верхотазовск.)	6,7	3,2	13,7	17,2	—
Северные кеты	9,3	6,2	19,6	20,0	30—40
Верхотазовские кеты	11,0	11,0	—	—	—
Среднее	7,6	3,0	14,7	18,1	30—40

Но несмотря на свои незначительные размеры, оленеводство кетов, где оно есть, получает и у них значение средства эксплоатации, каковую функцию оно выполняло почти у всех оленных народов севера. В материалах переписи 1926—27 гг. это обстоятельство не отразилось. Но обычно имеющие даже небольшой изли-

[1] По Каргеру кеты очень заботятся о своих оленях, делают для них сараи, разводят дымокуры и т. д. Но тем не менее олени у кетов, по Каргеру, во время лета в большом количестве теряются, потому что, выходя рыбачить на Енисей, кеты оставляют их в тайге без присмотра. Коллективизация устранит это гибельное для кетского оленеводства обыкновение и организует пастьбу оленей под присмотром пастухов в течение всего лета. Хотя, как я уже только что упоминал, у низовых кетов практикуется наем пастухов уже давно.

шек оленей туземцы сдают их в аренду своим соплеменникам. Внешне, конечно, все это облечено в форму благотворительности и «подарков». Наиболее же оленный кет Дибиков Колый (имевший до 150 оленей, хотя при переписи указал лишь 100) занимался кроме этого и завозом товаров в тайгу для перепродажи. Поэтому хотя учтенный валовой доход его хозяйства по переписи не достигает 1000 рублей (ниже мы увидим, что у кетов есть хозяйства с доходом до 3000 рублей в год) можно считать, что хозяйство Колыя было явно кулацким. Хозяйство Колыя входит в северную группу кетов, где валовые доходы хозяйств вообще невелики. Среди хозяйств же северной группы доход хозяйства Колыя является большим, особенно приняв во внимание неучтенные доходы от перепродажи товаров и сдачи в аренду оленей.

В верховьях Таза оперировал и другой кулак оленевод, кет по происхождению (селькуп по языку) Осип Ириков. Мешок муки, стоивший в фактории 5—6 белок, перепродавался им за 30 белок.

Но влияние оленеводства на экономику кетов не ограничивается тем, что оно способствует углублению классовой дифференциации. Оно накладывает свой характерный отпечаток и на малооленные трудовые хозяйства. Во время своей зимней ходьбы за белкой, добыча которой закладывает фундамент всей экономики кетского хозяйства, оленный охотник, владеющий хотя-бы самым незначительным (2—3) количеством оленей, должен выбирать направление по лесу, сообразуясь с наличием в той или иной местности корма для своих оленей[1]. Часто это делается в ущерб продуктивности охоты. Поэтому может быть безоленные подкаменно-тунгусские кеты и промышляют лучше оленных. Безусловно, правильно мнение Н. К. Каргера, что у кетов оленное и безоленное хозяйство нельзя рассматривать как хозяйство одного типа. Это два разных экономических уклада. Заимствование кетами высшей формы хозяйства — оленеводства—являлось своеобразным экономическим переворотом, уничтожившим старые формы производства и социальных отношений и вызывало новые формы с новыми социальными отношениями, в данном случае у кетов углубившее классовое расслоение. Поэтому-то заимствование оленеводства во времена переписи отмечалось параллельно ухудшению (в среднем) экономического положения оленных групп кетов по сравнению с безоленными, т. к. все преимущества оленеводства использовывались главным образом развивавшимися на его базе кулацкими элементами[2].

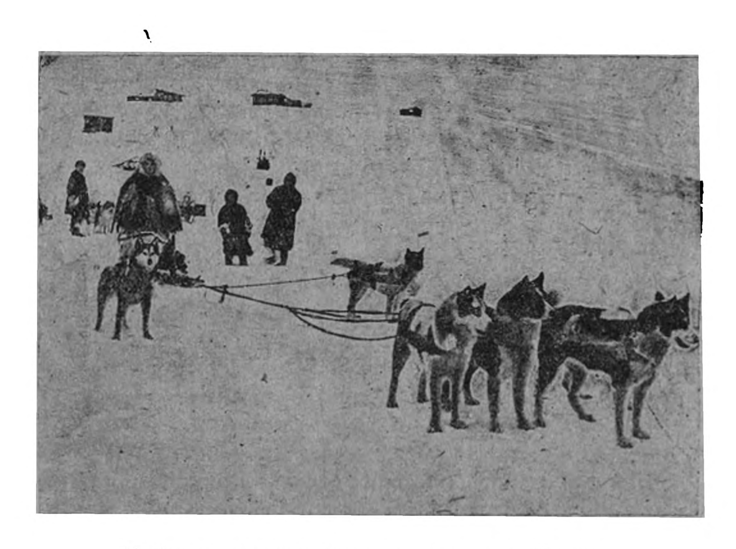
Н. К. Каргер. Оленеводство у енисейцев (кетов). «Сев. Азия». 1930 г. № 6.

[2] К сожалению не оказалось возможным произвести рассмотрение всех частностей экономики кетов по признаку оленности и безоленности.

Группировка ЦСУ предусмотрела отдельное рассмотрение оседлого и кочевого хозяйства. В большинстве случаев на севере кочевое хозяйство совпадает с оленным. а оседлое—с безоленным. Но пешие кеты как раз представляют исключение. Они—безоленные кочевники.

Социалистическое переустройство севера не может не считаться с тем фактом, что кетское хозяйство уже до реконструктивного периода переживало эпоху экономической перестройки. Наша задача — помочь перевооружению кетской экономики с помощью оленеводства (да не только оленеводства, мы должны дать кетам технику и нашей социалистической индустрии), провести плановую реорганизацию хозяйства кетов, без неизбежной в стихийных экономических переворотах временной депрессии перестраивающегося хозяйства.

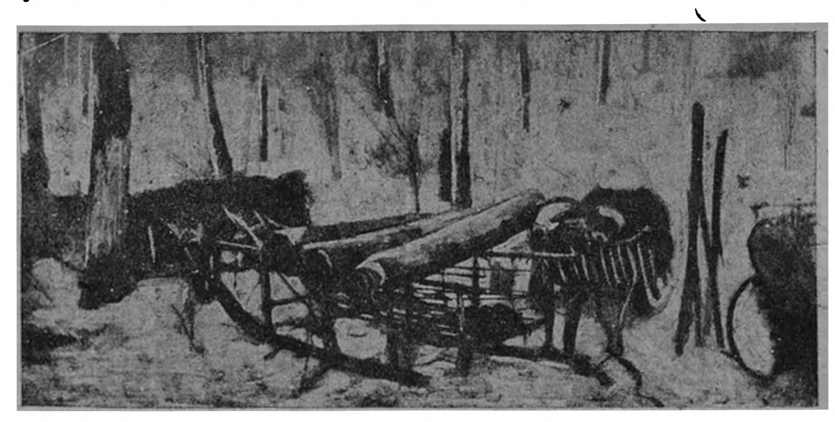
В противоположность оленеводству езда на собаках является древним, исконным способом транспортировок у кетов. Только не надо ее представлять в том виде, в каком она практикуется на крайнем севере, где 5—7 собак, управляемые криком и ударами бича,

Собачья упряжка русских в низовьях Енисея

быстро мчат по замерзшей реке или по тундре нарту с 1—2 седоками. Собаки кетов летом впрягаются по одной или по 2 в илимку и медленно буксируют последнюю вдоль берега, а зимой они тащат по одиночке небольшие нарты (суль, в отличие от оленьих нарт — буончаль), пробираясь с ними по лесу по следу, который прокладывает идущий впереди на лыжах, тоже большей частью тащущий нарту, кет. Вся эта процессия движется очень медленно по глубокому снегу и обычно заканчивается тоже впряженной в нарту женщиной. Поэтому число нарт у кетов обычно даже превышает число собак. Последние по большей части относятся к типу так называемых «остяцких» лаек, длинношерстных и разномастных, непохожих и на стройных, короткошерстных тунгусских лаек и на белых коротконогих, напоминающих песцов, самоедских оленных собак. Кетская

собака в сильной степени смешана с беспородными русскими собаками и служит в качестве не только ездовой, но и охотничьей собаки [1].

Кетская нарта

Для большинства туземных народов лодки, челноки и другой водотранспортный инвентарь является лишь орудием рыбного промысла. Для безоленных кетов он имеет еще и другую важную хозяйственную функцию, являясь в течение весны и лета основным средством для переезда со всем имуществом с места на место, а осенью обеспечивает завоз необходимых припасов в глубь тайги, в район зимней охоты.

Линия выстроившихся в ряд илимок с лесом мачт над ними является характерным признаком кетского стойбища, отличающая его от стойбищ остальных туземных народов Восточносибирского севера.

Нижепомещаемая таблица дает представление о количестве разного водотранспортного инвентаря, приходящегося на семью по отдельным группам хозяйств кетов (см. таб. 13 на 84 стр.).

В общем количество водных транспортных средств уменьшается по направлению к северу, но по отдельным видам их количество изменяется весьма неравномерно. Очень правильно с юга на север падает количество илимок, этого характерного водотранспортного средства, только у одних кетов из всех туземцев и встре-

---

[1] Относительно появления собаки в качестве домашнего животного кеты рассказывают такую легенду:

В древние времена люди не знали, что такое смерть. Но в одно время некоторые люди стали впадать в глубокий обморок. Не зная что с ними делать, кеты обратились с запросом к Есю. Есь послал к людям собаку, чтобы она передала, что через три дня впавшие в обморок встанут и будут опять жить. Но собака спутала поручение и велела зарывать впавших в обморок в землю. От этого кеты стали умирать. В наказание Есь отдал собаку в рабство кетам и велел кормить ее только раз в три дня. «Такой вредный зверь была собака»,—с огорчением сказал мне рассказывавший легенду старик и добавил: «а мы еще кормим ее каждый день».

Таблица 13

Количество водотранспортного инвентаря на 1 хозяйство.

Название группы кетов		Илимок	Лодок	«Веток»
Дюгунь		—	1,0	0,7
Кочевые кеты	Подк.-тунгусские	1,0	0,5	1,2
	Левобережн. (без верхне-тазовск.)	0,6	0,7	1,4
	Северные	—	1,1	0,7
Итого по кочевым		0,6	0,8	1,2
Для сравнения:				
Русские б. В.-Имб. волости		—	1,3	0,4

чающегося. Илимка (илимка, асель—большая лодка) представляет собою длинную (8 метров) лодку с каютой в виде берестяного, сводчатого, двухскатного шалаша посередине. Каюта эта (размером $3 \times 1^1/_2 \times 1^1/_4$ метра) разделена перегородкой. Передняя часть служит для жилья, задняя является складом. Из средины каюты возвышается мачта, украшенная железным трезубцем с белым или (редко) голубым вымпелом. Только над илимкой единственного тогда комсомольца кета Васьки Топкова развивался в 1926 году красный флажек. Такое нарушение традиций производило сильное потрясение в умах стариков кетов. Илимку обычно тянут в лямках идущие по берегу собаки вместе с женщинами. Через реку переваливают на веслах, при попутном ветре идут под парусом. Наличие илимки в хозяйстве имеет, повидимому, прямую связь с его общей мощностью и притом независимо от оленности. Например, сравнительно оленные елогуйские кеты в 80 случаях из 100 обладают илимками. Но, очевидно, илимка тяжела для больших переходов против течения, которые приходится совершать низовым кетам при возвращении с рыбных промыслов на устье Енисея. Не поэтому-ли у низовых кетов ее нет?

Илимка заимствована кетами от русских всего лет 80—90 тому назад. Название ее происходит от реки Илим, притока Ангары, откуда они (илимки) сплавлялись на Енисей. Илимка торговых учреждений отличается от кетских гораздо большими размерами, деревянной обшивкой каюты, но общая конструкция тех и других одинакова.

Главным преимуществом илимки является то, что она позволяет, сделав сразу достаточный запас продовольствия, охотничьих припасов и т. п., уходить на долгое время от русских деревень, что, с одной стороны, увеличивает продуктивность промыслов, а с другой, частично оберегло южную часть кетов от разлагающего влияния и эксплоатации русского кулачества. Ниже мы увидим, что

наиболее обеспеченные илимками группы кетов наиболее мощны и в хоз. отношении. Поскольку оленный транспорт рентабелен лишь зимой, то илимка, как специально летнее средство передвижения и перевозок, должна и может распространяться наряду с ним, пока ее не заменят моторные лодки кетских колхозов. Что касается лодок (аслэн) и «веток» (челноков, по-кетски—дыльты), то количество их в кетских хозяйствах изменяется обратно пропорционально друг другу. Именно количество «веток» в общем уменьшается с юга на север, количество же лодок увеличивается в этом направлении. «Ветки» распространены в более южных районах, потому что здесь больше приходится плавать по мелководным таежным речкам, а кроме того они служат средством быстрой связи и по Енисею, когда нет надобности и возможности ползти с тяжелой илимкой. На севере же «ветка» заменена лодкой, так как ширина Енисея и бури мешают ею здесь пользоваться[1].

Таким образом мы видим, что лодка и илимка являются двумя противоположными, взаимно исключающими друг друга, видами водного транспорта. «Ветка» же служит в настоящее время главным образом в качестве дополнения к тяжелой илимке.

Переходим к охоте—главному занятию кетов.

Приведенные ниже данные обрисовывают общую картину охотничьего хозяйства кетов по отдельным территориальным группам.

Таблица 14

Группы	% хозяйств, занимающихся охотой	Ружей шомпольн. на 1 хоз.	Руж. патрон. на 1 хоз.	Капканов на 1 хоз.	Пастей на 1 хоз.	Доходы от охоты в руб. на 1 хоз	% продажи	Стоимость валовой продукции групп
Оседлые кеты	90	1,5	0,1	1,5	0,2	126	96	7661
Кочевые: Подк.-тунг.	100	2,8	0,2	1,5	—	1075	95	62320
Кочевые: Левобережные (без верхотазовск.)	91	2,5	0,4	2.5	—	879	89	83747
Кочевые: Северные	100	0,9	0,9	3,5	5.0	385	95	15797
Сред. по кочев.	98	2,0	0,4	2,5	1,1	836	92	161864
Русск. б. В.-Имб. в.	86	1,3	0,5	2,6	2,6	350	91	194467
Тунгусы (п.-тунг.)	98	2,0	1,3	1,5	3,0	1014	79	365065

[1] Интересно, что, умея выделывать бересту для чумов, кеты совсем не употребляют ее на постройку «веток» подобно тунгусам. Все «ветки» у них долбленые.

Кеты пользуются «веткой» чрезвычайно ловко. Хотя она настолько неустойчива, что наклонение головы в сторону заставляет ее покачнуться, некоторые кеты переплывают на ней Енисей стоя.

Как видим % хозяйств, занимающихся охотой, очень велик. В большинстве случаев он равен или близок к 100.

Отношение между обеспеченностью огнестрельным оружием и ловушками обнаруживает обратно пропорциональную зависимость между ними при движении с юга на север. Ружей (богдом, отбоклонь) больше на юге, ловушек—на севере. При этом число патронных ружей и винтовок увеличивается к северу, но эта тенденция поглощается более резким убыванием числа шомпольных ружей. Это явление вполне понятно. Пистонное шомпольное ружье является специальным орудием промысла белки, которая к северу становится менее важным объектом охоты. Наоборот, патронное ружье и винтовка, употребляющиеся большей частью при охоте на крупную дичь и птицу, на севере естественно становятся более необходимыми в хозяйстве. Этим объясняется и увеличение количества капканов к северу. Недостаток основного пушного зверя—белки—заставляет форсировать охоту на других пушных зверей. Выше мы уже отмечали эту тенденцию. Приведенный ниже цифровой материал ее подтверждает.

Таблица 15

Добыча на семью второстеп. пушных зверей у всех кетов и отдельно у северной (низовой) группы.

Название пушного зверя	Добыча на 1 хоз.	
	У всех кетов	У низовых
Колонок (кыт) .	0,6	2,6
Лисица (кыган).	0,1	0,3
Заяц (бэсь) .	2,6	14,0
Горностай (кулюп) .	2,5	7,0
Песец (айган) .	0,2	0,9

Появление одновременно песца, как объекта охоты, и пасти, как орудия промысла, указывает на переход хозяйства северных кетов от таежного типа к лесотундровому. В другую сторону уклоняется хозяйство оседлых кетов. Оно приближается к типу русского охотничьего хозяйства, только несколько менее обеспечено ловушками.

Основным пушным зверем является для кетов белка (даже для северных). Она составляет от 80 до 98% стоимости всей пушной продукции кетов по отдельным территориальным группам. Именно добыча белки (сак) ставит хозяйства подкаменно-тунгусских кетов на первое место по своей доходности.

Таблица 16

Добыча белки кетами.

Группы	Охотники		Добыто белок	
	Муж.	Жен.	На хоз.	На охот.
Оседлые кеты	26	6	394	205
Кочевые: Подк.-тунгусск.	102	2	1021	569
Кочевые: Левобережные (без верхотаз.)	154	32	805	401
Кочевые: Северные	58	8	290	182
Русские б. В.-Имб. вол.	860	4	319	207
Тунгусы (П. тунг.)	731	71	830	375

Северные кеты дают резкое снижение добычи белки, достигая лишь 29% добычи таковой у подкаменно-тунгусских и 38%—добычи своих соседей с юга—елогуйских и верхне-имбатских. Даже оседлые кеты и русские добывают больше их. Помимо географической причины этого явления, т. е. уменьшения количества белки к северу, может сказаться и большое развитие у северных кетов оленеводства, занимающего рабочие руки и связывающего охотника с районами оленьих пастбищ. Такую же в общем картину дает и добыча белки на охотника, показывая особенную интенсивность промысла подкаменно-тунгусских кетов. Сравнение средней добычи белки у кетов и эвенков (тунгусов) лишний раз подчеркивает неправильность обычного мнения о кетах, как о неспособном к интенсивной хозяйственной деятельности народе. И на семью, а главное на охотника, кеты добывают больше, чем эвенки самого богатого белкой Подкаменно-Тунгусского района. Особенно замечательно, что больше всего белки добывают безоленные подкаменно-тунгусские кеты и добывают на 25% больше, чем это удается в тех же самых географических условиях оленным эвенкам.

Причины такой особой интенсивности кетской охоты лежат, конечно, не в биологических особенностях кетов или в каких-нибудь их прирожденных или благоприобретенных охотничьих способностях.

Кеты являются наиболее пролетаризированным народом севера (см. ниже). Отсутствие оленей заставляет подкаменно-тунгусских кетов все свои надежды возлагать лишь на охоту. Это обстоятельство, вместе с особо сильной зависимостью кетов от русского капитала в прошлом, придавало их охоте характер труда рабочих на капиталистических мануфактурах, т. е. характер труда более регулярного, напряженного, чем труд мелких собственников—оленеводов-эвенков. У последних всегда был резерв в виде оленей, которых в случае нужды били на мясо.

Разница в хозяйственной структуре предопределяла и разный психологический уклад безоленных, полупролетаризированных и связан-

ных кабальными отношениями с торговым капиталом, надеющихся лишь на свои силы кетов и разных категорий собственников, обычно более или менее обеспеченных на ближайшее будущее —эвенков и др. Наиболее же обнищавшие группы эвенков в глубине лесо-тундровых пустынь обычно имели почти натуральное хозяйство, перебиваясь на одной рыбе.

Если русский капитал вступал, скажем, с эвенками в отношения только торгового характера, то отношения его с кетами скорее напоминают отношения капиталиста—скупщика и кустарей, т. е. здесь мы находим отношения гораздо более систематической и интенсивной эксплоатации с вмешательством капиталиста и в самый процесс производства для его интенсификации. Правда, это вмешательство было чисто внешним. Оно не организовывало производства, не механизировало его, не дало новых орудий, сверх традиционной шомполки, для увеличения производительности труда охотника. Вся система эксплоатации была построена лишь на увеличении абсолютной прибавочной стоимости. Более всего вмешательство русского скупщика в производство кетов имело сходство с «вмешательством» в свое производство владельца так называемой потогонной мастерской.

Психологический уклад «полупролетаризированного кустаря» кеты сохранили и после революции. Привычка к сравнительно напряженной работе не была ими утеряна и после уничтожения дамоклова меча капиталистической кабалы.

Поэтому и перепись 1926—27 гг. отмечает превосходство безоленных кетов в охоте над их оленными соседями, не в такой сильной степени прошедшими «школу» капиталистической эксплоатации.

Отметим также явную, прямо пропорциональную зависимость между количеством собак и добычей пушнины. Чтобы ни говорилось и ни писалось по этому поводу, но в таежных (не тундровых) условиях наличие собак является более важной предпосылкой успешной охоты, чем наличие оленей. Служа, с одной стороны, в качестве тягловой силы, собака участвует и в самом процессе охоты Без собаки охота на белку обычно очень малопродуктивна.

Интересно участие женщин в охотничьем промысле, достигающее у елогуйских кетов 25% всех охотников. Также у эвенков почти 10% всех охотников составляют женщины. Но у самой промышленной группы кетов, Подкаменно-тунгусской, только 2 женщины (2% всех охотников) занимаются охотой. При том это не коренные кетки, а вышедшие за кетов эвенкийские женщины.

После выясненного выше значения белки в охотничьем хозяйстве кетов делается понятной неравномерность в доходе от охоты. Общий доход от охоты растет параллельно количеству добытых белок. Сравнивая его с доходом от охоты у эвенков можно отметить у последних относительно больший доход от всей охоты, чем от одного белкования, что показывает более узкий, специализированный, определяемый рыночным спросом, а не потреблением самого

хозяйства, характер охоты у кетов. Высокая товарность продукции охоты у кетов, выделяющая ее среди других отраслей хозяйства, еще более подчеркивает чисто промысловый рыночный характер их охоты. Себе кеты оставляют лишь зайчины и иногда медвежины. Целиком потребляется в хозяйстве продукция птицеловства (в среднем по 16 рублей на хозяйство, у северных—22 рубля) и очень незначительная добыча диких оленей (иес-сель, дословно—божий олень) и лося (хай). Правда, переписью не учтен тот факт, что беличье мясо потребляется кетами, что дает в среднем по 2 центн. мяса в год на хозяйство. Считая центнер мяса по ценам 1926 г. в 30—35 руб., получаем стоимость потребленной в хозяйстве продукции в 60—70 рублей. Это обстоятельство несколько понижает, с одной стороны, товарность продукции охоты, но с другой—увеличивает ее значение в бюджете кетов. Кроме того товарность пушнины выше, чем указано в таблице, так как запасы пушнины на осень переписью 1926—27 гг. иногда учитывались как непроданные совсем и тем самым % товарной продукции охоты искусственно снижался. В частности в отношении левобережной группы определенно можно предполагать, что кеты здесь были переписаны, не успев сдать пушнины полностью.

Самый процесс охоты протекает у кетов следующим образом: с 15 октября они начинают промысел белки в районе своих землянок и кончают его к 1-му января наиболее интенсивно охотятся в последней половине ноября и первой декабря, когда подчас охотники не возвращаются из леса к землянкам в течение 3-х недель. Хлеб в это время охотникам приносят в лес их жены. Эта так называемая «малая ходьба». Январь отдыхают, отсиживаясь в землянках от морозов. С 1-го февраля идут промышлять в более отдаленные районы, таща с собой, в безоленных группах, провиант и пожитки на себе и на собаках. «Опромыслив» одну долину или «хребет», переходят на другой и т. д., примерно, до 1 апреля—это «большая ходьба». Кроме белки, в течение зимы «добывают» медведя (почти исключительно рогатинами, по-кетски—аттыс), зайца (силками, б. ч. северные кеты в тальниках по берегам Енисея), колонка, лисицу (капканами), горностая (чирканами), сохатого, гоняя его на лыжах. В отношении охоты на сохатого кеты применяют еще способ добычи его в ямах, а также караулят на переправах (летом). Медведя (кыпбот, т. е. дядя-старик) больше всего добывают подкаменно-тунгусские кеты; в среднем—по 0,3 в год на хозяйство. Охота на птицу происходит большей частью летом, на «ветках», ружьями, но отчасти и слопцами (боровую). Только куропатку северные кеты добывают зимой сетями. В районе Подкаменной Тунгуски кеты добывают еще и соболя (эдь). Всего добыто его кетами в 1926—27 гг. 9 штук. Для добычи соболя пользуются особой сорокасаженной сетью-сметом, которой окружают место предполагаемого местонахождения зверька. Но по своей стоимости добыча всех промысловых животных и птиц, кроме белки, составляет лишь

6% стоимости всей продукции охоты (19,4—у северных, 2%—у подкаменно-тунгусских).

Приведенная ниже таблица показывает долю охоты в валовом доходе кетов.

Таблица 17

Доля охоты в валовом доходе кетов, в %.

Кочевые	Оседлые кеты	74,9
	Подкаменно-тунгусские	90,4
	Левобережные .	84,0
	Северные	51,6
	Средняя по кочевым	81,3
	Русские 6. Верхне-Имб. волости	36,0
	Тунгусы правобережья (все) .	63,0
	» Подкам. Тунгуски .	86,0

Таким образом кеты оказываются более чисто охотничьим народом, чем даже эвенки (тунгусы) одного с ними географического района и русские. В южных территориальных группах: Подкаменно-Тунгусской, Дубчесской, Елогуйской нет ни одного хозяйства, у которого доход от рыболовства превышал бы доход от охоты. Но в 1926—27 гг. среди верхне-имбатских кетов, несмотря на абсолютное преобладание значения охоты в целом по группе, отмечено было 5 хозяйств (8,6%), у которых доход от рыболовства превышал доход от охоты. Это были как раз наиболее маломощные хозяйства (ср. доход 158 р. на х-во), оставшиеся в качестве наследия от хозяйничания русского капитала на Енисее. Недаром они расположены поблизости от села Верхне-Имбатского, бывшего одним из гнезд кулацко-купеческой эксплоатации. Переход к рыболовству, как основному занятию при обеднении, характерен для экономики туземцев восточносибирского севера (т. н. береговые юраки, бедняки-есейские якуты на р. Хете).

Среди кетов северной группы (курейских и туруханских) хозяйств с преобладанием рыболовства уже 21 (42,9%). Но это не только бедняки, а как раз зачастую наиболее мощные хозяйства этих групп (Курейской). Таким образом рыболовство на севере у кетов не только входит в бюджет как крупная статья доходов, но выделяет ряд хозяйств, специализирующихся на нем (доход от рыболовства составляет в них 58—60%, охота—31%).

Этот разрыв хозяйства северных кетов с традиционным, со времени вовлечения их в орбиту меновых отношений с капитализмом, преобладанием охоты и составляет их отличительную особенность. Поэтому хотя мы видим, что охота является основным видом хозяйственной деятельности для всех групп кетов, наличие среди них рыболовческих групп надо учитывать Но зато то обстоятельство, что у 10% хозяйств кетов преобладает рыболов-

ство, еще более увеличивает значение охоты в остальных 90% хозяйств.

Цены на пушнину в 1926 г. были следующие: белка—1 р. 05 к., горностай—от 1 р. 75 к. до 2 р. 50 к., заяц—от 90 к. до 50 к., колонок—3 р. 60 к., лисица—от 20 р., медведь—от 6 р. до 15 р., песец—41 р., соболь до 70 р.

Общую характеристику рыболовства кетов к 1926 г. дает следующая таблица.

Таблица 18

Обеспеченность орудиями, продукция и товарность рыболовства (на хозяйство).

Группы	% хозяйств, занимающ. рыболовст.	Приходится на хозяйство				Стоимость продукции на хоз во	% продажи	Валов. продукция группы (в руб.)
		Неводов *кв. м*	Сетей и пущален *кв. м*	Переметов, крючков	Самоловов. крючков			
Оседлые кеты	70	—	115	120	480	99	32	1483
Кочевые: Подк.-тунг.	98	16	56	17	260	109	1	6224
Кочевые: Левобережн. (без верхотазовск.)	96	17	54	39	200	114	2	11303
Кочевые: Северные	100	18	97	104	13	301	33	12356
Среднее по коч.	98	17	67	45	165	149	15	29883
Русск. 6. Верх.-Имб. вол.	90	118	88	103	470	276	56	160587
Русские 6. Монаст. вол. (соседи северных кетов)						373	54	—

Мы видим, что рыболовством занимаются почти все кеты. Но по ряду признаков намечаются две группы: верховая—из обоих более южных групп кочевых кетов и северная, в которую входит одна лишь северная территориальная группа. У верховых основное орудие лова—самолов[1], а затем уже идет пущальня. У северных пущальня (хэн), наоборот, приобретает большее значение, а самолов заменен переметом (дуптэ). Значение неводов тоже увеличивается по направлению на север. Что же касается обеспеченности орудиями лова оседлых кетов, то они по всем видам их превосходят коче-

[1] Вид крючковой снасти. На длинной веревке подвешены на полметра друг от друга большие острые крючки, поддерживаемые пробками в таком положении, что острия крючков обращены книзу. Рыба, играя с крючками, попадает на него спиной или боком. Большой процент рыбы срывается с крючка и гибнет. Потому самолов признан хищническим орудием лова и в настоящее время запрещен. Заимствован он кетами от русских. Подробное описание орудия лова кетов см. у Исаченко. «Инородцы Туруханского края».

вых и отличаются лишь полным отсутствием неводов. Если не считать этого последнего обстоятельства, то мы имеем картину почти полного сходства рыболовного инвентаря оседлых кетов с орудиями лова русских. Отсутствующие невода только частично заменены более дешевыми и требующими меньшего количества рабочих рук сетями и пущальнями. Но несмотря на то, что оседлые кеты почти втрое более обеспечены орудиями рыболовства, продукция рыболовства у них значительно уступает таковой у кочевых. Повидимому, оседлость, в условиях единоличного хозяйства, мешала им достаточно полно использовывать более отдаленные рыболовные угодия. Продукция же рыболовства южных групп кочевых кетов, превышая таковую у оседлых, почти втрое уступает добыче (на хозяйство) северных кетов.

Высокая продуктивность рыболовства на севере, с одной стороны, объясняется большим количеством здесь рыбы, но с другой — и более интенсивной работой в этой отрасли хозяйства, т. к. охота здесь менее рентабельна по своим результатам (особенно в долине Енисея), чем на юге. Только в этой группе кочевых кетов мы имеем и значительную товарную часть рыболовной продукции, всего около $^1/_3$ общей добычи, хотя русским они все же уступают как по абсолютной добыче, так и по проценту продажи.

Нижеследующая таблица показывает долю доходов от рыболовства в общем доходе кетов по группам.

Таблица 19

Доход от рыболовства в процентах к валовой доходности.

Группы кетов		Только у заним. рыболов.	Значение рыболовства для всех кетов по групп. (в % к в.д.)	У эвенков в соответ. геогр. районах	У русских Туруxан. района	У селькупов в соответ. геогр. районах
Оседлые кеты		15,5	11,0		27	
Кочевые	Подкам.-тунгусск.	9,1	8,9	7,3		
	Левобережные (без верхне-тазовск.)	13,7	11,4	11,4	—	14,8
	Северные	39,0	39,0	42,0	—	27,8
Среднее		15,3	14,5	18,1	27,0	20,0

Из таблицы видно, что обе южные, экономически наиболее мощные группы кетов имеют незначительные доходы от рыболовства, тогда как северные получают от него уже почти 40% своих доходов. Таким образом и по продуктивности рыболовства относительно других отраслей хозяйства, также как и по абсолютным размерам добычи северные кеты образуют особую группу.

Мы видим увеличение значения рыболовства к северу также и у соседних народов. Причина этого явления лежит все в том же уменьшении количества белки к северу, что заставляет налегать на рыбный промысел.

Промышляют рыбу южные кеты (летом) почти исключительно самоловами. Невода, сети, пущальни и переметы употребляют здесь только весною и осенью. Кеты часто соединяются в артели, иногда даже совместно с русским. Добычу в этих артелях, по словам кетов, делят пропорционально количеству работников, участвовавших в ловле. Поздней осенью кеты также как и русские «лучат» (на лодке в темную ночь на специальном приспособлении разводится яркий огонь, привлекающий рыбу. Хорошо видная в воде рыба убивается железной острогой). Весною в маленьких реках делают запоры (загораживают русло) и ставят морды (ловушки, сплетенные из ивовых прутьев). Занимаются кеты и зимним подледным ловом. Им добывают до 30% всей рыбы (по Исаченко).

Продают рыбу южные кеты почти исключительно свежую и притом более дорогих пород красной рыбы (осетр, стерлядь). Северные сдают торгующим организациям и соленую. Для себя рыбу заготовляют таким образом: распластывают ее, надрезают ломтиками, растягивают на щепочках и в таком виде сушат на солнце (юкола) или заготовляют в виде муки (своего рода рыбий пеммикан): варят рыбу в котле пока не испарится вся вода, затем разваренную рыбу держат над слабым огнем, все время размешивая. пока она не превращается в желтый, жирный порошок (порса). По-кетски юкола называется — итн, порса-дэоль.

Из отдельных пород рыбы северные кеты добывают более всего сига (бонгти), чира (тэктэ) и щуку (кудэ). Елогуйские ловят почти одну только щуку, затем налима. Верхне-имбатские и подкаменно-тунгусские, обладающие небольшим количеством самоловов и находящиеся в сходных естественно-географических условиях (Енисей—в верхней части Туруханского района), во время рыболовного сезона добывают больше всего осетра и стерлядей (именно на самоловы), затем щуку и хариуса (сетями). Русские и оседлые кеты (приводим для сравнения) добывают больше всего сельдь, омуля, налима (по-кетски кэсь) и максуна. У эвенков преобладают чир, сиг, хариус и таймень. Цены на рыбу в 1926—27 гг. были следующие: красная рыба—5 рублей за 16 клг, белая — 4 рубля, налимы и щука—рубля по 3, сельди—тоже 3 рубля.

*

Кроме дохода от охоты, рыболовства и оленеводства, многие кеты имели и другие заработки, главным образом от работы по найму у русских. Ниже в главе о классовой дифференциации кетов я остановлюсь на этом по подробнее. Сейчас же коснусь лишь еще одного занятия кетов—кузнечного дела. Как и многие другие туземные народы Сибири, кеты—хорошие кузнецы. Многие из них обладают набором инструментов и самодельными мехами. Ножи (донь)

кетской ковки русские предпочитают покупным и кеты, начав ковать ножи, всегда делают несколько лишних для продажи. По своей форме ножи кетов шире, но короче чем ножи ненцев («самоедов»). Эвенкийские (тунгусские) ножи и шире и больше ножей кетов. Эвенкийской «пальмы» кеты совсем не знают. Она заменена у них обыкновенной рогатиной[1] (по-кетски аттысь).

Хотя к переписи 1926—27 гг. еще не все кеты оправились от ущерба, нанесенного им трехстолетним гнетом русского капитала, они все-таки обогнали в отношении увеличения доходности своего хозяйства большинство народов севера. Вот таблица, позволяющая нам сравнить хозяйство кетов с хозяйством всех остальных народов севера СССР.

Таблица 20

Распределение народов севера по валовой доходности их хозяйства и составным элементам последнего (данные переписи 1926-27 гг.)

№№ по порядку	Названия народов	Хозяйств в данной группе	Валовой доход на хоз. (руб.)	Валовой доход на челов. (руб.)	В том числе от оленеводства в %	В том числе от рыболовства в %	В т. ч. от зверобойн. промысл. в %	В том числе от охоты в %	В том числе от проч. занятий в %
1	Коми (зыряне) кочевые	420	1490	225	79	3		12	6
2	Якуты (саха) кочевые	920	1140	215	24	17	—	54	5
3	Ненцы (самоеды) коч.	2559	990	174	42	15	4	36	3
4	Кеты кочевые	194	970[2]	194	2[2]	15[2]	—	82[2]	1[2]
5	Селькупы (остяко-самоеды) кочевые	246	945	175	6	27	—	62	5

[1] Между прочим по способу ношения ножа все народы Туруханского края делятся на две части. Одни, живущие на восток от Енисея, носят нож плотно пристегнутым к ноге (б. ч. правой) ремнем, охватывающим ее над коленом. Другой ремень, идущий от пояса под одеждой, поддерживает нож за верхнюю часть ножен в вертикальном положении. Так носят нож эвенки, якуты, долганы и нганасаны (самоеды тавгитцы). Другая часть племен к западу от Енисея подвешивает нож к поясу поверх верхней одежды. Нож при этом способе свободно болтается в горизонтальном положении, ручкой назад, на нескольких ремнях на подобие морского кортика. Так носят ножи ненцы, юраки, селькупы и кеты. Енисей довольно точно служит границей этих двух способов ношения ножа. Только кеты, живущие по обоим берегам Енисея, и эвенки левобережья ее нарушают.

[2] Данные эти несколько расходятся с указанными в предыдущих таблицах. При составлении последних автором были внесены некоторые дополнения, слегка изменившие соотношение доходов от отдельных отраслей и увеличившие общую цифру дохода кетского хозяйства. Но так как для других народов нельзя было произвести таких же исправлений, то в настоящей таблице проставлены результаты переписи 1926—27 гг. так, как они опубликованы безо всякого изменения у всех народов, в том числе и у кетов.

№№ по порядку	Названия народов	Хозяйств в данной группе	Валовой доход на хоз. (руб.)	Валовой доход на челов. (руб.)	В том числе от оленеводства в %	В том числе от рыболовства в %	В т. ч. от зверобойн. промысл. в %	В том числе от охоты в %	В том числе от проч. занятий в %
6	Долганы кочевые	201	900	176	19	17	—	55	9
7	Эвенки (тунгусы) коч.	2887	900	173	17	13	1	65	4
8	Эвены (ламуты) кочев.	276	745	105	47	10	—	41	2
9	Итэльмены (камчадалы) оседлые	726	710	134		60	4	25	11
10	Нымыллан (коряки) кочевые	390	640	62	59	18	8	14	1
11	Саами (лопари) кочев.	286	605	140	31	33	4	8	24
12	Луораветлан (чукчи) кочевые	1556	600	107	71	4	5	9	11
13	Нивох (гиляки) оседл.	322	585	112	—	74	15	10	1
14	Эвенки (тунгусы) „	550	570	127	7	29	3	53	8
15	Нымыллан (коряки) „	531	507	80	1	49	24	20	6
16	Луораветлан (чукчи) оседлые	667	500	96	1	4	78	13	4
17	Коми (зыряне) оседл.	934	500	94	24	20	—	12	44
18	Маньси (вогулы)	1217	457	104	—	63	—	25	12
19	Хантэ (остяки)	2693	410	89	5	53	—	32	10
20	Якуты (саха) оседлые	3587	375	77	4	38	—	45	13
21	Иннуит (эскимосы) оседлые	207	290	48	—	1	94	5	—
22	Русские оседлые	10287	530	120	—	45	2	15	38
	Весь север СССР....	33641	633	130	17	30	4	33	16
	Одни оседлые	23429	515	112	2	45	5	23	25
	Одни кочевые	10212	940	165	35	13	2	46	4

Оказывается, кеты занимают среди народов севера 4-е место по своему валовому доходу на хозяйство и 3-е место по доходу на человека. Результат совершенно неожиданный, если вспомнить трафаретные представления о кетах, как о вымирающем, неспособном к интенсивной хозяйственной деятельности народе.

Но этот факт подъема экономического положения кетов легко объясняем узкопромысловым охотничьим уклоном их хозяйства. Из той же таблицы 20 мы видим, что кеты среди туземцев севера стоят на первом месте по значению охоты в их хозяйстве.

Поэтому они и в большей мере, чем другие племена благодаря товарному характеру своей охоты находились в зависимости от внешнего рынка, от того с кем им приходилось иметь дело при сбыте продукции своего хозяйства. И ясно, что переход заготовительной работы из рук туруханского кулачества в руки пролетарского государства должен был в первую очередь и наиболее заметным образом отразиться на кетах, как народе, более зависящем экономически от внешнего мира и в меньшей степени—на народах в значительной мере с натуральным хозяйством.

Интересный результат получается, если считать доход не отдельно на кочевую и оседлую часть племени, а совместно, на весь народ в целом. При таком подсчете кеты занимают первое место на Севере по доходности своего хозяйства. Средный доход на человека у кетов при таком подсчете оказывается равным 190 рублям, а у идущих за ними по размерам дохода зырян—только 165, якутов—145 и это при относительно примитивных формах эксплоататорских отношений в экономике кетов (при чем наибольшие доходы имеют безоленные охотничьи хозяйства Подкаменной Тунгуски), тогда как у зырян и якутов существует громадная разница между богатыми оленеводами и торговцами и массой эксплоатируемых ими оседлых и кочевых бедняков и батраков.

У кетов полупролетаризированный охотник-туземец большей частью своей экономики стал после революции непосредственно соприкасаться с советским государством и зависел только от него. У оленных народов до последнего времени кулак-оленевод все еще стоял между массой мелких хозяйств бедняков и середняков и заготовителями. Кет в массе работал непосредственно для советского государства, бедняк зырянин или якут имел посредником «своего» кулака.

Сравнение кетов с остальными народами севера лишний раз подчеркивает, что в настоящее время кеты являются в подавляющем большинстве полупролетаризированными таежными охотниками, смогшими улучшить свое экономическое положение, как только они были поставлены в нормальные условия по сбыту продукции охоты и закупки необходимых им жизненных припасов.

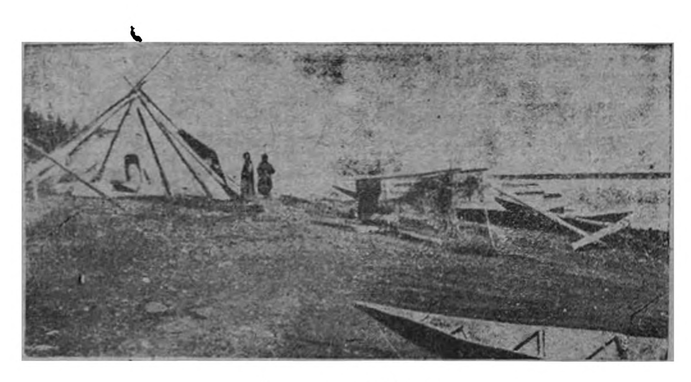
Кроме высокого процента доходов от охоты в бюджете кетов выделяется среди остальных кочевников севера низкий доход от оленеводства. В этом отношении кеты занимают среди кочевников последнее место и даже многие оседлые племена имеют больший доход от оленеводства. Рыболовство кетов оказывается лишь немного превышающим среднюю степень его развития у кочевых народов севера и на много уступает рыболовству оседлых, так что по развитию этой отрасли хозяйства кеты не выделяются среди остальных народов севера. Также по доходности от прочих занятий кеты ничем особенно не выделяются среди остальных племен, отходя к народам со слабым развитием этих занятий.

Хозяйство кетов имеет лишь одно слабое место—это зависимость его от «урожаев» белки. Миграция белки, эпизоотии и т. п.

вызывают значительные колебания в продуктивности охоты по отдельным годам, 1925—26 операционный год был одним из удачных, но, например, 1927—28 являлся «неурожайным» и добыча белки, по сравнению с предыдущим годом, снизилась на 38%. Организация правильного охотхозяйства, звероводства, развитие новых видов промысловых животных (ондатра), интенсификация рыболовства, увеличение размеров и культурная постановка оленеводства должны освободить коллективное социалистическое хозяйство кетов в ближайшем будущем от зависимости от стихийных явлений природы и обеспечить постоянный, регулируемый производственным планом, доход. Особое значение должно сыграть также развитие, в связи с оседанием, огородничества и молочного животноводства, для чего имеются все необходимые естественно-географические предпосылки.

Годовой цикл хозяйственной деятельности особенно характерен у подкаменно-тунгусских кетов и предопределен двумя их основными занятиями—охотой и рыболовством. Весною к началу июня они в илимках выплывают на устье реки Подкаменной Тунгуски, где сдают пушнину и набирают продуктов на лето. В течение лета медленно перебираются на илимках с одного рыбного места на другое, добывая самоловом красную рыбу.

В это время года и на всем протяжении Енисея от Осиновского порога и до Туруханска светло-желтые берестяные чумы кетов с подвешанной около них на длинных жердях для просушки бахромой крючьев самоловов и стоящие около берега остроносые илимки время от времени оживляют однообразный лесной пейзаж реки между русскими деревнями. Изредка, добыв большого осетра или стерлядь, кеты на «ветках» приплывают к факториям сдавать свою добычу. Во второй половине лета охотятся за молодыми утками.

Летнее стойбище

С 5—10 сентября подкаменно-тунгусские кеты опять собираются к устью р. Подкаменной Тунгуски. Набрав в кредит товаров на зиму, они тянутся один за другим вверх по реке Подкаменной

Тунгуске, промышляя по дороге в холодной осенней воде рыбу сетями, а по ночам «лучат». На Черном острове в своем кооперативе набирают еще товаров, после чего некоторые семьи начинают располагаться в землянках тут же у Черного острова. Другие поднимаются еще выше по Тунгуске, вплоть по Кузьмовки, другие спускаются ниже, к устьям реки Лебяжьей, где тоже устраивают себе землянки. С первым льдом городят запоры и ставят морды. В это же время идет промысел боровой птицы. С 15 октября, как было сказано выше, начинается «малая ходьба», но рыбный промысел в течение ее не прекращается. Затем—вынужденный месячный отдых, в течение которого промышляют лишь ловушками близ землянок. В это время занимаются и подледным ловом рыбы крючками. С 1 го февраля идут в тяжелую «большую ходьбу». Конец апреля и начало мая опять проводят около своих землянок, промышляя понемногу птицу на токах. Со вскрытием рек (конец мая) выплывают к Черному острову. Сдав там часть белки, постепенно, промышляя по дороге рыбу и водоплавающую птицу, выплывают на устья реки Подкаменной Тунгуски. Здесь сдают оставшуюся белку, проводят собрания, после чего расплываются на лето по Енисею. Числа 15 июля около Подкаменной Тунгуски оставался лишь один чум бедняка, работавшего у русских кулаков. Так длилось из года в год. Годовой цикл хозяйства пешей части елогуйских и верхне-имбатских и туруханских кетов имеет свои местные особенности, но в общем мало отличается от описанного выше.

Верхне-имбатские весною выходят непосредственно на берега Енисея, елогуйские же выходят на берега Елогуя и, спустившись весною в его низовья к факториям, лето проводят на его же берегах, почти не выплывая в Енисей.

Оленные кеты этих групп частично весною уходят в пятна тундр, попадающиеся на левобережьи Енисея, нагуливать оленей, а осенью часть верхне-имбатских кетов проводит в «камнях» правобережья, занимаясь охотой на дикого оленя.

«Большая ходьба» носит у оленных название «бóльшого аргита» и производится на оленях. Но летом оленные кеты, особенно на Тазу, не имеющие илимок, менее подвижны, чем пешие и часто проводят лето на одном месте, отпустив оленей на выпас.

Самые же северные курейские кеты, промышляя зимой гл. обр. по бассейну среднего течения р. Курейки, на лето иногда уплывают далеко на низ, откуда возвращаются поздней холодной осенью, гребя весь день на лодках против течения по бурному Енисею или прицепляясь к пароходам. Их летние стойбища отличаются по внешнему виду от описанных выше. Вместо самоловов сушатся сети, нет илимок, а в стороне от стойбища иногда виднеется табун оленей. Осенью и в начале зимы весь побелевший от снега берег около стойбищ кетов северной группы перегорожен низкими изгородями из ветвей, в которых оставлены воротца с настороженными ловушками (капкан, клепца, по-кетски контуксь) на идущего вдоль берега Енисея на юг песца.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КЕТОВ

Перед разбором предлагаемого ниже материала считаю необходимым оговорить, что он относится лишь к 131 семье кетов. Вследствие уже упоминавшейся выше неправильной группировки Сибкрайстатотдела сюда не вошла целиком вся Елогуйская группа (т. е. одна из наиболее мощных в экономическом отношении групп), Верхотазовская, Дубчесская и 24 семьи Верхне-имбатской группы. Кроме того мною исключена еще одна семья, у которой преобладают так называемые разные доходы[1], чтобы не загромождать таблицу, и все оседлые. Таким образом предлагаемый ниже анализ относится лишь к $^{2}/_{3}$ учтенных переписью 1926/27 гг. кетов или в $^{1}/_{2}$ их общего предполагаемого количества. Так как число разбираемых хозяйств невелико, то, очевидно, действие закона больших чисел будет ослаблено, тем более, что и все кеты настолько немногочисленны, что статистическое изучение их особенно должно считаться с возможностью привходящих явлений, искажающих цифровые ряды, характеризующие их хозяйство.

Нижеследующая таблица показывает нам численное соотношение у кетов хозяйств с различной валовой доходностью, соотношение хозяйств с главным занятием — охота или рыболовство — внутри этих экономических групп, зависимость между валовым доходом и величиной семьи и обеспеченность разных экономических групп кетов охотничьим и рыболовным инвентарем и оленями. Надо иметь в виду, что данные как этой, так и других нижеследующих таблиц, если нет специальной оговорки, относятся лишь к кочевым кетам (см. таб. 21 на стр. 101).

Как и следовало ожидать, охота оказалась главным занятием у 82% кетских хозяйств, при чем более мощные в хозяйственном отношении группы доводят этот процент до 94 и 100[2]. Параллельно

---

[1] Разные доходы — это доходы от работы по найму на стороне, шаманство, извоз, кустарные промыслы и т. д.

Исключенная мною семья имела доход гл. обр. от службы — 840 р. в год, охоты — 335 р., рыболовства — 80 р.

[2] Не надо забывать, что в таблицу не вошла Елогуйская группа кетов, сплошь занимающаяся охотой.

Таблица 21

Хозяйство кетов по экономическим группам.

Группы по валовому доходу в год	Хозяйств в группе	Едок. на семью	Мужчин. работ. на семью	Хозяйств с гл. занят.		% с главн. занят. рыболовства	Ружей на хоз-ко	Рыболовный инвентарь						Оленеводство				
								Квадр. метр. неводов на 1 хозяйство		Квадр. метр. сетей на хозяйство		Крючков на хозяйство		% хозяйств. имеющ. оленей	У них оленей всего	% оленных у рыболовов	Оленей на хоз. у всех	Оленей на хоз. у рыболовов
				Охота	Рыболов.			Охот.	Рыб.	Охот.	Рыб.	Охот.	Рыб.					
101—250	5	5,0	1,0	—	5	100	1,8	—	96	—	176	—	246	—		—	—	
251—500	17	3,4	0,8	14	3	18	1,3	16	160	240	560	95	270	53	56	67	6	7
501—1000	57	4,3	1,0	43	14	24	2,0	44	176	260	540	265	192	33	181	50	10	8
1001—2500	49	5,8	1,5	46	3	6	2,8	40	180	268	396	264	280	34	221	100	13	6
2501 —	3	8,6	2,7	3	—	—	5,0	134	—	584	—	635	—	—	—	—	—	—
Итого	131	4,9	1,2	106	25	18	2,8	64		296		243		35	458	48	10	8

Примечание. Как в этой таблице, так и ниже под «сетями» подразумеваются главным образом так называемые пущальни и лишь в незначительной мере собственно сети.

с экономической мощностью хозяйства возрастает и количество его членов. Исключение представляет лишь группа пяти наиболее бедных, занимающихся исключительно рыболовством, хозяйств; состав семьи у них довольно велик, даже больше среднего по этой таблице (но меньше среднего по всем кочевым кетам). Так как и «бойцов» в хозяйстве у этой группы достаточно, то чрезвычайную бедность и односторонность хозяйства этих семей можно объяснить лишь их прошлым закабалением у русских кулаков.

Количество охотничьих хозяйств увеличивается очень равномерно, давая максимум в группе с доходом от 1001 до 2500 рублей. У рыболовов[1] эта закономерность отсутствует, максимальное количество хозяйств у них приходится на группу с более низким доходом (от 500 до 1000).

Обеспеченность рыболовным инвентарем у рыболовов вполне естественно выше, чем у охотников, но в то время как у охотников мы видим параллельное увеличение количества всех видов снастей с увеличением общей мощности хозяйства и количества «бойцов» в нем, у рыболовов наблюдается в этом отношении некоторый разнобой. Очевидно, сказывается на материале малочисленность этой группы хозяйств. Зато характерен скачок вверх у самой зажиточной группы, несмотря на то, что она является охотничьей.

По обеспеченности ружьями мы видим равномерное возрастание их количества в хозяйстве параллельно увеличению количества «бойцов».

Наконец данные об оленеводстве свидетельствуют об относительно большем его развитии у рыболовов, что и понятно, так как рыболовы-кеты преимущественно живут севернее, входят гл. образом в Северную территориальную группу, где оленеводство больше развито (см. выше). Но самые размеры оленеводства у рыболовов меньше, чем у охотников. Количество оленей на хозяйство хотя и увеличивается с увеличением его общей мощности, но отстает от последней. Самый % хозяйств, имеющих оленей, изменяется неравномерно вследствие разной величины группы. Но если мы возьмем абсолютные цифры, то увидим, что в группе с доходом от 251 до 500 — 9 оленных хозяйств, в группе 501-1000 — 18 и в группе от 1001 до 2500 — 17 хозяйств. При этом хозяйство выше упоминавшегося Дибикова Колыя попало в группу 501 — 1000 благодаря тому, что последний скрыл свои нетрудовые доходы. Поэтому правильнее будет считать состав групп оленеводов в следующем виде: 9 — 17 — 18. Из 458 взрослых оленей, зарегистрированных у кетов, группа с доходом от 1001 — 2500 владеет 221, а если прибавить сюда оленей, зарегистрированных у Колыя (минимум 60 взрослых «зверей»), то мы получим цифры (с округлением) 280, т. е. 41 % оленных хозяйств владеет 61 % поголовья оленей. Конечно, эти данные не идут ни в какое сравнение хотя бы с нганасанами,

---

[1] Рыболовами и охотниками здесь называются кетские хозяйства смотря по тому, какая отрасль их хозяйственной деятельности дает им больше дохода.

где 10% хозяйств владеет 52% оленей или 40% хозяйств—86% оленей и имеется кучка полуфеодалов, составляющая 3,8% населения и владеющая 40% оленей. Но некоторую концентрацию оленей у более зажиточной части кетов нельзя не отметить. Кроме того следует отметить два обстоятельства. Сюда не вошла Елогуйская группа, весьма оленная и довольно зажиточная. Присоединение данных этой группы несомненно еще увеличило бы удельный вес более зажиточных во владении оленями. Во-вторых, почти сплошь безоленная и в тоже время весьма зажиточная Подкаменно-тунгусская группа тоже уменьшает % оленных и удельный вес более зажиточных групп в оленеводстве кетов. Можно поэтому резюмировать, что оленеводство кетов хотя распространено в территориальных группах с меньшим сравнительно доходом на хозяйство, но зато в пределах этих групп распространено у более зажиточной части кетов.

Следующая таблица дает представление о разных дополнительных моментах, характеризующих экономические группы кетов:

Таблица 22

Группы по доходн.	Товарность в %						Коопер.			Кредит			Задолженность			
	Продано пушнины			Продано рыбы			Кооперир. в %			Пользов. кред. в 26 г.			Охотники		Рыболовы	
	У всех кетов	У охотников	У рыболовов	У всех кетов	У охотников	У рыболовов	У всех кетов	У охотников	У рыболовов	Из всех кетов	Из охотников	Из рыболовов	Имело долг % хозяйств	Руб. на хоз.	Имело долг % хозяйств	Руб. на хоз.
101—250[1]	—	—	—	5,5	—	5,5	80	-	80	100	—	100			100	300
251—500	96	98	84	16	7	33	70	64	100	60	72	—	85	152	66	28
501—1000	95	96	94	24	7	39	65	60	79	65	70	50	77	334	57	132
1001—2500	94	94	94	12	5	56	58	55	100	76	77	100	85	243	100	228
2501 и выше	88	88	—	2	2	—	100	100	—	100	100	—	66	215	—	—

Странное на первый взгляд явление, заключающееся в том, что и у рыболовов и у охотников процент сданной пушнины понижается с увеличением мощности хозяйства, объясняется следующим: более мощные хозяйства могут не торопиться со сдачей пушнины, ожидая более благоприятных цен, подвоза необходимых товаров и т. п., поэтому перепись и отметила у них более низкий % товарности, хотя фактически товарность их хозяйства не ниже, чем у остальных групп. Что касается снижения % товарности у группы рыболовов

[1] Эта группа охотится лишь на птицу, поэтому сдача пушнины у нее не регистрировалась.

с доходом от 251 — 500 руб., то причина этого явления лежит в том, что эту группу хозяйств образуют преимущественно кеты самой северной б. Дудинской волости, которые часть добытой пушнины потребляют в своем хозяйстве (шкуры диких оленей, не вышедших песцов).

Данные о товарности рыболовства показывают потребительский характер его у большинства кетов-охотников, особенно у высших их групп и, наоборот, возрастание проц. товарности продукции рыболовства от низших групп рыболовов к высшим. Наиболее мощные рыбацкие хозяйства добывают рыбу уже преимущественно для продажи.

Данные о кооперированности показывают снижение кооперированности с увеличением доходности у охотников и почти сплошную кооперированность рыболовов. Исключение представляют лишь 3 самых зажиточных семьи. Они все кооперированы.

В отношении пользования кредитом мы видим, что им пользовались зажиточные в большей степени, чем бедняки (исключение представляет самая бедная группа кетов, которые все пользовались кредитом). Это есть грубое искривление классовой линии в деле кредитования на момент переписи 1926—27 гг.

Задолженность к моменту переписи обнаруживает большое разнообразие, в котором трудно уловить какую-либо общую тенденцию. Сказывается, повидимому, борьба двух линий: стремление кредитовать бедноту для укрепления слабого хозяйства последних, а с другой стороны — в виду того, что кредит дается обычно под пушнину или (на севере) рыбу, то широко кредитовались и «лучшие» охотники. Кроме того некоторые более слабые, но все же пользующиеся порядочным кредитом хозяйства, иногда затруднялись его погасить. Все это приводило к тому, что остаток долгов на день переписи и давал такую смешанную картину.

Потребление кетов характеризует следующий материал.

Таблица 23.

Покупка товаров кетами по экономическим группам на едока.

Группы по доходу	Ржаная мука кг	Пшенич. мука кг	Сушки кг	Масло кг	Чай кг	Сахар кг	Табак кг	Соль пуд	Сукно м	Ситец м	Всего куплено на сумму: У всех	У охотник.	У рыболов.
101—250	131	59	4,0	7,0	2.6	5,0	3,0	13,0	1.9		72	—	72
251—500	154	83	4,6	4,0	2,3	3.6	3,5	8,0	0,3	6,4	73	82	67
501—1000	188	59	10,0	7,0	3.0	5,8	3,6	11,0	0,7	10,2	93	98	76
1001—2500	152	57	9,0	9,4	2,6	5,4	3,2	8,0	1,0	10,9	82	91	68
2501 и св.	130	93	10,8	10,8	2,3	9,2	2.5	10,0	1.6	10,2	95	95	—

Мы видим, что основные продукты питания (ржаная мука, чай) потребляются в низших группах иногда даже в больших количествах, чем в высших. Такое странное на первый взгляд явление объясняется ролью кредита, который в общем все же поддерживал бедноту в покупке основных (более дешевых) предметов питания. Зажиточные зато выделяются потреблением более дорогих продуктов, как пшеничная мука, масло, сушки и сахар.

Табак и соль потребляются почти одинаково. Потребление ситца вообще незначительно, а покупка сукна быстро возрастает от низших групп к высшим. Исключение представляют наиболее бедные 5 семей, которые превосходят всех в отношении покупки сукна. Здесь сказывается, повидимому, влияние кредита, который им оказывают государственные заготовительные организации. Стоимость покупок показывает значительный разнобой, объясняемый недостатками переписи, но в общем все же оказывается, что рыболовы потребляют меньше, чем охотники. Даже высшая группа рыболовов покупает меньше, чем низшая группа охотников. Но питание даже низшей группы кетов можно считать удовлетворительным, т. к., имея свою рыбу, они потребляют до 190 *кг* муки в год на душу, плюс сушки, масло и т. п. Я не привожу сравнения потребления кетов с потреблением русских, т. к. данные будут несравнимы, ибо русские потребляют много неучтенной продукции своего животноводства. Но выше мы видели сравнение общего дохода кетов с доходом других народностей севера, что дает нам представление об их покупательной способности, а в смысле удобства подвоза к ним «русских» товаров кеты занимают одно из самых благоприятных на севере положений.

Должен отметить, что покупка товаров кетами, по данным переписи 1926—27 гг., значительно отстает от их учтенного той же переписью дохода.

Таблица 24.

Приход и расход кет. хозяйства (по данным переписи 1926—27 гг.).

Экономич. группы кетов	Средний доход на семью	Средняя покупка товаров на семью
101 — 250	158	425
251 — 500	394	259
501 — 1000	764	452
1001 — 2500	1395	607
2501 и больше	3003	1012

Отчасти этот разрыв объясняется тем, что часть доходов 1925—26 гг., как года хорошего «урожая» белки шла на покрытие задолженности. Подкаменно-тунгусские кеты, например, в среднем погасили по 200 рублей на семью. Но этого, конечно, мало для объяснения этого расхождения между доходом и покупкой. Нельзя отрицать, что покупка товаров была учтена неполностью. В нее не вошла масса разной мелочи, предметов «роскоши» и т. п., покупаемых главным образом более зажиточными. Но и ряд покупок, играющих важную роль в бюджете, как кожа, посуда тоже иногда не учитывались. Также нельзя скрывать того факта, что несмотря на запрещение ввозить водку в Туруханский край, ее туда все-таки доставляют. Д-р Финдейзен, живший у кетов летом 1927 года, подробно описывает как проплывают илимки спекулянтов спиртовозов вдоль кетских стойбищ и как происходят вслед за этим многодневные пьянки кетов[1]. Автору в 1926 году приходилось наблюдать как лагерь кетов из 50 хозяйств близ с. Подкаменной Тунгуски был поголовно пьян в течение 2-х дней[2]. Как неучтенная покупка товаров, так и водка в бедняцких и середняцких хозяйствах кетов должна, повидимому, уравновешивать приход и расход. Но, очевидно, в зажиточных группах и эти покупки не сбалансируют бюджета и мы с уверенностью можем предполагать, что здесь происходил процесс своего рода первоначального накопления, подготовлявший почву для образования слоя национального кулачества кетов. Данные о приходе и расходе 5 бедняцких хозяйств кетов с доходом от 101 до 250 показывают, что в 1926 году эти хозяйства существовали еще главным образом за счет оказываемого им кредита.

Таким образом хотя кеты являются народом безоленных (в большей части) кочевых охотников, экономическая дифференциация делит их на ряд групп, неравных по мощности хозяйства, и вытекающему из этого жизненному уровню. В этом нет ничего удивительного. Стадия первобытного коммунизма кетами давно пройдена. От нее сохранились лишь пережитки в виде равного дележа рыбы при ловле артелями и кое какой взаимопомощи внутри рода[3]. Частная же собственность на орудия производства у кетов как и везде, создает предпосылки для социального неравенства.

* * *

По данным переписи 1926—27 гг. распределение кочевых народов советского севера по % хозяйств, зарегистрировавших открытое применение наемного труда в них, представляло следующую картину.

---

[1] D-r Haus Findeisen. Reisen und Forschungen in Nordsibirien. Berlin. 1929, стр. 14—17.

[2] Но есть целые семьи кетов не пьющие и не курящие.

[3] Например, общественная постройка илимки женившемуся члену рода или соседу.

Таблица 25

Народы	% дохода от оленеводства	% хозяйств, применяющих наемную рабсилу
Коми (зыряне) .	79	27,0
Луораветлан (чукчи)	71	12.0
Нымыллан (коряки) .	59	19.0
Эвены (ламуты)	47	4,0
Ненцы (самоеды)	42	6,0
Якуты .	24	6,5
Долганы	19	5.5
Эвенки (тунгусы)	17	2.7
Селькупы (остяко-самоеды)	6	0,1
Кеты	3	0.0

Несмотря на отдельные, вполне объяснимые, прорывы общая тенденция связи, интенсивности занятия оленеводством и найма рабочей силы несомненна.

Но совершенно неверным следует считать полное отсутствие хозяйств, применяющих наемную рабочую силу у кетов и приуменьшение их числа у селькупов (остяко-самоедов) и у эвенков.

По данным Скалона, на 90 хозяйств верхне-тазовского тузсовета и бассейна р. Толь-кы приходится 5 кулацких хозяйств, из них одно кетское (Осипа Ирикова), в котором работало одновременно два батрака кета.

Верхотазовские кеты, представляя наиболее мощную по развитию оленеводства группу кетов, имеют и наиболее ярко отдифференцированные кулацкие элементы.

Несомненным является существование батраков и в других оленеводческих группах кетов. Только благодаря меньшему развитию оленеводства, выявление кулацких хозяйств в них более затруднено вследствие распространения по преимуществу скрытых форм эксплоатации чужого труда, а также эксплоатации путем торгово-посреднических операций. В отдельных случаях даже очень малооленные кеты (например, лишенный в настоящее время избирательных прав черноостровский кет Дибиков Михаил) нанимали оленей у русских купцов, снаряжали аргиш с товарами в тайгу и там торговали.

Мощные же по кетским масштабам оленеводы как Дибиков Колый и Ириков Осип, а также селькупские кулаки (Каргачев Ефрем, Каргачев Михаил, Кунин Ефим и др.) выходили на фактории, а до этого к купцам, на 20—40 нартах каждый, совершая заброски промышленных товаров для продажи на сотни кило-

метров вглубь тайги. В некоторых случаях такие посредники являлись постоянными агентами определенных русских купцов.

Значительно меньше кулацких элементов, а также более затруднено их выявление у пеших кетов. Обычно конкретные случаи эксплоатации кетов имеют тоже форму спекуляции предметами первой необходимости зимой в тайге, когда в них начинается ощущаться недостаток. В других случаях они облачены в форму опекунства или даже взаимопомощи.

Даже немецкий буржуазный исследователь д-р Финдейзен, правда мимоходом, отмечает наличие таких форм эксплоатации. «Маленький, приятный 15-летний Канган сидел вечером в нашей палатке. Он одна из симпатичнейших фигур у остяков. Вместе со своим тринадцатилетним братом он живет у Игнатия и помогает во всех попадающихся работах. В первую же очередь он является нянькой и выполняет свои обязанности с неизменной веселостью и охотой».

Сквозь сентиментальные строки д-ра Финдейзена проглядывает конкретный факт эксплоатации подростка. Обладая частной собственностью на орудия производства и пешие кеты не могли не установить эксплоататорских отношений. От других народов севера пешие кеты отличаются гл. образом именно наличием скрытых форм эксплоатации, т. к. открытые были монополизированы до последнего времени русским кулачеством.

Русский завоеватель, осев близ безоленных кетов, превратился здесь не только в торговца-хищника, но и в кулака-эксплоататора, выжимавшего прибавочную стоимость у кетов не только путем «торговли», но и путем непосредственной эксплоатации труда кетов.

Вся история кетов с начала XVII века заключается в непрерывном развитии и углублении форм эксплоатации кетов русским кулаком.

Начало этому процессу положил еще известный нам Цапаня, орудовавший по Енисею между Дубчесом и Туруханском в 20-х годах XVII века.

В дальнейшем Цапаню сменили не менее «достойные» преемники, продолжавшие дело ограбления кетов. Способы выжимания прибавочной стоимости из кетов были чрезвычайно разнообразны. В первую очередь это была так называемая «торговля» с туземцами, самый распространенный, применявшийся не к одним лишь кетам, способ обирания туземцев.

Но в отношении кетов применялся и способ непосредственной эксплоатации их рабочей силы. Наиболее часто практиковалась наемка на неводьбу.

Кеты ездили со своими хозяевами неводить даже в устья Енисея. Туземцев предпочитали русским, как более сговорчивых и дешевых рабочих.

Кроме того низкая ступень хозяйственного и культурного развития туземцев позволяла применять с целью их эксплоатации

такие ужасающие приемы, какие по отношению к европейцам (русским) все же не всегда были допустимы. Художественное описание отдельных эпизодов из «деятельности» русских купцов в низовьях Енисея можно найти в книжке Передольского (особенно в конце) «Быт енисейских остяков». Без преувеличения можно сказать, что в методах эксплоатации туземцев на рыбных промыслах устьев Енисея оживали, в своеобразной северной окраске, времена первоначального накопления в колониях с их беспощадными «рыцарями легкой наживы».

Вот официальное донесение царского «либерального» чиновника об эксплоатации туземцев Туруханского края (в том числе, а вернее главным образом кетов) на рыбных промыслах в низовой части Енисея[1].

«Обстановка» инородческих неводов и эксплоатация инородцев русскими.

Производством рыбного промысла в Туруханском крае занято почти исключительно местное население—крестьяне и инородцы. Большинство крестьян ведет промысел самостоятельно, большинство же инородцев несамостоятельно, находясь в зависимости и получая от предпринимателей из богатых крестьян, казаков, ссыльных и проч. «обстановку»—съестные припасы, хлеб, чай, товары, часто самые невода и лодки.

Самая высокая степень несамостоятельности и зависимости от промышленников, от разного рода предпринимателей наблюдается у инородцев, производящих рыбную ловлю чужими неводами. Приведу сведения о характере этого рода сделок между инородцами и хозяевами «давальцами» или «кормильцами».

Привожу эти сведения на основании показаний одного из таких «кормильцев», крестьянина станка Селякинского Кочнева, при чем справедливость заставляет меня оговориться, что Кочнев не только не исключение, не какой-нибудь изверг рода человеческого, а самый обыкновенный туруханский торговец. Кочнев дает осенью и весною инородческой семье или артели:

Конопли на средний невод 1 пуд. считая цены на пароходах	—5 р.
Мешечного холста 100 арш. по 10 коп.	10 р.
Спуску (бичевы) 3 пуда по 8 р.	24 р.
Пряжи для починки невода 10 ф. по 30 коп.	3 р.
Лодку рыболовную	25 р.
	67 р.

Прибавим к этой сумме еще для круглого счета 3 р. на мелочи, например, на водку для угощения инородца при заключении сделки.

[1] Докладная записка секретаря енисейского губернского статистического комитета П. Е. Кулакова. О состоянии рыбного промысла в низовьях Енисея. (Штамп 11 дек. 1897 г.). Иркутское краев. архивное бюро. Дело 38/1910 № 6.

За все это он получает от туземца половину всего их улова рыбы. А так как на каждый невод налавливается рыбы на сумму от 160 до 400 руб., а в среднем на 280 рублей, то на долю давальца придется 140 рублей. Сто сорок рублей за 70 рублей. Но это еще не все. Все время производства, весною, до тех пор пока начинается лов для приезжих засольщиков и осенью после отхода пароходов туземцы ловят рыбу для своего пропитания и из этой рыбы также отдают половину хозяину своему Кочневу...а ее тоже бывает не мало, так как туземцы питаются это время почти одной рыбой и кроме того должны заготовить... значительное количество ее для зимнего своего продовольствия... Этим еще не кончается эксплоатация туземного труда.

Туземцы сдают рыбу засольщику, а все расчеты за всю рыбу рыботорговцами совершают тоже хозяева. Их хищным инстинктам нет границ и жалости к инородцу, «азиятцу» и «тварине», у них тоже нет. С другой стороны туземец часто даже не знает цены, по которой сдают его рыбу на пароход, он не может более или менее точно определить количество добытой им рыбы, наконец, он просто счета не знает. Почва для обмера, обвеса, обмана и всякого надувательства самая благоприятная... Пароход ушел, туземец ничего не купил для себя на пароходе, он тогда не получил еще денег от хозяина. От той незначительной доли денег, которая досталась трудившимся рыболовам-туземцам, отделяется часть долга, так как всякий туземец всегда должен обставляющему его русскому. Обыкновенно долг не покрывается этими деньгами. Затем в долг же выдаются мука, чай и проч. Это начинается «обстановка» на новый год. Мука, которая только что на пароходе стоила рубль 10 коп. ставится в 2 рубля и т. д.... Поэтому все туземцы... имеют долги, значительная часть находится в неоплатном долгу. Я опросил более ста рыбопромышленников из туземцев—самоедов, юраков, долган и остяков. Между ними не было ни одного, который не был бы в долгу у русских... Я должен прибавить, что не всегда невод и лодка после летней операции остаются в полной собственности инородцев, а что очень часто (у Владимирова, Сотникова, Иванова и др.) невод по окончании операции поступает снова к давальцу для того, чтобы в следующем году, немного исправленный он сослужил ему ту же службу [1]. Даже более самостоятельные промышленники из туземцев и крестьян, имеющие собственные невода, находятся в полной зависимости от скупщиков рыбы. И эта зависимость гл. обр. происходит от того, что промышленнику некуда сдавать рыбу иначе как на пароход или лодку и не откуда получить товар иначе как оттуда же.

---

[1] Тот же Кулаков так, эпическим тоном, повествует о необходимости эксплоатации туземцев для «нормального» функционирования русского (кулацкого) хозяйства в Туруханском крае: потребности русского крестьянского населения удовлетворяются и при помощи того незначительного промысла (имеется в виду рыболовство. Б. Д.), который теперь производится и они будут удовлетворяться пока существуют инородцы и пока эти инородцы дают русским все средства к существованию».

К моменту производства переписи 1926/27 гг. крылья кулачества были в значительной степени подрезаны и из осторожности кулаки случаев таких экономических отношений не указывали. Но мне известен случай поездки на неводьбу владельца невода с кетами работниками еще в 1925 году. Добыча была разделена как обычно: хозяин невода—русский—получил половину улова, а трое кетов—другую. Харчи, проезд и т. п. кетами уплачивались из своих средств. Теперь становится понятным присутствие сотен кв. метров неводов у русских кулаков (см. выше) Туруханского края. Обобранному тунгусниками туземцу не оставалось больше ничего делать, как итти к нему же в батраки на неводьбу.

Наконец последним видом эксплоатации кетов было «наймование» «за хлеб» на разные другие работы. Женщины-кетки часто шили у русских. По Передольскому все кетские девушки работали у русских и в стойбищах их не оставалось. Некоторые кеты жили у русских кулаков в качестве постоянных рабочих или отбывали за них почтовую гоньбу на станках[1]. По данным Доброво-Ядринцевой *из 45 семей кетов, кочующих близ села Верхне-Имбатского, «15 работало у русских на покосах и 5 плавало на рыбные промысла в низовья Енисея в качестве наемной силы у русских предпринимателей», т. е. батрачило у русских кулаков 45% верхне-имбатских кетов.*

Мы действительно видим, что русские капиталистические элементы играли у кетов роль не только торговца-посредника, эксплоатировавшего их под маской получения т. н. коммерческой прибыли, но являлись и непосредственными эксплоататорами рабочей силы кетов, в то время как у других туземцев эксплоатация труда «своих» бедняков производилась по большей части туземными же богачами, а русские торговцы продолжали оставаться в известной степени пришлым, посторонним элементом, не вмешивающимся в производственные отношения внутри племени.

Специфически туземным социальным явлением является шаманство. Являясь пережитком первобытной магии, выделившей из родовой общины лиц, обладающих будто бы магической, хозяйственно полезной силой и поэтому ставших в привилегированное положение к остальным членам общины, шаманство, с развитием родового строя, включило в себя представление о духах предков, наполняющих мир и влияющих на людские дела. В таком виде, несколько лишь модифицируясь, шаманство дожило до наших дней, превратившись в религиозно-идеологическую надстройку классового общества туземцев северной Азии.

С развитием на севере капиталистических отношений шаманство стало вырождаться, но оказалось достаточно живучим, чтобы до поры до времени держать в своих лапах не одно только сознание отсталых групп туземцев. Шаманство везде поддерживает

[1] Наприм., бывший в 1926 г. членом родового совета кет Алексей Дмитриевич Каменский.

эксплоататорские классы туземцев, идеологически освящая их экономическое господство.

Поэтому шаманство необходимо считать представителем одной из тех антисоветских сил, которые тормозят дело социалистической реконструкции хозяйства туземцев севера. Наиболее социально вредную роль играют шаманы-профессионалы, имеющие значительные нетрудовые доходы в виде «гонораров» за свои сеансы «лечения» или гадания.

Среди подкаменно-тунгусских кетов выявлено и лишено избирательных прав четыре шамана-профессионала. Трое из них были главами семей, а один, двадцатилетний парень, членом зажиточного хозяйства.

У одного из них, Василия Мосейкина, бывшего, кстати, в качестве своеобразного экспоната на сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве, ежегодный доход от шаманства был определен мною в 1926 г. в 350 рублей.

* * *

Утром в 20-х числах июня 1926 г. я шел от деревни Подкаменная Тунгуска к кетскому стойбищу. Какие-то глухие удары раздавались в лесу. Один за другим с рокочущим гулом неслись они по воздуху и вдруг прекращались и лишь оставался шум в раздраженном ухе. Но едва оно привыкало к тишине, как снова словно прорывалось что-то и опять разносился гул над безлюдным берегом. Казалось, что кто-то невидимый неподалеку в кустах бьет в большой турецкий барабан.

Я пошел прямо в лес на этот глухой рокот. В мелком ельничке едва пробивалась сквозь слой пожелтевшей хвои и шишек, осыпавшей ровную, песчаную землю, зеленая трава. В одной ложбине сохранился с зимы даже почерневший, тающий завал снега. Лавируя между редкими молодыми елями и соснами, я услышал знакомые горловые звуки кетского пения, смешанные с грохотом и гулом ударов.

Шагов через полтораста из-за стены елок передо мной выросли очертания берестяной юрты. Она стояла со всех сторон окруженная порослью и только вершина ее была освещена солнцем и удары гремели теперь прямо передо мной за ее тонкой берестяной покрышкой.

Несколько минут я простоял в нерешительности. Кто его знает: разрешают ли туземцы вообще русским присутствовать на религиозных обрядах, да и удобно ли без приглашения залезать в чужое жилище?

Пока я так стоял, подошло два кета. Один из них сразу нырнул в юрту, другой же остановился, чтобы дать ему пройти. В нем я узнал знакомого парня.

«Здравствуйте» — вежливо сказал он.

«Здорово» — протянул я руку. «Не можешь ли ты узнать, — спросил я показывая на юрту, — разрешат ли мне посмотреть, что они там делают?»

Парень удивился видно даже самой постановке вопроса.

«Заходите пожалуйста. Они даже довольны будут, что вы пришли к ним посмотреть» и он поднял покрышку юрты, чтобы мне удобнее было залезть.

Чувствуя себя немного глупо, как если бы незванный полез в окно на чужое семейное торжество, не глядя ни на кого я уселся в юрте, поджав под себя ноги. Мой знакомый проскользнул вслед за мной и сел поодаль на свободном месте.

В юрте было совершенно светло благодаря широкому отверстию вверху, так что даже ясно были видны швы на бледно-желтых ее покрышках.

Звуки, привлекшие меня и оглушающе заполнявшие всю юрту, раздавались от большого бубна, в который сосредоточенно бил угрюмый широколицый кет.

Посреди юрты стоял шаман Васька Мосейкин в полном своем «облачении», с железной рогатой короной на голове и издавал горловые звуки, подхватываемые остальными присутствовавшими.

Голова Васьки была высоко поднята кверху, так что хорошо были видны волосатые ноздри. Здоровое лицо его было серьезно, как у всякого делающего тяжелую физическую работу человека, но какого-либо особого экстаза я не заметил.

Он притоптывал в такт пению ногами и потрясал железными и медными украшениями своего костюма. Бубен гудел без остановки и я заметил на себе странное гипнотизирующее действие его ритма и пения шамана. Совсем неожиданно я поймал себя на том, что также как и кеты покачиваюсь в такт ударам всем корпусом и отбиваю такт рукой по колену. Сдержав себя, я постарался сидеть спокойно. Но через несколько минут легкое головокружение дало знать, что корпус мой опять описывает круги.

Что то странное и дикое было в этом страстном, гортанном вибрировании горлом, заменявшим пение, в этом грохоте бубна и подпрыгивающей с металлическим бряканием фигуре в прохладном, просвечивающем берестяном чуме.

Сухая наука этнографии Сибири неожиданно ожила в этом анимистическом ритуале, отражавшем первые ступени миросозерцания людей.

Вдруг как будто что-то оборвалось. Это замолк бубен. Кет, бивший в него, протянул его мне. После моего отрицательного жеста, его взял мой знакомый. Старательно установил огромный круг бубна на своем левом колене и забил юношески частыми, сильными ударами. Видно, что это было для парня развлечением в однообразной таежной жизни. Бубен уже не гудел мрачно и протяжно, а гремел отрывисто и весело. Удар догонял удар. Казалось, что старый шаманский бубен бросал вызов небу.

Шаман же проделывал церемонию бросания лопаточки. Я заметил, что он бросал ее большею частью грузному жидковолосому кету в розовой ситцевой рубахе или старообразной болезненной женщине, сидевшей положив голову на ладонь, опертой о колено

руки. Кет сидел боком к присутствовавшим и как-то устало каждый раз возвращал шаману упавшую возле него обитую с одной стороны шкуркой изогнутую лопаточку.

Пока я разглядывал его и других присутствовавших, Васька-шаман сел и, положив возле себя на землю свою корону, вытирал пот с лица коричневым кожаным рукавом облачения.

Своим низким голосом он что-то говорил кетам и вдруг, повернувшись ко мне, сказал по-русски:

«Вот я им говорю. Скоро придет маленькая лодка с железными крыльями. Будет ходить по Енисею, будет громко реветь, а летать не будет, хоть и с крыльями».

Повидимому, у меня был недоверчивый вид, потому что он прибавил:

«Я верно говорю. Так будет».

Другой какой-то кет наклонился ко мне и тоном, в котором сквозило глубокое доверие, сказал:

«Верно, парень—так будет. Он нам давно сказал, что будут ставить железные столбы и смотри—теперь все опутано железом».

Сперва я не понял в чем дело, но потом сообразил, что кет имел в виду Подкаменно-тунгусскую радиостанцию, с ее мачтой и проволочными винтами. Что касается слов Васьки, я истолковал их так, что он видел, очевидно, в Москве, что-нибудь вроде глиссера и решил блеснуть своими познаниями перед сородичами, а в случае, если на Енисее действительно появятся глиссеры, лишний раз упрочить свою славу провидца.

Поговорив, Васька надел было свою корону, но сразу быстро снял, удивленно посмотрел на нее и, перевернув ее другой стороной вперед, обоими руками надвинул на голову. Звеня подвесками, он встал и сразу затянул свой гортанный, гипнотизирующий мотив. В ту же минуту снова ухнул бубен.

Теперь Васька сразу взял быстрый темп. Медные украшения на нем звякали, ноги в мягкой самодельной замшевой обуви глухо топали по земле и все сливалось с грохотом бубна и возгласами кетов.

На минуту остановившись, шаман взял бубен сам и в его опытных руках он загремел с новой энергией и силой и другими интонациями, как изменяется звук любого музыкального инструмента, когда за него берется профессионал.

Постепенно удары бубна становились реже. Васька уже стоял на месте и только продолжал петь свой странный мотив.

Неожиданно для меня он остановился, положил бубен, бросил что-то по-кетски, снял корону, сел и стал развязывать завязки на щиколотках. Сеанс был окончен.

Кет в ситцевой рубахе бросил ему связку белок. Впоследствии я узнал, что Васька в этот день «лечил» жену этого кета и получил за одно камлание 40 белок и 8 метров мануфактуры.

Несмотря на жадность В. Мосейкина (его кетское имя Дерьит), о чем кеты говорили открыто, тогда в 1926 г., последний тем не

менее пользовался большим влиянием среди кетов. С него пришлось начать приполярную перепись и только когда он был зарегистрирован, стали приходить другие кеты. Также для того, чтобы привить кетам оспу, сперва пришлось эту операцию проделать над В. Каменским, после чего все кеты наперебой стали просить привить ее и им, хотя до этого все они от прививки оспы отказывались.

* *

Четыре хозяйства, имеющие в своем составе шаманов, составляют 6,9% всех хозяйств Подкаменно-тунгусской группы. Этот % шаманов не ниже и в других территориальных группах. По Львову на Елогуе в каждом четвертом или пятом чуме есть шаман.

Такое большое количество шаманов требует тщательного изучения шаманства у кетов, как социального явления и различения шаманов профессионалов от шаманов случайных. В борьбе с шаманством последнего типа ставку надо делать главным образом на развертывание массовой культурно-просветительной и антирелигиозной работы.

Шаманство не составляет привилегии отдельных семей. У эвенков, правда, шаманство передается через поколение.

У кетов этого вопроса выяснить мне не удалось. Помню лишь случай, когда в семье одного кета я увидел ребенка-мальчика лет трех, который поразил меня своим ранним развитием и нервностью. Я высказал предположение, что он будет шаманом, с чем отец мальчика согласился, добавив, что шаманы именно и вырастают из таких детей.

Соотношение разных социальных групп у кетов может быть показано лишь по двум из них: Подкаменно-тунгусской и Верхотазовской. По остальным в нашем распоряжении нет необходимых данных. Но сравнение социального лица вышеупомянутых двух групп особенно интересно, так как они являются представителями диаметрально противоположных хозяйственных укладов: Подкаменно-тунгусская—безоленного, пешего, а Верхне-тазовская — с наибольшим у кетов развитием оленеводства.

На Тазу Скалон относит к беднякам все хозяйства, имеющие менее 16 оленей, за исключением двух батрацких. Хозяйства, имеющие более 16 оленей, являются середняцкими, кроме 1-го кулацкого (Осипа Ирикова) и 1-го зажиточного (В. Ирикова). Особо стоит хозяйство шамана, по экономическим показателям могущее быть отнесенным к середняцкой группе.

Шестнадцать—двадцать оленей являются тем минимумом, без которого оленное хозяйство таежной зоны не может совершать кочевки, обслуживать охотпромысел, самостоятельно выходить на фактории и т. д. Поэтому мы берем его за основу. Отнесение хозяйства О. Ирикова к кулацким не вызывает сомнения при наличии в нем двух постоянных батраков мужчин, замаскированной батрачки

в виде второй жены[1] и широких торговых операций. Наконец зажиточное хозяйство с его 59 оленями, не применяющее наемного труда, но являясь экономически совершенно самостоятельным, обеспечивает регулярное воспроизводство своего табуна внутри хозяйства и, хотя регулярно убивает оленей на мясо,—не нуждается в покупке оленей, чем отличается от большей части остальных середняцких хозяйств, нуждающихся в пополнении своего фонда со стороны.

На Подкаменной Тунгуске, в виду отсутствия там оленей, пришлось группировать хозяйства по валовому доходу. Хозяйства с доходом менее среднего по группе (в пределах от 250 р. до 750 р.) отнесены нами к беднякам. Хозяйства с доходом от 751 р. до 2000 отнесены к середнякам, т. к. средний доход середняков при такой группировке равен 1156 рублям, т. е. близок к среднему доходу по всей Подкаменно-тунгусской группе (1195 р.). Хозяйства с доходом от 2000 рублей и выше отнесены к зажиточным. Особо также выделены хозяйства шаманов.

При такой группировке социальная структура обоих территориальных групп имеет следующий вид:

Таблица 26

	Верхо-тазовская группа		Подкаменно-тунгусская группа	
	Численность	%	Численность	%
Кулаков	1	5,0	—	—
Зажиточных	1	5,0	6	10,4
Середняков	9	45,0	34	58,6
Бедняков	6	30,0	14	24,1
Батраков	2	10,0	—	—
Шаманов	1	5,0	4	6,9

Поскольку экономика Подкаменно-тунгусской группы вследствие ее безоленности представляет исключительное явление, то данные по ней представляют интерес лишь как отображение наиболее примитивной социальной структуры на нашем севере. Благоприятные экономические условия, созданные для трудящегося туземного населения, устранение кулацко-купеческой кабалы обеспечили подкаменно-тунгусским кетам переход большей части их в число середняков и зажиточных. Наличие значительного количества зажиточных хозяйств, хорошо обеспеченных в частности рыболовным

[1] Это единственный случай многоженства у кетов, осуждаемый всем их общественным мнением и явившийся в результате бытовой ассимиляции верхотазовской группы кетов с селькупами, у которых полигамия, как и у остальных «самоедских» народов, в прошлом имела некоторое распространение.

инвентарем, создавало опасность перерастания части их в кулацкие хозяйства, опасность тем более реальную, что главное препятствие на этом пути — русский кулак — от эксплоатации кетов оказался устраненным. Коллективизация подкаменно-тунгусских кетов должна предотвратить эту опасность перерастания зажиточной части их в слой национального кулачества.

Для остальных оленеводческих групп кетов типичной должна являтся социальная структура верхотазовских кетов.

При этом на Севере у курейских кетов производственной базой кулацких хозяйств может являться не только оленеводство, но и рыболовство, что тем более вероятно, так как в этом районе мощность рыболовческих хозяйств превышает охотничьи, а рыболовство само по себе, как технический процесс, способствует образованию хозяйств с дорогостоющими орудиями производства (невода, лодки, ярусы), требовавшие в капиталистических условиях наемного труда, без которого снасти превращаются в мертвый капитал и вследствие развивающихся в пряже процессов гниения, быстро обесцениваются [1].

Выше нами упоминалось о двух кулацких хозяйствах в Верхнеимбатской группе (Дибиковых Колыя и Михаила). Если даже предположить, что помимо их в этой группе кулацких хозяйств больше не было и то % последних будет равен 3,5. Таким образом в оленеводческих группах кетов, составляющих 76,8% всего народа, помимо шаманов, выявляется эксплоататорская кулацкая прослойка—минимум в 3,5—5,0% к общему числу хозяйств, опровергающая представление о кетах, могущее сложиться вследствие излишнего доверия к материалам переписи 1926—27 гг., как о народе, не имеющем эксплоататорских отношений внутри себя. К такому, и по нашему мнению неверному, заключению пришел в частности П. Е. Терлецкий («Население крайнего севера». Лнгд, 1932 г., стр. 41). Хозяйство О. Ирикова с его двумя постоянными батраками опровергает такие предположения.

---

[1] Этому не противоречит то обстоятельство, что рыболовами на Севере бывают обычно бедняки. Если мы присмотримся, то всегда около этих бедняков найдем и эксплоататорские элементы. Так в долине Енисея это был описанный выше русский кулак рыбопромышленник. В тундре (а также в низовьях Енисея) это кулак-оленевод из числа тех же туземцев, снабжающий безоленного бедняка-рыбака снастью, продовольствием и т. п.

ГЛАВА VI

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ КЕТОВ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Хозяйственная жизнь кетов под русским влиянием претерпела значительные перемены, но материальная обстановка их, за немногочисленными исключениями (материал одежды, покупная утварь) отражает еще экономические условия довольно далекого прошлого. Такая живучесть старинных форм материальной культуры кетов объясняется, кроме силы традиции, еще и тем, что многие из старых навыков кетов оказались рациональными в условиях их хозяйства до самого последнего времени и, повидимому, только коллективизация нанесет им решительный удар, т. к. произведет более глубокую ломку хозяйства и быта кетов, чем переход их, под влиянием русского капитала, от натурального хозяйства к промышленной охоте с помощью огнестрельного оружия.

Жилище. Поскольку кеты, как палеоазиаты, являются одним из древнейших слоев населения Северной Азии, неудивительно, что в их жилище мы находим наиболее архаичные типы последнего. Мы имеем в виду землянки (бангусь) кетов. Они представляют собой ямы метра 1,5 глубиной и метра 3—3½ шириной и длиной. Сверху они закрываются специальными листами прошитой бересты, лежащей на деревянных перекладинах, и засыпаны землей. Небольшой очаг делается из жердей, обмазанных глиной или (в последнее время) кирпичей [1]. Пользуются землянкой кеты главным образом в течение т. н. «малой ходьбы» с 1 декабря по 1 февраля, но старики инвалиды, дети зачастую живут в ней всю зиму.

Почти таким же первобытным сооружением является летний и зимний берестяный чум (куусь) кетов. Береста, которой кроют юрты, называется по-русски «тиска», по кетски — кый. Она сдирается [2] длинными полосами метра 3 длиной и 1 шириной, вываривается в воде и прошивается грубыми нитками из покупной пряжи. При этом покрышки, которыми пользуются зимой, во время «большой ходьбы», сшиваются из нескольких слоев бересты, летние покрышки идут в

---

[1] Подробное сравнительно описание землянки см. у Кривошапкина (стр. 133).

[2] Интересно, что, сдирая бересту с березы (усь), кеты оставляют около ее подножия несколько медных монет. Но этот обычай они тщательно скрывают. Помню как один кет просил разменять для этой цели двугривенный. Вид у него был при этом очень смущенный. будто он собирается сделать, что-то нехорошее.

дело одним слоем. Преимущества таких «тисок» перед ровдужными нюками тунгусов — легкость, непроницаемость для воды и дешевизна, хотя они зато требуют большой затраты женского труда на прошивание. Размеры кетского чума: вышина $2^1/_2$—3 метра, радиус по земле—1,5—1,8 метра. Костер горит прямо на земле. Остов юрты составляют 16—20 шестов 5—6 метров длины.

Об илимке, являющейся 3-м типом жилища кетов, мы уже упоминали выше при описании водотранспортного инвентаря.

Из народов б. Туруханского края кроме кетов только селькупы (остяко-самоеды) обладают такими же типами жилищ. Но в прошлом, повидимому, и авамские «самоеды» частично тоже жили в землянках (Миддендорф). Переписью 26—27 гг. землянки не учитывались, юрт же оказалось у кетов 282 комплекта (105 зимних, 177 летних), при чем берестяные юрты имели 93% хозяйств кетов (176 из 188, у которых был произведен учет юрт). Пять хозяйств (3%) имело деревянные юрты (северные и бедняки из окрестностей Верхне-Имбатского) и одна (0,5%) елогуйская семья кочевых кетов имела избу (нос). Кроме того, кочевые кеты имели 5 лабазов (коли) и 10 амбаров.

Таким образом, мы имеем достаточную обеспеченность кетов переносными жилищами и очень малую — постоянными постройками, которые появлялись до сих пор у кетов или при обеднении или под влиянием русских.

Антигигиенические условия кетских (как и других туземных) жилищ общеизвестны. Дым от костра, сырость в землянке, холод в зимней юрте несомненно влияют на здоровье кетов, а главное на здоровье их детей. Только летние юрты, хорошо вентилируемые, представляют известные преимущества по сравнению с избами. Сами кеты говорят, что они могли бы срубить (построить) русские избы. Но, повидимому, их удерживают два обстоятельства: легкая берестяная юрта незаменима для безоленных кетов во время их зимней охоты. А сменить сырую землянку на избу, в которой отсиживались бы на зиму от морозов женщины, старики и дети, им мешает традиция. Надо надеяться, что колхозы кетов займутся постройкой постоянных жилищ в центрах относительной оседлости и тем сделают крупный шаг к оздоровлению быта племени.

Одежда и санитарные условия существования кетов. Одежда кетов заключает в себе некоторое противоречие, отражающее противоречивую структуру их хозяйств: с одной стороны — примитивного, а с другой — имеющего сугубо рыночный, товарный характер. С одной стороны, одежда кетов своим покроем продолжает традиции старого национального костюма, а с другой — материал, из которого она приготовлена, весь приобретается путем покупки у торгово-заготовительных организаций.

Летний костюм кетов: азям (котлям), вид короткого до колен халата из сукна[1] с тесемчатым узором на плечах и вдоль борта,

---

[1] В старину котлям делался из «выделанных с обеих сторон иногда выкопченных, а иногда белых оленьих кож» (Кривошапкин, стр. 126. Степанов, стр. 76).

«трековые» штаны[1], суконные или шерстяные чулки до колен, кожаные чирки с опашнями и большей частью белый платок. Зимой они носят унты (пимы, бакари)[2], которые шьют из приобретаемых на факториях «камасов» и шубы (кат) на заячьем (ушканьем) меху, по покрою являющимися тем же азямом. Заячьи шкурки тоже большей частью покупаются. Ситцевый платок продолжает служить и зимой, даже в самые сильные морозы, единственным головным убором кетов: шея всегда остается голая. На вопрос, почему они не заведут себе более теплых шапок, они отвечают, что таков обычай («вера такой»).

Азям и шубу все кеты носят, запахивая правую полу над левой, чем отличаются от эвенков, у которых полы парок и сипунов (летние куртки из сукна) сходятся спереди, но не находят одна на другую, а также от всех турецко-монгольских народов, запахивающихся слева направо, и сближаются с айнами, запахивающими свои халаты тоже справа налево.

Волосы кеты—мужчины, как и женщины, часто заплетают в косу. Между прочим утверждение В. И. Анучина, что только кеты придерживаются этого обычая, неверно. Таежные эвенки (тунгуеы) мужчины родов Куркагир, Чапогир, Панкагир, Чамдаль тоже носят косы и вдобавок обматывают их зеленым сукном для упругости. Одежда женщин кетов состоит из ситцевых платьев[3] и заячьих шуб зимой. Этими же шубами кеты зимой укрываются на ночь. Белье ситцевое почти не сменяется. Купаются только холостые кеты. Женатые, по их словам, не могут обнажать свое тело и поэтому в сильную жару летом они окунаются в воду во всей одежде, не раздеваясь. Спят кеты на покупаемых оленьих шкурах (постелях) или на медвежинах, при этом женатые завешиваются ситцевыми пологами. Лицо кеты умывают ежедневно, употребляя и мыло. В одежде и белье имеются вши. Пищу большей частью варят, реже жарят. При чем жарят как и у эвенков всегда мужчины. Рыбу часто едят сырой. Очень ценят медвежье мясо. Вместо хлеба большей частью пекут над костром лепешки, но иногда заказывают хлеб (нан) русским, а также делают небольшие глиняные печи на своих временных стойбищах, где пекут хлеб сами.

---

[1] Раньше ровдужные (кожаные) хорьки (штаны) и длинные суконные ноговицы (род гетр до бедер). Последние только зимой. Унты с ноговицами по кетски называются тесен. штаны—алепк, шапка—ды.

[2] Бакари (унты) кеты называют по-юрацки—бакарэ, что указывает на влияние самоедов-юраков в оленеводстве кетов (бакари шьются исключительно из оленьих камасов).

[3] В старину «длинные рубахи, короткие штаны и халаты, подпоясанные и открытые несколько на груди, завешенной всегда нагрудником. Головы у женщин покрываются суконными китайчатыми шапочками, опушенными каким-нибудь мехом, напр., беличьим или колонковым, так что головки зверьков утверждены спереди, а ушки расправлены вверх» (Кривошапкин, стр. 126). Только, повидимому, описание оригинальной женской шапочки относится не к собственно кетам (имбатам), а к дюгунь. Между прочим описание кетской одежды (как мужской, так и женской) у Кривошапкина и Степанова совпадает до стилистических мелочей. Очевидно Кривошапкин списывал у Степанова.

В. последнее время научились из покупаемой муки гнать самогонку.

Болезни кетов. Вопреки распространенному мнению о широкой пораженности кетов, как и других туземцев Севера, венерическими болезнями, главным образом сифилисом, его среди кочевых кетов нет, что мне подтвердил также обследовавший подкаменно-тунгусских кетов врач медицинского отряда комитета севера т. Кытманов. Исключение составляют более южные, оседлые сымские кеты (дюгунь), сильно (на 30 %) пораженные сифилисом, также как и их соседи сымские эвенки (тунгусы).

Для кочевых кетов главным бичом является трахома. Среди подкаменно-тунгусских кетов было четверо ослепших от нее взрослых мужчин, что составляет 5 % по отношению к общему числу взрослых мужчин этой территориальной группы кетов, а кроме того было и много больных, не потерявших еще совсем трудоспособности.

По Кытманову явная трахома имется у 26 % кетов, тогда как у тунгусов—лишь у 5 %.

Кроме трахомы, среди кочевых кетов распространен ревматизм и, как следствие его и тяжелой зимней ходьбы с нартами по глубокому снегу, пороки и расширения сердца (ху). От сырой пищи большинство страдает глистами. Кривошапкин (стр. 131) отмечает у кетов скорбут (цынгу) и притом в тяжелых формах. Тоже сообщает и Степанов (стр. 64): «наклонные к скорбуту, страдают они от него в тесных сырых землянках». Заболеваемость кетов цынгой может являться указанием на их более южное в прошлом местоположение, т. к. коренные народы Севера цынги почти (за исключением случаев крайнего истощения на почве голода) не знают. Среди женщин много истеричек. Приходилось наблюдать, как некоторые нервные женщины при прививке оспы падали в обморок. Между прочим, когда для операции прививки оспы смывалась спиртом грязь, кожа кетов оказывалась не менее белой, чем кожа европейцев, хотя лица их смуглы от постоянного пребывания на открытом воздухе.

Мускулатура кетов более развита, чем у тунгусов, но походка очень тяжелая, так что кета даже издали можно сразу отличить от почти грациозного эвенка.

По Кытманову, среди кетов мышечная система хорошо развита у 57 %, средне—у 27,5 и плохо—у 15,5; среди эвенков же хорошая мускулатура оказалась лишь у 42,3 %, средняя—у 36,5 и плохая—у 21,2. Очевидно, оленеводчество тунгусов частично разгрузило их от самых тяжелых видов работ (возка на себе нарт) и потому мышечная система их не получала такое развитие как у кетов.

Средний рост кетов по Кытманову 158 *см* для мужчин и 152 для женщин. У эвенков же соответственно 151 и 146. Объем груди у кетов 86 (м.) и 79 (ж.), у эвенков—81 и 61. По В. И. Анучину средний рост мужчин кетов—159 *см*.

Туберкулезных у кетов 2,1 %, катарр верхушек легких—у 5,5 %. У эвенков катарр верхушек легких у 14 %.

Из накожных болезней у кетов широкое распространение имеет чесотка.

Народное образование. Про народное образование у кетов при царизме говорить не приходится. Его не было. Лишь отдельные мальчики попадали иногда в миссионерские школы, где учились «на псаломщика». Но какова их судьба—неизвестно, а на культурный уровень своего народа они никакого влияния не оказывали и грамотных кетов не регистрировалось.

В настоящее время, с помощью советской власти, кеты сделали значительные шаги вперед. Среди них мы уже имеем человека с высшим образованием (И. Дибиков). Кроме него, в институте народов севера учится еще 3 кета. Есть грамотные кеты и на местах среди работников кооперации (упоминавшийся выше В. Топков). В 1931 году функционировала кетская школа с 30-ю учениками на Черном острове, которую обслуживал 1 учитель и 1 технический работник. В течение второй пятилетки будет открыта еще 1 школа и укрупнена существующая. Несколько кетов (в том числе и девушки) учатся в Енисейском педтехникуме.

Преподавание пока происходит на русском языке.

В 1934 г. намечается выпуск кетского букваря. С получением учебника и при наличии кадров (студенты ИНС) и Енисейского педтехникума можно надеяться, что удастся перейти к школьной работе на родном языке.

По переписи 1926—27 гг. грамотных кетов оказалось 9 человек или 2 % к общему числу кетов старше 17 лет. Сибстатуправление определило число грамотных у кетов в 247 чел. Эту же цифру повторил и т. Алькор (Кошкин) в своей брошюре об алфавите для народов Севера.

Такое большое количество грамотных кетов является явным недоразумением, происшедшим от упоминавшегося выше смешения кетов с какими то «енисейцами» в Енисейском районе. Эти «енисейцы» говорят только по-русски и обладают средней для сибирского русского населения грамотностью.

Поэтому работникам по северу надо учитывать этот казус и не относить кетов к народам с двадцатипроцентной грамотностью. По второй культурной пятилетке ликвидация неграмотности кетов намечается лишь к 1936 году.

Кооперация у кетов. В 1931 году у кетов было 2 самостоятельных интегральных кооператива: Суломхай (на р. Подкаменной Тунгуске у Черного острова) и Елогуйский. Кроме того, большинство остальных кетов входили членами в русские кооперативы. Нижеследующее перечисление показывает нам размеры кооперативного строительства у кетов (см. таб. 28 на стр. 122).

Кроме того, кеты были членами кооперативов в Ярцеве (14 ч.), Ворогове (11 ч.), Верещагине (6 ч.). В Ярцевой и Вороговой это, конечно, не настоящие кеты, а югунь.

Всего мы имеем кетов в своих кооперативах 159 человек (28 женщин) и в русских—200 человек. Последнюю цифру надо считать

Таблица 27

	Пайщиков кетов	Пайщиков проч. тузем.	Пайщиков русских
I. Кетские кооперативы:			
1. Суломхай	96	--	4
2. Елогуйский	63	19	2
II. Русские кооперативы:			
1. Зыряново-Сургутский(Верхне-Имбатский)	43	29	105
2. Черноостровский (Татарский)	44	—	118
3. Горошихинский	58[1]	10	119
4. Игарский .	24[1]	129	129

несколько преувеличенной, так как в число кетов («енисейцев» по терминологии Туруханскоюза) попала и часть остяко-самоедов быв. Карасинской управы в Игарском районе. Данные о проц. кооперированности кетов за 1931 г. отсутствуют. За 1926—27 гг. данные приведены выше.

Деятельность кетской кооперации по заготовкам в 1930 году имела следующие результаты:

Таблица 28

	План заготовок	Заготовлено в рублях				Доход от продажи
		Пушнина	Рыба	Пр. загот.	Итого	
Суломхай	29270	31661—90	1288—20	283—70	33233—80	4323—74
Елогуй .	22280	12794—92	253	1373—19	14421—10	2074—04

Этот цифровой материал свидетельствует о том, что Суломхайский кооператив работал лучше Елогуйского. Показательно невыполнение Елогуйским кооперативом плана заготовок. Отчасти это может быть объяснено случайной причиной—неурожаем белки на Елогуе в 1929—30 гг. и молодостью кооператива.

За последние годы обороты кооперативов возрастают, в частности возрасли и паевые капиталы: у Суломхая с 3967-64 в 1930 г. до 4287-73 в 1931 г., у. Елогуйского—с 1375-22 в 1930 г. до 1978-51 в 1931 г.

[1] Очевидно, здесь кеты смешаны с остяко самоедами. Работники Туруханского края обычно плохо разбираются в племенном составе туземцев.

Кроме производства операций по снабжению членов товарами и заготовки пушнины, кетская кооперация содействует и развитию у кетов оленеводства. Елогуйским кооперативом было получено для выдачи ссуд беднякам на приобретение оленей 7500 руб. из 4% годовых. Черноостровским, смешанным русско-кетским кооперативом получено на этот же предмет 5000 руб. Из полученных средств Елогуйский кооператив выдал на покупку оленей (на 1/VI — 31 г.) 6225 руб.

Культурно-просветительная работа кооперации развернулась в недостаточной степени, а главное отсутствовал специальный подход к кетам, как нацменьшинству. Доклады кетам делались почти без учета их нац. особенностей и интересов. В своем отчете Туруxансоюз отнес подкаменно-тунгусских кетов к..... остяко-самоедам.

Аппарат кетской кооперации (т. е. Суломхайского и Елогуйского кооперативов) состоял (1930 г.) из 22 чел. (10 чл. правления, 8 чл. ревкомиссии, 2 счетоводов, 2 приказчиков). Кетов в том числе было 15, русских 4, остяко-самоедов 3, членов ВКП(б) 2 (1 кет, 1 русский), бедняков 14, середняков 6, служащих (русские) 2.

Актом, завершающим национально-культурные достижения кетов, является постановление президиума Восточносибирского краевого исполнительного комитета об образовании Кето-Селькупского национального округа.

Новый округ намечен в пределах б. Туруханского района с присоединением к нему ряда прилегающих территорий и выделением четырех сельсоветов, населенных почти исключительно русскими (Ярцевский, Вороговский, Никулинский и Горошихинский).

В округе будет около 7500 чел. населения, из них 15,4% кетов, 19,6% селькупов, 6,4% эвенков и 58,6% русских.

Центром округа намечено с. Ново-Туруханск. В состав округа должны войти районы: *Тазовский* (селькупский) 237 х-в (селькупов—86,5%, эвенков—11,0%, кетов — 2%, русских—0,5%) с центром в с. Церковенское; *Елогуйский* (кетский) 203 х-ва (кетов — 66,0%, селькупов -21,0%, эвенков—13,0%) с центром в фактории Елогуй; *Подкаменно-Тунгусский* 214 х-в (кетов- 30,0%, эвенков—23,0%, русских—47,0%) с центром в с. Подкаменная Тунгуска и *Туруханский* (русский) 556 х-в (русских — 90,0%, кетов — 4,0%, эвенков— 4,0%, селькупов — 2,0%) с центром в с. Ново-Туруханске.

Из семи тузсоветов, в состав которых входят кеты, в округ не входит лишь Курейский район, тяготеющий преимущественно к Игарке. Всего округ объединяет 89% кетов и 97% селькупов Восточносибирского края.

Валовой доход округа составит около 1200000 руб., из которых более половины получают туземцы.

Округ должен ежегодно давать товарной пушнины на сумму около 500 т. рублей (в. т. ч. туземцы 70%) и рыбы на 100 т. р. (туземцы около 10%).

Ближайшими перспективами округа явится развитие северного огородничества и животноводства с целью превращения его

в молочно-овощную базу для снабжения соседних северных нац. округов и индустриальных центров. Лесные богатства округа делают его ближайшей сырьевой базой игарских лесозаводов.

Индустриализация округа явится мощным стимулом культурного роста туземцев и вовлечения их в социалистическую промышленность.

Постановление об образовании Кето-Селькупского нац. округа явилось блестящим примером осуществления ленинской национальной политики партии. Еще в 1928 году буржуазный исследователь г. Финдейзен озаглавил свою статью о кетах «Народ вымирает». Образованием национального округа, развитием экономики, вовлечением в социалистическое строительство и расцветом культуры отвечает страна диктатуры пролетариата на истерическую романтику буржуазной этнографии об «исчезающих» племенах севера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хозяйство кетов нельзя считать продуктом прямолинейного развития. Оно претерпело экономическую эволюцию под влиянием русского капитала. Поэтому определить его принадлежность к одному из типовых экономических укладов довольно затруднительно.

К появлению на Енисее русских среди (тогда, повидимому, почти сплошь пеших) кетов можно было констатировать, кроме основной массы—охотников, существование лишь двух прослоек: шаманов и военных предводителей («воевод»). Отсутствие соответствующей экономической базы—оленеводства—замедлило перерастание «воевод» в наследственный господствующий класс, но в некоторой степени эти герои кетского эпоса, повидимому, считали себя своего рода «белой костью» и заключали браки по свидетельству тех же легенд преимущественно в своей среде. Но политически рода они не объединяли. Этим объясняется разница между кетским и эвенкийским родом. У последних, вплоть до революции, род являлся административной ячейкой. Еще при завоевании эвенков их предводители—«князья» выступали перед русскими в качестве представителя рода и царская администрация, передав эвенкийским «князьям», как наиболее близкому ей по духу элементу, ряд административных функций, закрепила эвенкийский род как административное звено. Эвенкийский «князь», получив полномочия и утверждение от «белого царя», продолжал править в своих прежних владениях. С другой стороны, побаиваясь его влияния среди туземцев, царская администрация урезала его права, допустив выборность «князя» и тем самым еще усилила род, превратив его в своего рода крестьянскую общину, но построенную не по территориальному, а по родовому признаку. Поэтому эвенкийский род почти всегда совпадал с позднейшей управой.

У кетов же управа не совпадает с кровным родом. Очевидно, не выявив у кетов, в первое время по завоевании их, правящих элементов, царская администрация стала создавать свои управы по территориальному признаку и кровный род, разделенный между управами, потерявший свое политическое значение, остался лишь регулятором брачных отношений, как традиционное объединение без каких-либо реальных функций. Свое экономическое значение он постепенно терял с ростом товарных отношений. Отсутствие и резко отрицательное отношение к полигамии (многоженство) у

кетов свидетельствует, что у них не было ее предпосылок—скопления богатств в руках отдельных лиц, дающего возможность содержать несколько жен.

Переход общества на высшую ступень под воздействием торгового капитала требует предпосылок в самом способе производства общества. Такой производственной предпосылкой на севере является оленеводство. Поскольку заимствование оленеводства кетами происходило уже по приходе русских (вспомним, что к появлению последних они были еще пешими «булашами»), видоизменение экономического и социального строя кетов шло под двойным воздействием: изнутри его видоизменяло развитие оленеводства, а извне влиял торговый и позже промышленный капитал, действуя на образование развивающихся новых общественных отношений в направлении развития общества не с натуральной, а с товарно-меновой хозяйственной экономикой. Оленные кеты развивались непосредственно к ранним формам капитализма.

То, что туземцы севера представляли кочевников с весьма примитивными формами хозяйства не являлось препятствием для такого развития. По Марксу развитие торгового капитала и «торговый дух» часто свойственны как раз не оседлым, кочевым народам (Капитал, т. III, гл. 20, стр. 256). Производство оленных кетов приобретало ряд мелкокапиталистических черт—частную собственность на орудия производства и высокую товарность. Но третий признак мелкого производителя—его «свобода»—оказался резко ослабленным. С одной стороны туземцы находились в зависимости от русского скупщика пушнины (явление, укладывающееся в капиталистические рамки кулацкой кабалы), но с другой—в соседних с селькупами районах большая часть бедняцких и середняцких хозяйств, как оленных, так и живущих среди них пеших, была закреплена и связана с отдельными богачами-оленеводами формами более прочными, может быть даже феодального порядка.

Вся территория оленных групп кетов была разделена на «сферы влияния» богачей (например, Елогуй—за Осипом Ириковым), куда был закрыт доступ другим туземным кулакам и где богачи были полновластными хозяевами, снабжавшими бедняков оленями, орудиями промысла, продуктами, владели фактически лучшими оленьими пастбищами и эксплоатировали бедняков в форме патриархальной опеки. Эта форма личной зависимости массы населения от богачей-оленеводов носила черты явно феодального порядка и только давление русского промышленного и торгового капитала мешало им окончательно оформиться.

В целом экономический и социальный строй оленных групп кетов, как и соседних им селькупов, можно характеризовать как отсталое патриархальное хозяйство мелко-товарного типа с моментами, отражающими перепрыгнутую ими феодальную стадию, с сильным развитием торгово-капиталистических элементов и слабыми остатками родовой «взаимопомощи», служащей лишь для прикрытия махинаций эксплоататоров.

Общественно-экономический строй пеших кетов Подкаменно-тунгусской группы представляет более чистый результат разрушения родового строя торговым и промышленным капиталом.

Оленеводства, как основы, на которой могли бы сложиться мелко-капиталистические элементы, у Подкаменно-тунгусской группы не было. Они целиком противостояли капиталу. Но условия, способствовавшие сохранению родового строя—«низкое развитие производительных сил труда и соответствующая ей связанность людей в процессе создания материальной жизни» (К. Маркс), тоже исчезли с введением огнестрельного оружия и развитием меновых отношений с русскими. Основой производства стали отдельные индивидумы. Поэтому основой общественной организации стала семья, а не род. Для русского капитала такая форма была более удобной, так как она облегчала эксплоатацию отдельного охотника.

Средства производства перестали быть в общественном пользовании «известных человеческих групп» и перешли в индивидуальное пользование. Произошло усиление личностей. Но пользу из этого ее усиления извлекла не она сама, а русский капиталист или «свой», ее эксплоатировавший, оленевод. Первая община у кетов явилась «последней ступенью первобытного коммунизма и первой—классового общества» (Маркс). Господствующие классы выделились не из самих пеших кетов. Ими стали или русский кулак или кет и селькуп-оленеводы.

Для подкаменно-тунгусских кетов это в первую очередь был русский кулак. Товаризация охоты пеших кетов обусловила то парадоксальное явление, что из хозяйства, при натуральной экономике бывшее слабейшим в товарном обществе, в условиях ружейной охоты оно превращалось в хозяйство даже рентабельнее оленного (см. выше). Но тем больше оно стало зависеть от русского скупщика. У безоленных кетов Подкаменно-тунгусской и частью Верхне-имбатской групп русский кулак целиком заменил «своего» оленного богача, эксплоатируя пеших кетов прямо как пролетаризированную рабочую силу тайги.

Пушнина в руках пеших кетов не могла обратиться в капитал, ибо «известная сумма ценностей лишь тогда обращается в капитал когда она затрачивается в предприятии, образуя прибавочную стоимость». Такого порядка ценностью были олени, но как раз у подкаменно-тунгусских кетов их не было Получаемые же от тех же русских ружья и сети, вследствие быстрого изнашивания (ружье в 3 года, сеть—еще скорее), не могли стать прочной базой для накопления, а обычай общественной постройки илимки препятствовал дифференциации на почве владения последними.

В целом пешие подкаменно-тунгусские кеты были прикованы железной цепью к русскому купцу и не могли порвать ее ни на минуту, т. к. в таком случае им неминуемо угрожал голод, тогда как у оленных групп всегда оставался резерв в виде оленей и они в большей степени зависели от «своего» кулака, чем даже от русского.

Род тем не менее сохранился у подкаменно тунгусских кетов в быту и в идеологических представлениях. Социальный строй подкаменно-тунгусских кетов представляет реликт в отношении живучести родовых традиций, экономически являясь обществом мелких товаропроизводителей, вышедших непосредственно из условий родового быта.

Соглашаясь с мнением т. С. П. Толстова, высказанным им в статье «Проблемы дородового общества» («Советская этнография» № 3—4 за 1931 г.), что родовой строй является в результате мотыжного земледелия, скотоводства и в лучшем случае некоторых видов высшей охоты, «связанных с крупными коллективными предприятиями и фактически стоящих на грани скотоводства», приходится признать, что кеты являются народом остановившимся в своем развитии, а может быть даже регрессировавшим. Мы знаем, что к приходу русских на Енисей кеты не были ни земледельцами, ни скотоводами (оленеводами), а охота производилась ими на таких зверей и в таких географических условиях (лес), которые не способствуют коллективным формам охоты, применимым обычно в открытых местностях.

Также и южные соплеменники кетов—коты, знакомые правда в отличие от кетов с формами систематического собирательства[1], занимались охотой и рыболовством, не имея ни оленей ни другого скота[2], чем отличались от других народов бассейна верхнего Енисея,—оленеводов самоедов (камасинцев) и скотоводов турок, постепенно поглощавших их.

В дальнейшем марксистская палеонтология речи и археология несомненно дадут нам точные ответы на вопрос о хозяйственных ступенях, пройденных кетами, и о их связи с другими народами. Нам же пока приходится ограничиться лишь следующим наброском истории кетов.

Из неизвестной нам, но настолько высокой стадии экономического развития, которая обусловила родовую организацию и монотеистическое мировоззрение, они были отброшены в обстановку первобытных охотников. В таком состоянии кетов находят русские, разрушившие их натуральное хозяйство и сделавшие их придатком к капиталистическому миру, силами хозяйственно-политического гнета заставив их специализироваться на добыче товарной пушнины. Октябрьская революция освобождает кетов от русского капитализма. В период нэпа кеты вступают на путь быстрого роста капиталистических отношений внутри племени. В настоящее время кеты переходят к социалистическим формам хозяйства.

Но почему кеты и другие туземцы Севера, превратившись после русского завоевания в мелких товаропроизводителей, тесно

---

[1] Известны у котов лопатки для выкапывания сараны (съедобный корень). Н. Н. Козьмин. Хакассы, стр. 58.

[2] Сборник «Памяти М. А. Кастрена», В. Г. Богораз. Кастрен—исследователь палеоазиатов.

связанных с мировым рынком и пользующиеся усовершенствованными орудиями производства, продолжают в быту и идеологии сохранять пережитки гораздо более старых хозяйственных укладов?

Кроме общеизвестного факта живучести старых идеологических форм, судорожно цепляющихся за право на существование уже тогда, когда экономические предпосылки, породившие их, исчезают, у народов севера, в том числе и у кетов, важную, если не решающую роль сыграл еще один фактор. Употребляя в своем хозяйстве орудия, являющиеся продуктами высокой капиталистической техники, кеты сами их не изготовляют.

Это обстоятельство является главной причиной, обусловливающей культурную отсталость народов севера. Одна только внешняя связь с капиталистическим миром оказывалась недостаточной для того, чтобы сломать старинные устои быта народов севера. Выкачивая прибавочный продукт труда туземцев, хищническая торговля не везде создавала в тайге и тундре новые способы производства в общественном смысле. Поэтому только социалистическая индустриализация севера, вместе с коллективизацией его, будет поворотным моментом к окончательному изживанию кетами и другими народами севера всех остатков в быту и идеологии родового строя, феодализма, а также более позднего идеологического влияния со стороны русского капитализма.

Обратимся теперь к социалистическому пути развития хозяйства кетов. В 1931 г. у кетов было уже 2 колхоза. Оба они были у подкаменно-тунгусских кетов и объединяли 15 хозяйств. Образовались колхозы и у северных кетов. Кроме того, отдельные кетские семьи входили и в другие туземные и русские колхозы (близ Ново-Туруханска, Игарки). По данным 1931—32 гг. коллективизировано было около 20 кетских хозяйств, т. е. 8% их общего количества. К настоящему времени процент колхозников увеличился более чем вдвое. Вместе с коллективизацией идет процесс оседания. Напр. колхоз «Новый быт» живет уже в Туруханске в домах.

В дальнейшем коллективизация кетов пойдет более быстрым темпом. Без сомнения к концу второй пятилетки, ознакомившиеся с преимуществами колхозного строя, трудящиеся кеты коллективизируются полностью.

Основной формой колхоза у кетов является простейшее производственное объединение, в котором обобществляются олени и рыболовный инвентарь. Чумы, лабазы, илимки не обобществляются. Известная часть оленей оставляется в личном пользовании для передвижения и питания семьи колхозника. Коллективизация охотпромысла очевидно пойдет по линии главным образом снабжения членов колхоза орудиями промысла, боеприпасами, продуктами и теплой одеждой и коллективной сдачей пушнины. Контрактация должна в этом направлении, помимо внесения элемента плановости в охотхозяйство, выдачей артелям авансов под законтрактованную пушнину, помочь беднякам-колхозникам улучшить свое охотничье снаряжение и снабжение всем необходимым в течение охотничьего

сезона. Этим у бедноты сравняются шансы на успешную охоту с остальными охотниками, а у спекулянтских элементов будет отнята возможность эксплоатировать бедняков под видом снабжения их всем необходимым.

Наряду с коллективизацией, 2-я пятилетка намечает еще более значительное возрастание жизненного уровня кетов благодаря увеличению выхода товарной пушнины на 153% и мяса—на 500%. Это увеличение рентабельности промыслов кетов будет достигнуто следующими путями.

1. Более полной нагрузкой охот. районов.
2. Использованием нетранспортабельных продуктов переработкой их на месте.
3. Плановым ведением охоты на основе зооветминимума.
4. Повышением товарности (мяса, битой птицы).
5. Развитием побочных промыслов (ягоды, орехи).

Для этого на территории, занимаемой кетами, предполагается организация 4-х звероводно-охотничьих пром. комбинатов.

1. На р. Елогуе (ондатра, соболь, белка).
2. „ р. Бахте (копытная дичь, белка, соболь).
3. „ р. Сыме (белка, ондатра, копытная дичь).

Близ Туруханска (белка, песец, копытная дичь, водоплав. дичь).

Задачей, поставленной перед комбинатами, помимо непосредственной цели—содействия увеличению числа промысловых животных и птиц и поставки товарной пушнины и дичи, является и ознакомление туземного населения, т. е. кетов, с методами ведения культурного хозяйства и оказание содействия этому населению в переустройстве своего хозяйства и быта. Таким образом, звероводно-охотничьи комбинаты сыграют на севере ту же хозяйственно-политическую и культурную роль, какую играют в сельскохозяйственных районах МТС.

Кроме того, специально для кетов проектируются 2 культбазы, в первую очередь на Елогуе и затем на Черном острове (Суломхае). Около баз будут организованы постоянные поселки. Кочевать придется лишь пастухам за оленями и охотникам во время белкования. На этих же базах кеты будут иметь постоянную врачебную помощь и культурное обслуживание.

Всеми этими экономическими и культурными мероприятиями предполагается ежегодный естественный прирост кетов довести до 2,3%, так что к 1938 году, к концу 2-й пятилетки, их численность должна достигнуть почти 1600 человек.

Таким образом, народ, обреченный буржуазной этнографией на вымирание, интересный для нее лишь как «музейная», азиатская диковина (и при капитализме, безусловно, вымерший бы), уверенно двинулся к своему возрождению и расцвету.

Под руководством государства пролетарской диктатуры идет успешная перестройка хозяйства кетов на новых социалистических принципах.

Рядом с кочевыми стойбищами кетов растут советские индустриальные центры—Игарка, Курейский графитный рудник, а еще больше должно вырости их во 2-ю пятилетку, когда начнется подлинное освоение для социализма естественных богатств Севера.

При капитализме это означало бы, что наступил последний час для народов Севера. Только два пути оставлял промышленный капитализм для малых народов земного шара. Это путь денационализации для господствующих классов и путь превращения в люмпенпролетариев нищих, стираемых с лица земли победоносным шествием «высшей культуры» для основной массы этих народов.

Но у нас индустриализация севера при проведении ленинской национальной политики будет иметь своим результатом то, что в рядах культурных, сознательных строителей социализма на севере мы будем иметь и потомков древнейшего населения Азии, может быть родственников шумеров, хеттов, кмеров, жителей города Кара-Хото, а ныне наших сограждан по СССР—кетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. Известия о-ва любителей естеств. антроп. и этнограф. Т. С. XIX, труды этн. отд., вып. II. Спб. 1910. стр. 187—89.

2. Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных писателей и путешественников, т. I с XIII по XVIII век. Иркутск, 1932 г.

3. Алькор (Кошкин) Я. П. Письменность народов Севера. Лнд. 1931 (стр. 5, 11, 13, 18).

Используя работу тов. Алькора, надо иметь в виду, что им ошибочно указывается число грамотных кетов по переписи 1926—27 гг. 247 вместо 9, а общая численность кетов по этой переписи определяется в 1428 челов. вместо 1046.

4. Анучин В. И. Лекции этнографа В. И. Анучина. «Енисейская мысль». 1913. № 69, Красноярск.

5. Он же. Об енисейских остяках, газ. «Красноярец . 1909 г. № 22—23, Красноярск.

6. Он же. Очерк шаманства у енисейских остяков.

7. Он же. Предварительный отчет по поездке к енисейским остякам в 1905 г. Извест. русск. ком. для изучения Ср. и Вост. Азии № 6 (декабрь), стр. 38 — 50. Спб. 1906 г.

8. Арефьев В. Енисейские инородцы (популярн. очерки), «Сиб. сб». приложение к Восточн. обозрен. 1902 г., стр. 1—40.

9. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в. Москва. 1928. Упоминает об инбаках на 162 стр.

10. Близняк Е. В. Заметки о нижнем Енисее. Извест. Рос. Географ. О-ва. т. 50, в. 7.

11. Богораз-Тан В. Г. Новые данные по вопросу о проазиатах.

12. Он же. Кастрен — последователь палеоазиатов. Сборник памяти М. А. Кастрена. Лнд. 1927.

13. Он же. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке. Сборник МАЭ. VI. 1927 г.

14. Буцинский П. Н. К истории Сибири, мангазея и Мангазейский уезд. Записки Харьк. ун-та за 1893 г., кн. 1.

15. Вагнер. Сибирская ссылка, журн. «Древняя и новая Россия за 1875 г., есть на немецком и французском языке.

16. Вести из экспедиции к туруханским остякам (из письма В. Анучина к А. Макаренко). «Жив. старина» 1906 г., т. XV, вып. 2, стр. 47.

17. Гагенмейстер. Статистическое обозрение Сибири. Спб. 1854 г., т. II.

18. Географические извест. России. Пр. 1916 г. № 5—6, стр. 761—769.

Краткое описание путешествия Кая Доннера по Северу Енисейского края.

19. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ст. 1799, ч. 3, 4.

20. Грум-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии. Сб. к 70-летию И. Н. Потанина. Зап. РГО (по отд. этн.). 1909. т. 34.

21. Он же. Западная Монголия и Урянхайский край, том II. Лнд. 1926 г. Приводит много сведений о кетах, но б. ч. заимствованных у Третьякова, Кривошапкина и др. В некоторых случаях трудно определить кого автор имеет в виду: кетов или обских остяков, по мнению автора кеты несомненные потомки диньлинов».

22. Деникер М. Человеческие расы. Спб. 1902, стр. 445 относит кетов к особой группе народов енисейцы (туба), которую связывает с финно-уграми и считает потомками динь-линей.

23. Доброво-Ядринцева Л. Н. Туземцы Туруханского края, опыт исслед. экономич. положения. 1925. Новониколаевск.

24. Зарубин И. И. Список народов СССР. Лнд. 1927 г.

25. Енисейские остяки. Восточн. Обозрение 1897 г. № 43.

26. Исаченко В. Л. Инородцы Туруханского края, материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромышлен. отношении, в. IX. 1915. Красноярск, стр. 30—43, 45—57, 59.

27. Кагаров Е. Г. Ревизия этнографии народов Советского севера на западе и ее классовая подоплека. Советский север. 1931 г. № 11—12.

28. Каргер Н. К. Оленеводство у енисейцев (кето). Советский север 1930 г. № 6.

29. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь 1845—1849, магазин землеведения и путешествий 1860 г., т. VI, ч. 2, стр. 196—482.

30. Костров К. Н. Очерки Туруханского края. Зап. С. О. 1857, т. IV, ст. 61—175.

31. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Зап. Русск. Геог. О-ва 1762 к. 4, 1863 к. 1 Отдел. изд. 1865 г. Этнографические материалы Кривошапкина б. ч. заимствованы у Третьякова и Степанова, но есть ряд наблюдений самого Кривошапкина.

32. Кытманов Д. Туземцы Туруханского края. «Сев. Азия», 1927 г. № 2—3.

33. Латкин П. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее, 1892 г.

34. Лавов А. К. Поездки к енисейцам кето-елогуйского рода. «Сев. Аз.», 1—2 кн. за 1931 г.

35. Максимов А. Н. Русские инородцы, М. 1901 г., изд., газ. «Русская мысль»

36. Малая советская энциклопедия. Енис. остяки, т. III, стр. 98.

37. Марр Н. Я. От шумеров и хеттов к палеоазиатам, докл. Акад. наук СССР. 1926 г., стр. 137—136.

38. Маслов. Бродячие народы Туруханского края, «Заволжский муравей», 1833 г., ч. 1., № 5. стр. 275—291. № 7, стр. 392—415, ч. 2, № 9, стр. 506—523. № 10, стр. 562—575.

39. Миддендорф А. Ф. Путешествие по Сев. и Вост. Сибири, ч. 2, отд. 6, Коренные жители Сибири. Спб. 1878 г., стр. 657—661, 631.

40. Миллер Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их обрядов, перевод с немецкого в 3 частях. Спб. 1776.

41. Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае. Вести. РГО. 1860 г., т. XXVIII, в. 2. Москва.

42. Никитин М. Путь на Север, 1929. «Федерация», стр. 33—36, 59, 61, 63. 67, 80, 95. 121, 126, 129, стр. 28, 38, 42, 62.

43. Оглоблин Н. И. Книги Сиб. приказа. Обозрение столбцев и книг (1592—1768), ч. 1. М. 1895 г., стр. 93.

44. О необходимости снаряжения экспедиции в Туруханский край для изучения енисейских остяков. Из протоколов заседан. Русск. комитета для изучения Ср. и Вост. Азии. Извест. русс. к-та для изучен. Ср. и Вост. Азии. 1905 г. № 5, стр. 9—13.

45. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб. 1911, изд. Ак. н., стр. 116—119.

46. Он же. Список народностей Сибири. Лгд. 1923, труды КИПС. Ак. н., стр. 9.

47. Он же. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании переписи населения 1897 г. и других источников.

Зап. РГО 1906 г., т. XXXI, ч. 5, вып. 1—2, стр. 158. Приводит фамилии сымских кетов (югунь).

48. Он же. Племенной состав и численность населения Сибири. Еж. России. 1905 г.

Издан. Центр. стат. ком-та МВДП. 1906 г., стр. 25—48.

49. Он же. Лекция В. И. Анучина о енисейцах. Сиб. жизнь. 1909, № 81—82.

50. Он же. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.).

Т. I: Сводные таблицы и краткие выводы Зап. РГО (по отд. статист.) 1912 г., т. XI, вып. 1. Таб. том. Т. II. Тобол., Томская и Енис. губернии, зап. РГО (по отд. статист.) 1911 г., т. I, вып. 2.

Помимо прочих статист. и этнографич. данных во II томе этого труда имеется полная дислокация туземцев Сибири по данным переписи 1897 г. (в том числе и кетов).

51. Передольский В. В. По р. Енисею и его притокам. Письмо Извест. и РГО., т. XXII, стр. 214. Упоминаются лосэльмы «идолы» остяков.

52. Он же. По Енисею. Быт енисейских остяков. 1909 г.

Даются художественные, живые картины эксплоатации кетов и других туземцев русским кулачеством. Но автор смешивает, повидимому, кетов с остяко-самоедами. Приведенные им названия бога и шамана не кетские, а остяко-самоедские.

53. Пешель О. Народоведение.

54. Поездка его преосвященства преосвященнейшего Тихона епископа Енисейского и Красноярского в Туруханский край для обозрения церквей (с 11/VI по 26/VII 1890 г.). Красноярск. 1890, стр. 13, 15, 19, 20, 23, 39, 45, 44, 51 и др.

Приводятся довольно интересные бытовые сцены из жизни кетов. Есть и цифровые данные.

55. Попов Андрей. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Москва. 1869 г., стр. 401, 403.

56. Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края. «Этнография». 1928. № 2.

Приведены любопытные данные о связях кетов с остяко-самоедами и о родах кетов.

57. Романов Ф. Об инородцах Нижнего Енисея. «Сиб. жизнь 1899, № 2.

58. Семенов Б. С. Енисейские остяки. Сиб. Р. 1919 г. № 5, стр. 93—103.

59. Сибирская советская энциклопедия. т. II. Енисейцы.

60. Силинич И. П. К вопросу об антропологич. типе населения Сев.-Зап. Сибири. Русск. Антр. журнал 1916. IX—XI. № 3—4. стр. 49—51.

61. Синельников Н. А. Енисейские остяки по наблюдениям и измерениям В. Н. Анучина. изв. общ. люб. ест. антр. и этн., т. с XXIV. труды антр. отд. XXVIII. в. I, 1911 г.

62. Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. стр. 3.

63. Сосновский Вас. И. Сяньбитцы—эвенки. Иркутск. 1929.

64. Список населенных мест Енисейской губерн. 1864 г., стр 58—59.

65. Степанов А. П. Енисейская губерния п. 1835 г., стр. 33 34, 37—42. 54—66, 76—80.

66. Сведения краткие о результате экспедиции В. А. Анучина в низовьях Енисея 1915—1907 гг. «Жив. старина». 1908 г., т. XVII, в. I. стр. 125—126.

67. Тарасенков Г. Н. Туруханский край. Красноярск. 1930 г., стр. 117., 119, 121, 122. 124, 128, 130, 131, 144, 180, 181, 182. 216, 217, 231, 247, 280, 290, 291. 295, 304, 316, 320. 333, 336, 340, 341. 343, 344. 346. 347, 348, 360, 376, 391, 440. 554.

68. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. Зап РГО. 1869 г., т. II, стр. 215—530.

69. Тэль Г. Заметка об инородцах Туруханского края (самоеды, остяки, тунгусы). Из соч. А. Э. Норденшельда. «Экспедиции к устьям Енисея 1875 и 76 гг». Пер. со шведского. Пб. 1880. стр. 163—165.

70. Тугаринов А. Я. Туземцы Приенисейского Севера. Красноярск, 1927 г.

71. Устюгов А. Пути социалистической реконструкции хозяйства мал. народностей Севера, Москва. 1931 г., стр. 7, 9, 19, 22, 23, 32, 46.

72. Финдейзен Г. Из поездки к кето в 1927—28 гг. «Сев. Азия». 1929 г. № 2

73. Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания ее российск. оружием. Спб. 1774, стр. 233—271.

74. Ф—в. Енисейские остяки. Газ. «Сибирь». 1884 г. № 50.

75. Шнейдер А. Р. и Доброво-Ядринцева Л. Н. Население Сибирского края. Сибкрайиздат. 1928., стр. 18—21. 94 48.

76. ЦСУ СССР. Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР 1926--27 гг. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. 1929 г. Статиздат ЦСУ СССР.

77. ЦСУ СССР. Материалы приполярной переписи 1926—27 гг. в Сибирском крае, вып. I, II, III. Новосибирск. 1929 г.

78. ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г., том VI. Сибирский край Бур.-Монг. АССР. 1928 г. Изв. ЦСУ СССР. Москва, стр. 12, 44, 48.

79. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, т. 43, стр. 368.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Czaplicka M. A. My Siberian year. London (1915).

Она же. Aboriginal Siberia, a Stuky in social Anthropology. Oxford, University Press. 1914.

Castren M. A. Versuch einer Ienissei-Ostjakischen und Kottischen Sprachlehre. St. Pet. 1858.

Он же. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. 1857.

Donner K. Beiträge zur Frage nach den Ursprung der Ienissei Ostjaken. Journal de la sociètè Finno-Ougrienne. Helsinki, 1920.

Findeisen H. Bei dem Fischer und Iägervolk der Ienissei-Ostjaken in Nordsibirien. Der Erdball, Ig. 1928, Heft 9, S. 338—346. Mit 6 Abb.

Он же. Neue Untersuchungen und Materialen zum Problem der Westsibirischen Altasiaten sowie über den Ursprung der Altasiaten überhaupt. Zeitschrift für Ethnologie. Ig. 1927, Schluszheft.

Он же. Die Fischerei im Leben der altsibirischen Völkerstämme. 75 S. Zeitschrift für Ethnologie Ig. 1928, Heft 1.

Он же. Reisen und Eorschungen in Nordsibirien 1927—28. Berlin. 1929.

Findeisen H. Ein Volk stirbt aus. Die Gartenlaube. 1928 № 42. Berlin. 18 Oktober. S. 875—877.

Он же. Landkarten der Naturvölker. 1927 (пересказ материала Б. Ф. Адлера).

Nansen F. Gjennem Sibirien. Kristiania, 1914, стр. 136—141, 162—166, 171, 174—187 (есть русский перевод).

Ramstedt G. Uber den Ursprung der Ienissei-Ostjaken. Journa de la sociètè Finno-Ougrienne. XXIV. Helsingfors, 1907.

Stralenberg F. J. Die Ostliche teul Europa und Asien. Stokholm. 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственный редактор К. Хейфец

Техредактор К. Бирялымина

Корректор М. Комченко

Иркутск, тип. Огиза треста „Полиграфкнига". Заказ № 765. Крайлит № 1239. Огиз № 549. Тираж 2000. Сдано в набор 28 марта. Подписано к печати 10 июня 1934 года. Формат бумаги $61 \times 94 \, ^1/_{16}$. Печатных знаков в 1 печ. листе 46848. Бумажных листов $4 \, ^1/_4$. Бумага фабрики Балахна.

2 руб.